

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1898.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово произнесенное въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Огнь остоепенія сердець. <i>Ажаросія</i>	339—348
Мысли св. Григорія Богослова о христіанской жизни уединенно-созерцательной и общественно-дѣятельной. <i>II. Борисовскаго</i>	349—374
Ученіе Лютера о томъ, что папа—антихристъ. Профессоръ <i>А. Бьялеса</i>	375—398
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Есть ли какая либо связь между религіозной вѣрой и наукою (эвонтапіи). Профессоръ Кіевской Духовной Академіи <i>II. Димитриго</i>	201—223
Философская основа эволюціи (продолженіе). * * *	224—240
Правила для Сиротскаго Пріюта Харьковскаго Епархіальнаго вѣдомства	1—8
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Овредѣженіе Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя повѣщенія.—Извѣстія и свѣдѣнія.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1898.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія и общирно помѣщая: изложеніе догматовъ вѣры, правила христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорные замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлымъ мысли языческихъ философовъ, могущимъ свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и по времени изысканія составляло предметъ желаній и поспѣній лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою пухершкюю страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія управительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его приходамъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗБОРКА въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковой, Петровскія линія, контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Гусова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры съ изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редаціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевода Якова Новицкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство“. Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πιστεῖ νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Доволено цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1898 года.

Цензоръ Протоіерей Павелъ Солтцевъ.

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьновскаго,

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Объ ожесточеніи сердець.

*Днесь, иже гласъ Его услышите,
не ожесточите сердець вашихъ
(Исаи. 94, 7, 8).*

Нынѣ, празднующа возвѣщеніе Архангеломъ Гавріиломъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи о зачатіи Ею Спасителя міра, мы съ особенною любовію и умиленіемъ должны возглашать Ей вмѣстѣ съ Церковію привѣтствіе Архангела: „радуйся благодатная! Господь съ Тобою!“ Такъ живо еще въ сердцахъ нашихъ чувство благоговѣнія, удивленія и радости о совершившемся въ странѣ нашей чудесномъ сохраненіи святой иконы Ея, именуемой „Знаменіемъ“ (разумѣется милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ), отъ страшнаго взрыва, все вокругъ сокрушившаго. Не умолкаютъ предъ Ея чудотворною иконою пѣснопѣнія и молитвы вѣрующихъ, не прекращаются устная бесѣды и газетныя статьи, разъясняющія это чудесное событіе и призывающія всѣхъ насъ къ размышленію и уразумѣнію значенія и цѣли его, какъ особеннаго дѣйствія Промысла Божія. Какъ раскаты грома,

вѣсти объ этомъ дивномъ событіи долго еще будутъ раздаваться во всѣ предѣлы нашего отечества, — подобно тому, какъ десять лѣтъ тому назадъ разносилась вѣсть о чудесномъ спасеніи Царя—Миротворца при крушеніи поѣзда.

Мы, служители церкви, съ своей стороны должны найти разъясненіе истиннаго значенія этого событія тамъ, гдѣ не только сохраняются всѣ божественныя истины и изображаются дѣла Божіи, но и раскрываются цѣли и намѣренія Божіи въ устроеніи нашего вѣчнаго спасенія и земнаго благополучія. Въ приведенномъ нами словѣ Псалмопѣвца, какъ бы въ сокращеніи, мы находимъ изъясненіе истиннаго смысла и цѣли недавняго чудеснаго событія и другихъ ему подобныхъ: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ*, или, по русскому переводу: „о, если бы вы нынѣ послушали гласа Его: „не ожесточите сердца вашего“. И такъ, это событіе есть особый гласъ Божій къ намъ, подобно тѣмъ, какіе слышались въ чудесныхъ событіяхъ совершенныхъ предъ Изральтянами въ пустынь Аравійской, въ Палестинѣ во время ихъ благоденствія и и могущества, и во всѣ вѣка исторіи христіанскихъ царствъ и народовъ. Это одно и то же вѣщаніе и предостереженіе людямъ одного и того же гласа Божія „не ожесточите сердца вашего“, т. е. не доводите сердца вашего до ожесточенія.

Изъ ученія Слова Божія объ этомъ нравственномъ состояніи духа нашего мы поймемъ, чего хочетъ отъ насъ Господь Богъ нашъ, глаголющій намъ не въ словѣ Своемъ только, къ которому мы часто невнимательны и равнодушны, но и въ дивныхъ дѣйствіяхъ Его вседержавной власти и всемогущества.

Какое же состояніе духа нашего называется въ Словѣ Божіемъ *ожесточеніемъ сердца*? — Это постепенная утрата

нашимъ сердцемъ ощущенія близости къ намъ міра духовнаго, общенія съ Богомъ и чувствительности его къ впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ въ насъ благодати Божіей.

Въ душу язычника нельзя ввести сознанія этого состоянія, при смутныхъ и ложныхъ представленіяхъ его о божествѣ, совѣсти, нравственномъ долгѣ и достоинствѣ души человѣческой. Оно могло и можетъ быть понято только членами Церкви Божіей, призванными къ союзу съ Богомъ и получавшими отъ Него въ Вѣтхомъ Заветѣ благодатное озареніе, а въ Новомъ пріемлющими „сердце новое и духъ новый“ (Иезек. 36, 26). Это новое сердце бьется въ насъ христіанахъ съ младенчества, питаемое святыми таинствами, возбуждаемое молитвами и богослуженіемъ, возгрѣваемое ученіемъ о дѣлахъ Божіихъ, совершенныхъ Имъ для нашего спасенія и всегда радующееся въ чувствѣ невинности и чистоты душевной. Это именно то состояніе, объ уtratѣ котораго такъ часто скорбятъ нынѣ образованные люди, потерявшіе вѣру въ ложныхъ умствованіяхъ и добрую совѣсть въ порокахъ. Трудно описать въ словѣ постепенное отупѣніе и ожесточеніе сердца къ духовнымъ впечатлѣніямъ; его можетъ каждый изъ насъ только самъ прослѣдить и разобрать въ себѣ въ минуты пробужденія и отрезвленія совѣсти. Но какъ страшно это состояніе души человѣческой въ полномъ и окончательномъ его развитіи! Это ясно изображаетъ намъ Слово Божіе.

Первая причина огрубѣнія сердца есть неумѣренное питаніе плоти и усиленіе въ сердцѣ страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ, обращающее нашу душу главнымъ образомъ къ міру виѣшнему. „Утучнѣлъ Израиль, говорилъ еще Моисей евреямъ, и сталъ упрямъ, отолстѣлъ и разжирѣлъ, и оставилъ опъ Бога, создавшаго его, и презрѣлъ твердыню спасенія своего“ (Втор.

32, 15). За этимъ общимъ отяжелѣніемъ духа подъ бременемъ плоти слѣдуетъ поврежденіе его внутреннѣйшихъ органовъ, обращенныхъ къ міру духовному,—слуха и зрѣнія. Иисусъ Христосъ обличаетъ современныхъ Ему плотскихъ Іудеевъ словами пророка Исаи: „огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и уста свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами и не разумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ (Мѡ. 6, 9). Тѣлесныя чувства и воспріимчивость души къ внѣшнимъ, особенно къ страстнымъ впечатлѣніямъ, даже дѣятельность ума работающаго для плоти въ людяхъ съ ожесточеннымъ сердцемъ остаются, но для міра духовнаго и его впечатлѣній она глуха и слѣпа: „слухомъ услышите, говоритъ пророкъ, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите“ (Матѡ. 13, 14). Отъ ожирѣвшаго сердца въ ихъ слухъ духовномъ происходитъ, какъ у глухаго по выраженію врачей, „перерожденіе“ органа слуха, а въ очахъ духовныхъ, какъ у слѣпаго какъ бы „параличъ зрительнаго нерва“. Это видно изъ словъ Самого Бога о необходимости исцѣленія божественною Его силою пораженныхъ чувствъ духовныхъ: „не обратятся, да исцѣлю ихъ“.

Живое изображеніе этой слѣпоты и глухоты духовной представляетъ намъ Евангеліе въ описаніи отношеній фарисеевъ къ Христу Спасителю. Онъ смотрѣлъ на нихъ, по выраженію Евангелиста Марка, „съ гнѣвомъ, скорбя объ ожесточеніи сердець ихъ“ (Мар. 3, 5). И могло ли быть иначе? Какъ только услышали книжники и фарисеи іудейскіе о проповѣди Іисуса Христа, они не позаботились послушать и безпристрастно обсудить Его ученіе, а съ гордостію спросили: „какою властію Ты это дѣлаешь? И кто Тебѣ далъ такую власть?“ (Матѡ. 21, 23). Они и говорили съ Нимъ,

но, омраченные своими ложными понятіями о Мессіи, только съ цѣлію обличить Его въ противорѣчіи закону Моисееву (Матѣ. 12, 2—10). Они посылали къ Нему искусныхъ совопросниковъ съ цѣлію „уловить что нибудь изъ устъ Его, чтобы обвинить Его“ (Лук. 11, 54). Видя что народъ съ радостію слушаетъ ученіе Іисуса Христа и замѣтивъ это въ собственныхъ слугахъ своихъ, они съ негодованіемъ говорили: „увѣровалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ, или изъ фарисеевъ? Но этотъ народъ, невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ (Матѣ. 7, 28; Іоан. 7, 48—49). Они не могли отрицать чудесъ Его, но объясняли ихъ силою князя бѣсовскаго (Матѣ. 9, 34), не замѣчая противорѣчія въ своихъ мысляхъ, указаннаго имъ Іисусомъ Христомъ: „если сатана сатану изгоняетъ, то онъ раздѣлился самъ съ собою: какъ же устоитъ царство его?“ (Матѣ. 12, 26). Ожесточенные люди могли насытить злобу свою только крестною смертію Искупителя, но Онъ—любовь безконечная,—плакалъ объ Іерусалимѣ, предвидя страшную погибель постигшую его за то, что онъ „не узналъ времени посѣщенія“ его истиннымъ обѣтованнымъ Мессіею, что ожесточеніе сердца „сокрыло это отъ глазъ его“ (Лук. 19, 41—44).

Вотъ отъ какой опасности предостерегаетъ насъ слышимый нами въ новомъ чудесномъ событіи гласъ Божій: „не ожесточите сердець вашихъ“. Неужели въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ намъ подобная опасность? Посмотрите на знаменія нашего времени. Евреи не вдругъ дошли до послѣднихъ своихъ заблужденій и крайняго ожесточенія, а въ теченіе не одного столѣтія; но несчастіе ихъ состояло въ томъ, что они раньше не замѣтили опасности, что и сказалъ имъ Іисусъ Христосъ: „Іерусалимъ! Іерусалимъ! избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ

хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!“ (Лук. 13, 34).

Въ разныя времена въ различныхъ видахъ являются заблужденія и пороки, но всегда въ основаніи ихъ лежитъ „ожесточеніе сердца“, пропитаннаго гордостію, самолюбіемъ и сластолюбіемъ и препятствующее уму тщательно изслѣдовать истину, и совѣсти—сознать наше нравственное развращеніе. Іудеямъ это сердце воспрепятствовало познать истиннаго Мессію, и нашихъ „свободныхъ мыслителей“ отвлекаетъ отъ Мессіи познанныаго и „принятаго въ міръ вѣрою“ (1 Тим. 3, 16). Евреи не восхотѣли собраться „подъ крылья“ Христа Спасителя, а наши „свободные мыслители“, пригрѣтые отъ рожденія и оживотворенныя благодатію Христовою, вырываются изъ подъ крыльевъ Его и разлетаются, какъ перепуганныя птицы въ разныя стороны. Развѣ не справедливо будетъ сказать о нихъ хвальнохъ величіемъ, богатствомъ и славою нашего отечества, съ самовосхваленіемъ приписывающихъ себѣ всѣ его успѣхи въ цивилизаціи, съ гордостію предсказывающихъ его процвѣтаніе въ будущемъ единственно съ развитіемъ ихъ научнаго образованія: „утучнѣлъ Израиль и сталъ упрямъ, отолстѣлъ и разжирѣлъ, и оставилъ онъ Бога, создавшаго его и презрѣлъ твердыню спасенія своего“ (Втор. 32, 15). Развѣ не падаетъ на современныхъ матеріалистовъ осужденіе выраженное въ мессіанскомъ псалмѣ противъ распятателей Христовыхъ: *да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выгну сляцы*,—т. е. разслабь, оставь навсегда согбеннымъ (Пс. 68, 24), такъ что они обречены смотрѣть въ землю, подобно той женщинѣ, которая съ согнутымъ спиннымъ столбомъ не могла распрямиться и взглянуть на небо, и „выпрямилась только исцѣленная силою Христовою“ (Лук. 13, 11—12)? Развѣ въ ихъ презрѣніи къ вѣрующимъ, добрымъ христіанамъ,

въ которыхъ они не признають никакихъ достоинствъ, потому что „они невѣжды въ науѣ“, не слышится фарисейская гордость: „народъ этотъ, невѣжда въ законѣ, проклятъ онъ?“ Развѣ въ ихъ усиліяхъ объяснить явныя чудеса „внушеніемъ, ясновидѣніемъ, еще неизслѣдованными силами природы“,—не чувствуется ихъ готовность признать въ чудесахъ что хотите, хотя бы силу веельзевуда, только не силу Божию? Ясно, что въ глубинѣ ихъ мятущагося духа лежитъ *окаменѣлое сердце*, неспособное ощущать присутствіе Божіе и дѣйствіе Его благодати. А всѣ эти ихъ рабскіе послѣдователи голословно отрицающіе истины святой вѣры, унижающіе Церковь Христову,—развѣ они—„люди науки?“ Нѣтъ! Это люди въ плотскихъ наслажденіяхъ утратившіе способность духа къ ощущеніямъ истины и силы Божіей, люди „съ ожесточеннымъ сердцемъ“, которые рады сослаться на науку, чтобы чѣмъ нибудь оправдать свою пустую жизнь и найти разрѣшенія на всѣ свои плотскія наслажденія, на всѣ нарушенія законовъ христіанской нравственности. Ихъ душевное состояніе въ Словѣ Божіемъ еще называется „мертвымъ сномъ“ (Ефес. 5, 14). И вотъ этимъ сномъ объясняется ихъ озлобленіе противъ христіанскаго ученія. Оно тревожитъ ихъ сонъ и они раздражаются, какъ человѣкъ глубоко спящій отбивается, когда его будятъ въ виду угрожающей ему опасности. Печальное положеніе!

Извѣстно изъ исторіи церкви, что Господь Богъ даетъ чувствовать Свой грозный и праведный гласъ народамъ невѣрующимъ и развращеннымъ въ физическихъ бѣдствіяхъ: гладѣ, морѣ, землетрясеніяхъ, войнахъ и пр., а также и милующій—въ избавленіи отъ такихъ бѣдствій. Но мы слышимъ этотъ гласъ чрезъ посредство Пресвятыя Богородицы, Ходатаицы нашей предъ Сыномъ Ея Іисусомъ Христомъ, какъ въ послѣднемъ, такъ

и въ прежнихъ многократныхъ чудесахъ отъ святыхъ Ея иконъ; потому мы не можемъ не видѣть, съ радостію, того, что отечество наше состоитъ подъ особымъ покровительствомъ Царицы Небесной,—такъ какъ у насъ преимущественно исполняется Ея пророчество о Себѣ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роды* (Лук. 1. 48). Нѣтъ города и селенія у насъ, гдѣ бы не было особо чтимой святой иконы Богоматери, гдѣ бы не было особыхъ празднествъ во славу Ея, или общественныхъ молебствій и крестныхъ ходовъ. Поэтому понятно вѣрующему сердцу, что между Нею и нашею отечественною церковію не прекращается живая духовная связь и общеніе съ нашей стороны—въ молитвахъ, а съ Ея стороны—въ благодѣяніяхъ намъ. Но вотъ, и въ годы нашихъ заблужденій и пороковъ, Владычица глаголетъ намъ не словомъ, а дѣломъ, не гнѣвомъ, а милостію. Она напоминаетъ намъ, что мы въ опасности навлечь на себя страшныя кары Божія правосудія, и что святой покровъ молитвъ Ея защищаетъ насъ въ надеждѣ нашего покаянія.

Не оставимъ безъ вниманія, что гласъ Божій призывающій къ покаянію подается намъ Матерію Господа изъ храмовъ, отъ святыхъ Ея иконъ. „Сюда, дѣти мои“, какъ бы такъ говоритъ намъ наша Небесная Матерь,— „здѣсь, въ церкви Спасителя вашего, ваше спасеніе, ваши надежды, ваше утѣшеніе и сила!“ И какое глубокое, живое пазиданіе мы получаемъ изъ этого размышленія въ духѣ нашей святой православной вѣры!

Васъ, простыя вѣрующія души, укоряютъ незнавіемъ науки, вашимъ неумѣньемъ съ точностію исповѣдывать ученіе вѣры, во сердца ваши пламенѣютъ любовію ко Христу и Его Церкви, вы живете въ ней духомъ, вы въ ней свои и Господь съ вами. Онъ Самъ восполняетъ

недостатки вашего знанія, просвѣщая васъ озареніемъ Своей благодати въ святыхъ своихъ таинствахъ и молитвахъ церковныхъ. Сердца ваши при Немъ, совѣсти ваши проникнуты страхомъ Божиимъ и вамъ, при доброй христіанской жизни, принадлежитъ обѣтованіе: *блаженнѣ чистѣи сердцемъ, яко тѣи Боги узрѣтъ* (Мѣ. 5. 8.). Заграждайте слухъ отъ богохульныхъ рѣчей, отвращайте очи отъ соблазновъ и обольстительныхъ порочныхъ наслажденій, не страшитесь порицаній, насмѣшекъ и гоненій; вы идете путемъ Господнимъ; Христосъ и Матерь Божія съ вами; *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утвердитесь* (1 Кор. 16, 13).

Вы, колеблющіеся въ вѣрѣ и своихъ убѣжденіяхъ, надѣющіеся путемъ человѣческаго знанія, богословскихъ споровъ и холодныхъ разсужденій выйти изъ мрака невѣрія, идите сюда, въ церковь. Вамъ нужно исцѣленіе сердца ожесточеннаго человѣческою гордостію, самомнѣніемъ и загруженнаго плотскими страстями и вожделѣніями; обратитесь ко Христу и Онъ возстановитъ въ васъ новаго человѣка, рожденнаго во св. крещеніи и неумирающаго до конца вашей земной жизни, человѣка съ новымъ духомъ и новымъ сердцемъ (Іезек. 36. 26), способнаго слышать гласъ Божій, уразумѣвать дѣла Его всемогущества и безконечнаго милосердія. Къ вамъ придетъ и познаніе вѣры; молитесь съ Давидомъ: *открыи очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18).

Вы же развратители, соблазнители нашего православнаго народа, вы „фарисеи науки“, порицатели святыхъ иконъ и церковныхъ богослуженій, сѣющіе въ немъ плевелы ложныхъ ученій и сектъ, обольщающіе его блескомъ внѣшней образованности надмѣвающей умы и бесплодно волнующей сердца, науки лишенной

вѣры и силы нравственной,-- углубитесь въ ваши собственные сердца: въ нихъ пусто, мрачно, тоскливо. Прислушайтесь къ голосу вашей совѣсти: она ропщетъ, какъ скоро замолкають страстныя волненія вашего сердца. Въ васъ самихъ нѣтъ твердой вѣры въ долговѣчность вашихъ, съ каждымъ вѣкомъ измѣняющихся воззрѣній; нѣтъ и силы исполнить щедро разсыпаемыя вами обѣщанія счастья человѣчеству въ будущемъ, развращающемся у васъ на глазахъ. Вы сами собою недовольны; зачѣмъ же смущать и развращать души невинныя, сердца мирныя, совѣсти чистыя? Но сердца ваши окаменѣли, милостивый голосъ Божій до нихъ не доходитъ; ждите же суда Божія: *не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7).

Будемъ, братіе, молить Господа Іисуса Христа „да Самъ Онъ утвердитъ насъ въ вѣрѣ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми“ (1 Петр. 5, 10), будемъ съ любовію и слезами умиленія и радости припадать къ Матери Божіей нашей заступницѣ и покровительницѣ, оберегающей насъ отъ грѣховъ, предупреждающей отъ грядущаго гнѣва Божія и всегда милостивой и любвеобильной раздаятельницѣ даровъ духовныхъ и благъ земныхъ отъ безконечнаго богатства Единороднаго сына Ея Іисуса Христа. Въ мирномъ же дѣланіи и попеченіи о спасеніи нашемъ, съ христіанскою любовію будемъ молиться и о заблуждающихся, и о врагахъ вѣры нашей словами церковной молитвы: „и не ищущимъ Тебе, Господи, явленъ буди, еще и враговъ нашихъ сердца къ Тебѣ обрати“¹⁾. Аминь.

¹⁾ Молитва на молебнѣ въ день Рождества Христова.

Мысли св. Григорія Богослова о христіанской жизни уединенно-созерцательной и общественно-дѣятельной.

Приято различать два главнѣйшихъ рода христіанской жизни: уединенно-созерцательную (подвижническую, пнческую) и общественно-дѣятельную. Возникаетъ рядъ вопросовъ: какое отношеніе этихъ родовъ жизни другъ ко другу, какая изъ нихъ по существу выше, чище, превосходитѣе, ближе къ морально-догматическимъ основоположеніямъ христіанства? Какой путь предпочтительнѣе избрать для удобнѣйшаго осуществленія цѣлей человѣческаго существованія на землѣ, полагаемыхъ христіанствомъ? Наконецъ, какими основаніями опредѣляется самое различеніе двухъ означенныхъ родовъ жизни, и состоятельно ли оно? По всѣмъ этимъ вопросамъ у насъ, въ обществѣ, существуютъ очень неотчетливыя, весьма равнорѣчивыя мнѣнія. Одни считаютъ дѣятельную жизнь, направленную ко благу общества, единственно-совершенною и спасительною, другіе—жизнь въ уединеніи. Оба рода жизни представляются многимъ не только несродными одинъ другому, но даже взаимно противоположными, исключаяющими другъ друга. Многіе изъ сочувствующихъ жизни уединенно-подвижнической признаютъ жизнь въ обществѣ путемъ духовно-погибельнымъ, не спасительнымъ.

Люди же, ведущіе въ мірѣ широкую дѣятельность на благо обществу, отрицаютъ иногда жизнь уединенно-созерцательную, какъ бесполезную.

Вопросъ сводится, очевидно, къ разясненію того, какой изъ указанныхъ путей жизни ближе способствуетъ христіанскимъ заботамъ о спасеніи собственной души, гдѣ т. е. это

спасеніе легче и удобнѣе можетъ быть достигнуто—въ мірѣ, или въ удаленіи отъ міра?—Одни моралисты утверждаютъ, что человѣкъ, и по христіанскому ученію, и по естественнымъ законамъ жизни человѣческаго общества, долженъ жить въ мірѣ (а не въ пустынномъ уединеніи), и своимъ служеніемъ обществу содѣйствовать созиданію общественнаго блага,—что личное спасеніе и состоитъ въ этомъ дѣятельномъ служеніи ближнему. Другіе строго различаютъ эти двѣ задачи—личное спасеніе и служеніе общественному благу, и полагаютъ, что христіанинъ призванъ заботиться прежде всего о личномъ спасеніи—о личномъ духовномъ усовершенствованіи, которое легче и удобнѣе создается въ иноческомъ уединеніи, въ удаленіи отъ общества, въ свободѣ отъ мірскихъ привязанностей, въ отрѣшеніи отъ житейскихъ заботъ и суеты мірской.

Прекрасныя, глубоконазидательныя сужденія по всѣмъ вышеуказаннымъ недоумѣльнымъ вопросамъ изложены во множествѣ въ твореніяхъ св. Григорія Богослова. Попробуемъ собрать и послѣдовательно изложить всѣ эти сужденія.

Мысли св. отца въ данномъ случаѣ могутъ составлять предметъ особеннаго интереса и потому, между прочимъ, что св. Григорій и пустынное уединеніе любилъ, и выступалъ на общественное служеніе въ званіи христіанскаго пастыря. Онъ съ дѣтства имѣлъ склонность къ жизни религіозно-соверщательной. Испрошенный у Бога молитвами своей матери и, по обѣту ея вскорѣ по рожденіи посвященный Богу, св. Григорій рано обнаруживалъ влеченіе къ монашескому уединенію. У него не было склонности къ мірской жизни; супружество и вѣшнія блага—богатство, слава, власть—не прельщали его ¹⁾. Господу Богу онъ добровольно отдалъ все—и имѣніе, и знатность, и здоровье, и даръ слова ²⁾. Пустыню онъ возлюбилъ дороже всего, и избралъ ее себѣ руководительницею всей жизни, „какъ содѣйственницу и мать божественнаго восхожденія, какъ обожительницу“ ³⁾. Окончивъ въ юношествахъ свое образованіе

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова. Изд. 3-е Москва, 1889 г., часть IV, стр. 228 и слѣд.; II, 90.

²⁾ Твор. I, 51.

³⁾ I, 7.

въ Аоннахъ, св. Григорій, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Василиемъ (впослѣдствіи св. Василиемъ Великимъ, возымѣлъ твердое намѣреніе уединиться въ пустыню, и тамъ посвятить себя спасительному *любомудрію* ¹⁾). И онъ часто удалялся въ пустыню для подвиговъ поста и самоотреченія, для молитвенной бесѣды съ Богомъ, и въ сообществѣ мужей совершенныхъ и христоносныхъ, т. е. подвижниковъ, жившихъ въ уединеніи, находилъ для себя лучшее утѣшеніе и наслажденіе, какъ жаждущій олень въ прохладномъ источникѣ ²⁾).

Но, хотя завѣтное желаніе св. Григорія было—удалиться изъ міра въ пустыню и жить только религіознымъ созерцаемъ, Духъ Божій, невидимо располагающій судьбою людей, вызвалъ его на широкое поле общественнаго служенія и сдѣлалъ его великимъ свѣтильникомъ для всей вселенской церкви.

Такимъ образомъ самыя обстоятельства жизни св. Григорія вызывали его на глубокое обсужденіе преимуществъ жизни уединенной и общественно-дѣятельной. Любопытно поэтому прослѣдить, какъ оцъ, искренній любитель пустыни и вмѣстѣ ревностный пастырь церкви, *практически* рѣшалъ вопросъ о выборѣ между уединеніемъ и обществомъ, и какъ вообще смотрѣлъ онъ на жизнь уединенно—созерцательную и на дѣятельное служеніе общественному благу.

I.

Отшельничество, соединенное съ подвижничествомъ и любомудріемъ, св. Григорій признавалъ изъ всѣхъ родовъ жизни высшимъ и совершеннѣйшимъ ³⁾). Онъ называетъ монаховъ избранныѣйшими и наиболѣе мудрыми въ церкви ⁴⁾); достохвальными чертами описываетъ ихъ жизнь, подвиги самовоздержанія, поста и молитвы, одежду и весь вообще внѣшній бытъ ⁵⁾).

¹⁾ I, 7, 15—16, 124, 126, 202, 239; II, 115, ср. II, 157; IV, 58, 65, 68 и слѣд., 236, 247, 263; VI, 87, 101. Подъ *любомудріемъ* у св. Григорія Богослова разумѣется религіозное Богомысліе, жизнь уединенно—созерцательная, подвижническая.

²⁾ IV, 247.

³⁾ I, 202; V, 230—240.

⁴⁾ IV, 67—68.

⁵⁾ I, 177—178, 262.

Въ своемъ увѣщательномъ посланіи къ нѣкому Гелленію, гдѣ св. Григорій ходатайствуетъ предъ нимъ за монаховъ ¹⁾, онъ такъ между прочимъ, пишетъ объ отшельникахъ вообще: „они шествуютъ тѣснымъ путемъ, которымъ идутъ здѣсь не многіе изъ людей; они входятъ скорбными вратами, куда со многими трудами вступаютъ добрые. Таково достояніе Христова, такой плодъ Своихъ страданій Христосъ приносить отъ земли Отцу! Это опора слова, слава людей, основаніе міра, уподобляющееся небеснымъ лѣпотамъ! Ихъ родъ и для меня свѣтоносець“ ²⁾. „Умоляю тебя о душахъ и о небесной жизни“, обращается далѣе св. Григорій къ Гелленію, „умоляю о членахъ, истончаемыхъ духомъ. Окажи милость къ дневнымъ трудамъ, къ почнымъ пѣспопѣніямъ, къ возлежанію на голой землѣ, къ слезамъ, къ ветхимъ рубищамъ, къ истомленнымъ очамъ, къ чистому уму, къ священнымъ словамъ“ ³⁾.

Подвижники христіанскіе стараются быть „какъ бы безплотными, изпуряя смертное безсмертнымъ“ ⁴⁾. Это люди, „почитающіе для себя наслажденіемъ не имѣть никакихъ наслажденій, смиряющіеся ради небснаго царства, не имѣющіе ничего въ мірѣ и стоящіе выше міра, живущіе во плоти какъ бы внѣ плоти“ ⁵⁾. Они не имѣютъ у себя ни пропитанія, ни пристанища, не имѣютъ почти ни плоти, ни крови, и тѣмъ приближаются къ Богу... Они живутъ долу, но выше всего дольняго; среди людей, но выше всего человѣческаго; связаны, но свободны; стѣсняемы, но ничѣмъ неудержимы; ничего не имѣютъ въ мірѣ, но обладаютъ всѣмъ премірнымъ; живутъ сугубою жизнію, и одну презираютъ, о другой же заботятся; чрезъ умерщвленіе безсмерты, чрезъ отрѣшеніе отъ твари соединены съ Богомъ; не знаютъ любви страстной, но горятъ любовію божественною, безстрастною; ихъ наслажденіе—Источникъ свѣта, и еще здѣсь—Его озаренія, ангельскія псалмопѣнія, всеобщное стояніе, преселеніе къ Богу ума предвосхищаемаго; чистота и

¹⁾ IV, 275 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 276.

³⁾ Тамъ же, 284.

⁴⁾ I, 144.

⁵⁾ I, 178.

непрестанное очищеніе, какъ не знающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи; ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы; нагота и риза ветлѣвія, пустыня и торжество на небесахъ; попраіе сластей и наслажденіе нескончаемое, неизреченное¹⁾.

О себѣ самомъ св. Григорій пишетъ, что Христосъ воодушевлялъ его горячею любовію къ божественной мудрости и къ жизни монашеской—*начатку жизни будущей*²⁾. „Ищу съ Іеремією“, пишетъ св. Григорій, „*виталица послѣдняго* (Іер. 9, 2), и желаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественныя образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтать ко свѣту свѣтъ,—къ менѣе яспому лучезарнѣйшій; пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній, и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ ненужными зеркала“³⁾.

У св. Григорія Богослова былъ братъ по имени Кесарій, человѣкъ весьма образованный, занимавшій высокія общественныя должности. Когда онъ жилъ и служилъ въ Никей, случилось тамъ страшное землетрясеніе, истребившее почти всѣхъ жителей, самый городъ былъ разрушенъ. Кесарій, въ числѣ немногихъ знатныхъ, спасся отъ всеобщей гибели. Это обстоятельство произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ тогда же положилъ въ сердцѣ своемъ оставить всѣ мірскія почетныя должности, предаться уединенію и любомудрію. Св. Григорій весьма обрадовался, когда узналъ отъ Кесарія объ этихъ его намѣреніяхъ, и совѣтовалъ ему возможно скорѣе осуществить ихъ. Опъ и раньше внушалъ Кесарію оставить мірскую жизнь и общественныя должности, сожалѣя, какъ самъ писалъ, что всякія дарованія Кесарія „обращены на худ-

1) I, 102—106; ср. II, 181—182.

2) IV, 242, ср. VI, 208.

3) II, 183. См. еще IV, 252, 276—277.

шее, что душа столько любомудрая погружена въ дѣла общественныя и уподобляется солнцу закрытому облакомъ¹⁾.

Жизнь въ удаленіи отъ міра болѣе, чѣмъ жизнь мірская, благопріятствуетъ правственическому самовоспитанію и непреткновенному движенію по стезямъ духовнаго совершенства, потому что отшельникъ свободенъ отъ вѣшнихъ соблазновъ, которыми такъ полонъ міръ, и которые часто уловляютъ праведнаго, живущаго среди мірской суеты. Оглашеннымъ, которые подъ разными неосновательными предлогами медлили креститься, св. Григорій даетъ, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „ты (оглашаемый) живешь въ обществѣ, отъ обращенія съ людьми—не безъ оскверненія; потому страшно, чтобы не истощилось Божіе къ тебѣ милосердіе (въ случаѣ, если будешь грѣшить по крещеніи)? Отвѣтъ на сіе простъ. Если можно, бѣги и торжища съ своимъ добрымъ спутникомъ (даромъ крещенія). Подвѣжп себѣ крылья орлиныя, или, собственно же скажу, голубиныя; ибо что тебѣ до кесаря и принадлежащаго кесарю, пока не почишь тамъ, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни очерненія, ни змія, угрызающаго на пути и препятствующаго тебѣ шествовать по Бозѣ. Исхити душу свою изъ міра; бѣги Содома; бѣги пожара; иди не озираясь, чтобы не отвердѣть съ соляной камень, спасайся въ гору, чтобы и тебя не постигла вмѣстѣ гибель“²⁾.

Но подвижничество, отшельничество на сколько высоко и важно само по себѣ, настолько оно и трудно, даже „выше силъ человѣческихъ“. При томъ же, жизнь пустынная, неизбежно удаляющая отшельника отъ общенія съ людьми, ограничивается лишь небольшимъ кругомъ лицъ—иноковъ, посвятившихъ себя ей, и не даетъ благопріятныхъ условій къ обнаруженію „общительности и снисходительности“—свойствъ *любви*, которая есть одна изъ первыхъ достохвальныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Накопецъ, иноческая и отшельническая жизнь, такъ какъ она не обнаруживается въ дѣлахъ, не можетъ быть повѣряема и даже *сравниваема* съ другими родами жизни (каково, на примѣръ, дѣятельное служеніе въ мірѣ на пользу ближ-

¹⁾ I, 207, VI; 111—112; ср. VI, 203.

²⁾ III, 238—239.

нихъ) ¹⁾. Общій выводъ отсюда тотъ, что пустынное подвижничество есть хотя и совершеннѣйшій образъ жизни, но исключительный, лежащій внѣ обычнаго порядка, вышеестественный, къ которому поэтому и призываются и могутъ быть способны только очень немногіе избравнѣйшіе и совершеннѣйшіе члены церкви Христовой, и который не можетъ быть закономъ, нормою и обязательнымъ удѣломъ всѣхъ ²⁾.

II.

Жизнь въ обществѣ, въ кругу другихъ, вызываетъ человѣка на общественную дѣятельность, доставляетъ ему благопріятную почву къ проявленію лучшихъ сторонъ человѣческаго духа въ подвигахъ любви и состраданія, и въ этомъ отношеніи служитъ „испытаніемъ добродѣтели“ человѣка. Плодами любви, труда и самопожертвованія жизнь общественная распространяется на *многихъ*, и ближе соотвѣтствуетъ порядку Божія домостроительства, которое „и сотворило все, и связало все узами любви, и нашъ родъ, послѣ того какъ онъ утратилъ свою доброту чрезъ прившедшій грѣхъ, снова воззвало посредствомъ соединенія и обращенія съ нами“ ³⁾. Значитъ, и жизнь въ обществѣ, сопровождаемая дѣятельностію на пользу ближнихъ, имѣетъ свои высокія преимущества, какія чужды жизни усиденной—созерцательной. Потому-то св. Григорій, имѣя отъ природы склонность къ иночеству, укрѣпленную къ тому же и домашнимъ воспитаніемъ, достойно восхваляетъ также и тѣхъ, которые, живя въ мірѣ свидѣтельствовали силу вѣры и красоту своего нравственнаго духа *отъ дѣлъ своихъ*, направленныхъ ко благу ближняго. Такъ св. Григорій ублажаетъ нѣкого христіанина—философа Ирона, который изъ двухъ христіанскихъ путей жизни, каковы—иночество и служеніе общественное, призналъ послѣдній путь наиболѣе полезнымъ какъ для себя лично, такъ и для большинства христіанъ. „Ибо признакомъ души наиболѣе совершенной и любомудрой почиталъ онъ при всякомъ дѣлѣ сообнимать въ частномъ и обще; по-

¹⁾ II, 221.

²⁾ V, 169; I, 202; ср. I, 126.

³⁾ II, 221—222.

тому что каждый изъ насъ получилъ бытіе не для одного себя, но и для всѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ одну природу, и произведены однимъ Творцемъ и для однихъ цѣлей“ ¹⁾).

Когда Кесарій, братъ св. Григорія, вскорѣ по окончаніи образованія, пристроился въ высокихъ должностяхъ при царскомъ дворѣ, то Григорій сильно упрекалъ его за это, и однажды написалъ къ нему очень укоризненное письмо, выражая глубокую скорбь, что „епископскій сынъ (Кесарій) нынѣ уже въ службѣ, домогается мірскихъ чиновъ и славы, уступаетъ надъ собою побѣду корыстолюбію“ ²⁾). Но потомъ св. Григорій посмотрѣлъ на поступокъ Кесарія совершенно ипаче, когда убѣдился въ истинно-христіанскомъ благочестіи и добрыхъ намѣреніяхъ Кесарія, равно и въ искренности его челоуѣколюбія. Св. Григорій писалъ: „Кесарій первые плоды учепости посвятилъ своей родинѣ, и своими трудами заслуживъ должное уваженіе, потомъ увлеченъ былъ желаніемъ славы и, какъ меня увѣрялъ, желаніемъ сдѣлаться полезнымъ для города. Онъ отправился къ царскому двору,—что мнѣ не совсѣмъ нравилось, и не по моему было расположенію; ибо для меня лучше и выше быть послѣднимъ у Бога, нежели занимать первое мѣсто у земного царя. Однако же, поступокъ Кесаріевъ не заслуживалъ и укоризны; ибо жизнь любомудренная, какъ всего выше, такъ и всего труднѣе; она и возможна не для многихъ, а только для тѣхъ, которые призваны къ сему высокому Божіимъ умомъ, благопоспѣшествующимъ въ благомъ предпріятіи. Но не маловажно и то, ежели кто, избравъ второй родъ жизни, сохраняетъ непорочность, и болѣе помышляетъ о Богѣ и о своемъ спасеніи, нежели о своей славѣ; кто дѣйствуя на позорищѣ сего міра, хотя принимаетъ почести, какъ сѣнь или личину разнообразнаго и временнаго, однако же самъ живетъ для Бога, и блюдетъ въ себѣ образъ, о которомъ знаетъ, что получилъ его отъ Бога, и за который обязанъ дать отчетъ Даровавшему. *А я знаю, что таковъ точно былъ образъ мысли Кесарія*“ ³⁾).

¹⁾ II, 221. Этого Иронъ претерпѣлъ тяжкія страданія отъ аріанъ за православіе, и долгое время находился въ изгнаніи. Слово св. Грпг. Бог. 25-е въ похвалу философа Ирона (II, 217 и слѣд.).

²⁾ VI,

³⁾ I 202.

Умѣстно упомянуть здѣсь одну подробность, которую св. Григорій передаетъ о другѣ своемъ—св. Василии (Великомъ), а отчасти и о себѣ самомъ. Св. Григорій похваляетъ Василія за то, что тотъ, не смотря на свою любовь къ пустынѣ, покинулъ ее, когда узналъ, что православной церкви Каппадокійской угрожала опасность отъ еретиковъ—аріанъ. Св. Василій возвратился тогда въ Кесарію изъ Понтійской пустыни, въ которой находился, и явилъ себя ревностнымъ поборникомъ православія. „Прекрасно и весьма любомудренно разсудилъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть иногда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ—время великодушію; по сему тотчасъ отправляется изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасности, дѣлается добровольнымъ споборникомъ, и самъ себя предаетъ на служеніе матери—Церкви“¹⁾. Вместе съ Василиемъ Великимъ возвратился въ этотъ разъ изъ Понтійскаго уединенія и самъ св. Григорій, и вместе съ нимъ подвизаяся за истину²⁾.

Жизнь въ мірѣ и служеніе благу ближнихъ есть трудный и продолжительный подвигъ, къ совершенію котораго требуется великая духовно-нравственная подготовка, если только общественный дѣятель хочетъ быть воистину полезнымъ обществу плодами своего труда и таланта. Въ этомъ кроется немаловажная причина, почему и самъ св. Григорій, сознавая свои духовныя помощи, вообще уклонился отъ призванія къ общественной дѣятельности. Поставленный противъ воли во пресвитера и назначенный въ помощь своему отцу—епископу—для управленія Назіанзской паствой, св. Григорій тотчасъ по рукоположеніи удалился въ Понтійскую пустыню къ св. Василию³⁾. Возвратившись оттуда къ празднику Пасхи, онъ произноситъ глубокопоучительное слово, въ которомъ излагаетъ причины—и своего удаленія въ Понтъ по рукоположеніи, и—возвращенія оттуда. Онъ весьма убѣжденно и убѣдительно раскрываетъ здѣсь высоту и важность общественнаго служенія вообще, а пастыр-

1) IV, 69—71.

2) Тамъ же, 70—71; ср. III, 262.

3) VI, 14—15.

скаго—въ особенности, равно и великую отвѣтственность, лежащую на пастырѣ церкви, въ случаѣ нерадиваго или неумѣлаго исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Многія сужденія св. отца, излагаемыя въ означенномъ словѣ, имѣютъ характеръ общихъ, принципиальныхъ сужденій объ общественномъ служеніи вообще, я то, что онъ говоритъ собственно о высотѣ и отвѣтственности *пастырскаго* служенія, можетъ быть легко приложимо въ общихъ чертахъ и ко всякому начальствованію и ко всякаго рода общественной дѣятельности. Поэтому-то указанное слово св. Григорія такъ поучительно и для нашей цѣли настолько важно, что мы передадимъ его содержаніе болѣе или менѣе подробно.

III.

Изъ самаго начала слова видно, что уже во времена св.—Григорія Б. были поборники идеи служенія обществу пому благу, которые зорко слѣдили за всѣми поступками св. Григорія, соблазнялись его бѣгствомъ въ пустыню и оставались въ долгомъ и глубокомъ недоумѣніи, почему это онъ, Григорій, уклоняется отъ служенія христіанскому обществу въ званіи іерея и пастыря. Для вразумленія этихъ то соблазнившихся св. Григорій и передаетъ причины своего удаленія въ пустыню по рукоположеніи.

Въ тѣлѣ человѣческомъ есть члены главныя—вышіе и второстепенныя—низшіе. Подобно сему и въ церкви, какъ и во всякомъ общественномъ организмѣ, должны быть,—говоритъ св. Григорій,—начальники и подначальныя, управители и управляемыя, избыточествующее и недостаточное, руководители и руководимые, кратко—пастыри и пасомые. Не думаю,—разсуждаетъ св. отецъ,—чтобы безначаліе и безпорядокъ были для людей полезнѣе порядка и начальства (особенно въ церковномъ обществѣ, гдѣ и чистыхъ по вѣрѣ и жизни членовъ нужно соблюсти и возвысить, и колеблющихся—укрѣпить и поддержать, и совратившихся возвратить на истинный путь). Если же хорошо и законно—быть начальникамъ и подначальнымъ—то слѣдуетъ отсюда, что было бы одинаково незаконно и противно порядку какъ всѣмъ искать начальства, такъ и никому не принимать онаго. И св. Григорій соглашается, что если-бы

всѣ избѣгали священнаго званія пастыреначальника, то прекрасной полнотѣ церкви недоставало бы самаго существеннаго, и она не была бы уже вполнѣ прекрасною. Кто тогда совершалъ-бы и святое богослуженіе?... Съ другой стороны, въ порядкѣ вещей и то, что нѣкоторые подначальныя,—въ случаѣ, если окажутся способными и достойными,—поставляются въ начальники, все равно какъ и мужественный воинъ производится въ начальники отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряженіе всѣми военными дѣлами.

Исповѣдуя такія убѣжденія, самъ св. Григорій однако убѣжалъ въ пустыню по рукоположеніи въ пресвитера. Но это случилось, ближайшимъ образомъ, вслѣдствіе неожиданности самаго поставленія его во пресвитера, такъ что онъ не могъ въ потребную минуту собраться съ мыслями и поступить вполнѣ обдуманно,—онъ растерялся—подобно человѣку, пораженному внезапнымъ громомъ. И такъ какъ св. Григорій съ дѣтства воспиталъ въ себѣ склонность къ безмолвію и уединенію, и даже успѣлъ уже отчасти вкусить совершенныхъ плодовъ безмятежной жизни вдали отъ міра (когда жилъ въ Понтійскомъ уединеніи вмѣстѣ съ другомъ своимъ—св. Васильемъ Вел.): то ему очень тяжело было сознавать, что его какъ бы насильно отрываютъ отъ созерцательной жизни, которую онъ такъ возлюбилъ, и въ предверіи которой уже находился. И вотъ почему новопоставленный пресвитеръ, растерянный и огорченный, ничего другого не нашелся сдѣлать, какъ убѣжать въ пустыню ¹⁾).

Къ этому присоединялась внутренняя скорбь и стыдѣніе св. Григорія за нѣкоторыхъ недостойныхъ искателей священнаго сана, которые добивались его безъ достаточной духовной подготовки, безъ сознанія важности и отвѣтственности пастырскаго служенія, почитая священный санъ лишь средствомъ пропитанія и самовольнымъ начальствованіемъ, не дающимъ никому отчета въ дѣйствіяхъ.

Самъ же св. Григорій глубоко сознавалъ высокую важность, трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія. Въ этомъ и заключается,—какъ утверждаетъ св. отецъ,—*главнѣйшая при-*

¹⁾ I, 13—16.

чина удаленія его въ пустыню по рукоположеніи его во іерейскій санъ. „Человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ, еще, кажется, гораздо твудыѣе—умѣть начальствовать надъ людьми, особенно—имѣть такое начальство, каково наше (т. е. пастырство), которое основывается на Божіемъ законѣ, и возводитъ къ Богу,—въ которомъ, чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ“¹⁾. Каждый начальникъ,—а пастырь—тѣмъ болѣе,—но долженъ имѣть, съ *отрицательной* стороны, никакого правдиваго пятна или порока. На начальника смотрятъ какъ на образецъ для подражанія, какъ на руководителя подчиненныхъ. Поэтому порокъ его скоро перестаетъ быть его личнымъ недостаткомъ, а распространяется и среди его подначальныхъ, и чѣмъ больше число сихъ послѣднихъ, тѣмъ худшее зло происходитъ. „И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухъ, и изъ воздуха сообщается животнымъ какое—нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразою, какъ подчиненные, въ скорѣйшемъ обыкновенно времени, принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку—добродѣтель. Въ семь пороковъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелію. И я всего болѣе скорблю при мысли (разсуждаетъ св. Григорій), что порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя-бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; напротивъ того, стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя бы и многое къ ней влекло и побуждало.... Добродѣтель не удобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества; но большая часть людей готовы и способны принимать въ себя худое, подобно тростнику, который, при сухости своей, легко воспламеняется и сгараетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полыни тотчасъ

¹⁾ I, 17.

сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полныи своей сладости. Выдерни малый камень: онъ повлечетъ за собою всю рѣку на открытое мѣсто; удержать-же и преградить ее едва возможетъ самая твердая плотина“¹⁾).

Итакъ принимающему на себя званіе христіанскаго пастыря (равно какъ и всякое другое начальствованіе) слѣдующей прежде всего бояться того, чтобы не оказаться „худымъ живописцемъ чудной добродѣтели“, особенно же „негоднымъ подлинникомъ“ (образцомъ) для другихъ живописцевъ—подчиненныхъ и пасомыхъ (которыхъ, по числу, можетъ быть много, а нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть люди очень достойные, лучше самихъ начальниковъ), или чтобы не оказаться въ положеніи чловѣка, который беретса лечить другихъ, тогда какъ самъ покрытъ заразительными струпамн. Но пастырство имѣетъ свою задачу не только отклонять другихъ отъ пороковъ, но и учить добродѣтели. Поэтому желающему вступить на общественное служеніе въ званіи пастыря недостаточно быть безпорочнымъ, но, съ *положительной* стороны, нужно быть добродѣтельнымъ чловѣкомъ. Ему слѣдуетъ непрерывно усовершенаться въ духовномъ отношеніи, и при этомъ считать не столько приобрѣтеніемъ то, что достигнуто, сколько потерей то, что не приобрѣтено. Мѣрою здѣсь должна быть для него безконечная пирота заповѣди о совершенствѣ (ср. Мѣ. V, 48), а не примѣръ ближнихъ. Въ частномъ чловѣкѣ нужно считать порокомъ то, что сдѣлано имъ худого, влечетъ за собою наказаніе и преслѣдуется закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ даже то, что онъ не стремится къ возможному совершенству и не преуспѣваетъ постоянно въ добрѣ; „потому что ему надобно—превосходствомъ своей добродѣтели привлекать пародъ къ порядку, и *не силой* обуздывать, но доводить до порядка *убѣжденіемъ*. Ибо все, что дѣлается не добровольно, кромѣ того, что оно пасильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно сотнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обкиповенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по

¹⁾ I, 18—19.

свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и самъ Законоположникъ особенно повелѣваетъ пасты стадо не нуждою, но волею“ ¹⁾ (I Петр. 5, 2).

Чтобы быть хорошимъ пастыремъ, нужно, кромѣ того, обширное знаніе и духовная опытность. „Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣпчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ“ ²⁾. Эту мысль св. Григорій подробно раскрываетъ далѣе сравненіемъ врачеванія душъ, составляющаго предметъ пастырскаго попеченія, съ врачеваніемъ тѣла,—указываетъ, насколько первое труднѣе и важнѣе второго и по свойству врачусмаго, и по силѣ требуемаго знанія, и по цѣли врачеванія, и по чрезвычайному разнообразію средствъ врачеванія—соотвѣтственно разнообразію паклонностей и стремленій врачуемыхъ. „Сколько бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, невозможно всего изобразить словомъ и обнять мыслию въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія“ ³⁾.

Не легка также и „многаго ума требуетъ“ обязанность пастыря учить своихъ пасомыхъ догматамъ вѣры и правиламъ благочестія. Особенно же трудно преподавать слово христіанской истины людямъ, которые, или по невѣжеству, или по легкомыслию и упорству, искажаютъ правое ученіе. „Легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми.... Лучше писать на душѣ, которую не избороздило еще негодное ученіе, и на которой не врѣзались глубоко начертанія порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла—изглаждать прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія, „достойныя сохраненія“ ⁴⁾.

¹⁾ I, 19—20.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ I, 28.

⁴⁾ I, 33—34.

Церковь, какъ живое общество вѣрующихъ, имѣетъ, подобно организму, многое множество членовъ—вѣрующихъ, разнящихся между собою по разуму, настроенію и наклонностямъ. Потому и пастырю церкви нужно быть многосвѣдующимъ, многоопытнымъ, чтобы умѣть съ пользою бесѣдовать со всякимъ вѣрующимъ и преподавать каждому потребное наставленіе—примѣнительно къ его духовнымъ нуждамъ. Младенцы по вѣрѣ пуждаются въ простыхъ и первоначальныхъ урокахъ, зрѣлые же и возросшіе требуютъ знанія совершеннаго, мудрости высшей. Кто же имѣетъ достаточное къ тому знаніе и опытность? „Знаемъ“, пишетъ св. Григорій, „что лучше другимъ искуснѣйшимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели быть псевдущими правителями другихъ, что лучше приклонять благопокорное ухо, нежели двигать неученый языкъ. Посовѣтовавшись о семъ съ самимъ собою (можетъ быть и не худымъ совѣтникомъ, а если и не такъ, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательнымъ), я разсудилъ, что незнающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше—учиться, нежели, не зная, учить. Ибо счастливъ тотъ, въ кого хотя въ глубокой старости достигнетъ старческое слово, которое можетъ принести пользу душѣ, еще юной по благочестію. А посему братъ на себя трудъ—учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и, по пословицѣ, на большемъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть, надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію, свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ,—неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества,—дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло“¹⁾).

Христіанская мудрость есть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ, есть совершеннѣйшая наука, и несравненно выше всякихъ человѣческихъ искусствъ. Но, если даже для того, чтобы обучиться пляскѣ и игрѣ на музыкальномъ инструментѣ требуется продолжительное ученіе, сопровождаемое непрерывнымъ трудомъ, терпѣніемъ, большими денежными за-

1) I, 35—36.

тратами и всякими лишеніями; то тѣмъ болѣе требуется предварительное глубокое изученіе христіанской мудрости, заключающей въ себѣ всѣ блага, чтобы быть въ состояніи учить ей другихъ. Св. Григорій ставитъ далѣе св. ап. Павла въ живой примѣръ того, сколькихъ трудовъ и заботливости, какой духовной опытности, бдительнаго душепопеченія, внѣшнихъ знаній, сострадательности и самоотверженія требуетъ пастырское служеніе, проходимое достойно. И далѣе приводитъ изъ священнаго Писанія ветхаго и новаго Завета, съ одной стороны, ученіе о важности пастырскаго служенія и о высокихъ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на служителей церкви, съ другой стороны,—и особенпо,—прещенія Божія на недостойныхъ пастырей и угрозы праведнымъ судомъ и наказаніемъ за нерадивое, небрежное исполненіе ими пастырскаго дѣла. „Такіи мысли“, заключаетъ отсюда св. Григорій, „не оставляютъ меня день и ночь, сунуть во мнѣ мозігъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ подъятыми высоко взорами. Сіе смиряетъ мое сердце, сокращаетъ умъ, налагаетъ узы на языкъ, и заставляетъ думать не о начальствѣ, не объ исправленіи и назиданіи другихъ (что требуетъ избытка дарованій): но о томъ, какъ самому избѣжать грядущаго гнѣва, и сколько-нибудь стереть съ себя ржавчину пороковъ. Надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ нему другихъ; освятиться, потомъ освящать. Руководителю необходимы руки; совѣтнику потребно благоразуміе“¹⁾).

Св. Григорій предвидитъ здѣсь возраженіе. Человѣкъ истинно багочестивый, скромно думающій о себѣ и своихъ достоинствахъ, хотя и будетъ достаточно совершенъ съ духовной стороны, все таки будетъ, пожалуй, думать, что онъ внутренно не подготовленъ еще къ пастырству и недостойнъ принять на себя это священное званіе. Въ такомъ случаѣ вступить ли и время—быть ему пастыремъ? Поставится ли свѣтильникъ на *свещникъ*, и на что тогда употребится талантъ, данный Бо-

¹⁾ I, 48.

гомъ? Въ такомъ (важномъ) дѣлѣ,—отвѣчаетъ св. Григорій,—каково пріятіе званія пастыря—защитника истины, священнодѣйствующаго съ ангелами и самимъ Христомъ,—и глубокая старость—недолговременная отсрочка. „Ибо сѣдина съ благоразуміемъ—лучше неопытвой юности, разсудительная медлительность—неосмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе—продолжительнаго мучительства, подобно какъ малая доля драгоцѣнности предпочтительнѣе обладанія многимъ не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота—многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ—великой тьмѣ. А что касается до сей поспѣшности, поползновенности и излишней ревности,—опасно, чтобы опѣ не уподобились или тѣмъ сѣменамъ, которыя пали на камни, и, будучи не глубоко въ землѣ, тотчасъ взошли, но не могли вынести перваго солнечнаго зноя, или тому основанію, положенному на песокъ, которое не устояло при небольшомъ дождѣ и вѣтрѣ“¹⁾.

Чувствуя себя духовно-слабымъ, недостойнымъ быть пастыремъ—невѣстоводителемъ, уневѣщивающимъ души Богу,—Который есть чистѣйшій и непреступный свѣтъ, всякая доброта и превыше всякой доброты, —св. Григорій и положилъ въ сердце своемъ оставить всѣ мірскія блага, быть подвижникомъ, жить исключительно для Христа, и въ пустынномъ уединеніи поучаться словесамъ Божиимъ. „Вести такую любомудрую жизнь“, говоритъ св. отецъ, „лучше нежели принять на себя власть и управленіе душами, и когда еще самъ не научился быть хорошимъ пасомымъ, не очистилъ надлежащимъ образомъ душу свою, какъ обязаться должностію—править паствою? притомъ, въ такія времена, когда, смотря на людское крушеніе и мятежи, всего возжелѣннѣе —бѣгомъ бѣжать изъ общества, удалиться въ надежный пріютъ, укрыться отъ бури и тьмы лукаваго; когда члены одного тѣла взаимно враждуютъ, когда исчезаетъ послѣдній остатокъ любви, а съ другой стороны слово: іерей... признается однимъ пустымъ именемъ“²⁾.

Далѣе св. Григорій яркими чертами изображаетъ церковныя смуты и волненія своего времени, происходившія не только

¹⁾ I, 49.

²⁾ I, 51.

отъ явныхъ еретиковъ, но и отъ тѣхъ неразумныхъ ревнителей правой вѣры, которые, по умственному невѣжеству и упорству, стояли за *малости*, не хотѣли уступить противникамъ въ вещахъ безразличныхъ, подвизались за Христа не по Христу, и потому—своею неразумною ревностію вовсе не содѣйствовали умиротворенію христіанскаго общества, а еще болѣе разстраивали и возмущали его.

При такомъ разладѣ и отсутствіи единодушія между самими правовѣрующими, св. Григорій чувствовалъ себя пемощнымъ вступать въ открытую борьбу съ врагами церкви Христовой. Сюда же присоединить нужно и брань внутреннюю—борьбу со страстями, происходящими отъ грѣховныхъ вождельпій нашего естества. И потому, заключаетъ св. отецъ, „пока не препобѣждена мною, по возможности, персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу; не безопаснымъ признаю припятъ на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и челоувѣками, что составляетъ также долгъ іерея“¹⁾.

Примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи и нѣкоторыми постановленіями обрядоваго Моисеева закона св. Григорій доказываетъ далѣе, какъ небезопасно и небезболзно пастырю, внутренне-неочищенному, неблагоговѣйному, приближаться къ Богу, входить во святилище, касаться святынь, и совершать великія христіанскія таинства. Желаящему быть пастыремъ нужно всего себя привести Богу въ жертву святую и угодную. „Зная сіе“, говорятъ св. Григорій, „могъ ли я облечься въ образъ и санъ іерея, пока не освятилъ рукъ преподобными дѣлами, пока не пріобучилъ ока взирать здраво на тварь, и единственно удивляться Творцу, а не уничижать Создателя,... пока ноги мои не поставлены на *камни* (Пс. 39, 3), не совершенны какъ ноги еленей (Пс. 17, 34), и *стоны мои не направлены по Богу* (Пс. 118, 133); пока всякій членъ не содѣлался *оружіемъ правды* (Пс. 7, 2, 6, 13), не отложилъ всякую мертвенность *пожертвою животомъ* (2 Кор. 5, 4) и уступившую мѣсто Духу?“²⁾. Кто не чувствуетъ сердцемъ сладости сло-

¹⁾ I, 56.

²⁾ I, 58.

весь Божественнаго Писанія, кто не имѣеть духовнаго богатства, кто не извѣдалъ красоты Господней въ жизни благодатной, кто не имѣеть христіанскаго разумѣнія и не расположилъ себя къ самоотверженію, тотъ ужели,—вопрошаетъ св. Григорій,—ужели „охотно и съ радостію приметъ, чтобы поставили его во главу полноты Христовой? По крайней мѣрѣ, я не даю на сіе приговора и совѣта. Напротивъ того, вижу здѣсь причины къ самому сильному страху, и самую крайнюю опасность для создающаго и важность преуспѣянія и пагубныя слѣдствія погрѣшенія въ дѣлѣ. Пусть другой, разсуждалъ я, кто многоопытенъ въ мореходствѣ и торговлѣ, плыветъ за куплею, переходитъ обширныя моря, борется всегда съ вѣтрами и волнами, многое, если удастся, пріобрѣтая, и много бѣдствуя. А для меня, который держуся суши, веду не глубокую и легкую борозду жизни, съ выгодами и моремъ раскланиваюсь издали, пріятнѣе жить такъ, какъ могу, съ небольшимъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и влачить дни въ безопасности и безмятежїи, нежели для большихъ выгодъ кидаться на долговременную и большую опасность. Для человѣка, поставленнаго высоко, и то уже потеря, если онъ не предприимлетъ большаго, не распространяетъ доблестей своихъ на многихъ, по останавливается на маломъ числѣ людей, и какъ бы большимъ свѣтомъ освѣщаетъ малый домъ, или юношескимъ всеоружіемъ покрываетъ дѣтское тѣло. А для человѣка маловажнаго всего безопаснѣе нести малое бремя, не возбуждать смѣха и не увеличивать опасности возложеніемъ на себя чего-либо не по силамъ. Ибо, какъ слышимъ, и башню строить прилично тому только, у кого есть, чѣмъ ее довершить (Лук. 14, 28) ¹⁾.

Таковы причины *отстаи* св. Григорія въ пустыню по рукоположеніи его въ пресвитера. Въ дальнѣйшемъ продолженіи своего слова св. отецъ излагаетъ мотивы своего *возвращенія* оттуда. Однимъ изъ такихъ мотивовъ было то, что св. Григорій, любившій самъ жителей Назіанза, своимъ возвращеніемъ къ нимъ хотѣлъ доказать имъ, что онъ по долгу уважаетъ и цѣнитъ ихъ расположеніе и любовь къ себѣ, по которой они

¹⁾ I, 59—60.

сами, добровольно, даже вопреки его личнымъ намѣреніямъ, избрали и поставили его себѣ въ пресвитера. Другимъ мотивомъ была сыновняя заботливость св. Григорія о своихъ престарѣлыхъ родителяхъ. Имѣть попеченіе о нихъ, упокоить ихъ въ виду старческой ихъ немощи—было для св. Григорія первымъ обѣтомъ, который онъ и исполнялъ всегда по мѣрѣ возможности, рѣшилъ исполнить его и теперь, дабы не лишиться родительскаго благословенія. Эти двѣ причины взяли перевѣсъ надъ вышеизложенными причинами удаленія св. Григорія въ пустыню, и онъ, наконецъ, покорился судьбѣ и тѣмъ, которые, противъ его воли, возвели его въ санъ пресвитера. „Ибо думаю“, пишетъ св. Григорій, „что иногда также благо- временно—уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другаго дѣла; и лучше быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно“¹⁾.

Самую же важную причину своего возвращенія изъ пустыни св. Григорій указываетъ въ сознаніи необходимости повиноваться и въ боязни оказаться неблагодарнымъ. Припоминаетъ при этомъ примѣръ Іоны пророка, потерпѣвшаго наказаніе за непослушаніе. Но это послѣднее для Іоны извинительно, если тщательно уразумѣть случившееся съ пророкомъ²⁾. „Но осталось-ли бы“, вопрошаетъ св. Григорій, „какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня, если бы сталъ я дальѣе упорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня (не знаю какъ назвать), легкаго или тяжелаго, но все-же ига служенія. Ибо ежели-бы иной не попрекословилъ мнѣ въ томъ (что одно и можно въ настоящемъ случаѣ сказать, какъ нѣчто твердое), что я весьма недостойнъ священнослуженія предъ Богомъ,.... то другой, можетъ быть, не освободилъ-бы меня отъ

¹⁾ I, 61.

²⁾ Изначна, почему св. прор. Іона, посланный Богомъ къ Ниневитянамъ съ проповідію покаянія, уклонился отъ этой проповіди и медлилъ исполнить повелѣніе Божіе, указывается св. Григоріемъ, между прочимъ, въ томъ, что Іона предвѣдѣлъ паденіе Израиля и предположилъ, что пророчесвенная благодать уже переходитъ отъ Израиля къ язычникамъ. Грустно было сознать это пророку, ревновавшему о превосходствѣ своего отечественнаго, богоизбраннаго народа предъ всѣми язычниками. И вотъ Іона бѣжалъ отъ лица Божія и, вмѣсто Ниневіи, попалъ въ Іонію, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Фарсы. См. I, 62—64.

обвиненія въ неповиновеніи. Но страшны угрозы, ужасны наказанія за неповиновеніе, равно какъ и за противное сему⁴ (если кто пибудь легкомысленно и необдуманно соглашается принять на себя начальство, какъ бы дѣло очень легкое и удобоисполнимое, едва лишь успѣютъ слегка предложить ему оное) ¹⁾.

Св. Григорію предстояли, такимъ образомъ, два исхода, противоположныхъ одинъ другому, но одинаково опасныхъ: страшно было и принять на себя духовное начальство (быть пастыремъ), страшно было и отказаться отъ него. Находясь въ пустынѣ, св. Григорій раздумывалъ, какъ поступить, какой пзъ двухъ исходовъ избрать. Колебанія были у него равномерны въ ту и другую сторону. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій,—пипшетъ св. отецъ, „уступилъ я *сильнѣйшему*; меня препобѣдилъ и увлекъ страхъ оказаться *непокорнымъ*. И смотрите, какъ прямо и вѣрно держусь я среди сихъ страховъ, не домогаясь начальства даннаго и не отвергая даннаго. Ибо первое означало бы дерзость, послѣднее же—непокорность, а то и другое вмѣстѣ—невѣжество. Но я соблюдаю средину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливыми; я боязливѣе тѣхъ, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Такъ я разумѣю дѣло сіе, и выражусь еще яснѣе: противъ страха быть начальникомъ подасть, можетъ быть, помощь законъ благопокорности; потому что Богъ по благодати Своей вознаграждаетъ вѣру, и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаеть, и въ Немъ полагаетъ всѣ надежды. Но не знаю, кто будетъ помощникомъ, и какое слово внушить упованіе, въ случаѣ непокорности. Ибо опасно, чтобы намъ о вѣряемыхъ нашему попеченію не услышать слѣдующаго: души ихъ *отъ рукъ вашихъ озыму* (Іезек. 3, 18). Какъ вы отвергли Меня, и не захотѣли быть вождями и начальниками народа Моего: такъ и Я отвергнусь васъ, и не буду вашимъ царемъ. Какъ вы не послушали гласа Моего, но презрительно обратили ко мнѣ хребетъ, и не повиновались: такъ будетъ и

¹⁾ I, 64.

вамъ; когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу, и не услышу ея“ ¹⁾).

Обращаясь далѣе къ свидѣтельству священной библейской исторіи, св. Григорій указываетъ, что одни мужи, призывавшіеся благодатию Божіею къ разнымъ чрезвычайнымъ служебнымъ въ богоизбранномъ народѣ, съ готовностію принимали избраніе и безпрекословно повиновались премудрой волѣ Избирателя, другіе же медлили принимать высокое званіе, первые—по ревности, вторые—изъ боязни. Но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, потому что ревностные повиновались по вѣрѣ въ Призывающаго, а отрекавшіеся отъ призванія страшились важности служенія, къ которому призывались. Къ первымъ относятся, на примѣръ, Ааропъ, Исаія, ко вторымъ—Моисей, Іеремія.

Всѣ эти размышленія успокоили волновавшійся духъ св. Григорія. „Въ помощники къ симъ размышленіямъ“, говоритъ далѣе св. отецъ, „беру я время, и въ совѣтники—Божіи оправданія, которымъ вѣрилъ я всю жизнь свою“ ²⁾). Такъ, въ заключеніе всего, св. Григорій видитъ въ перемѣлѣ своей судьбы исполненіе предначертаній о немъ Божественнаго Промысла, и, подкляваясь и смираясь подъ крѣпкую руку Божью, ояъ съ вѣрой и упованіемъ на всемогущую помощь свыше вступилъ затѣмъ въ дѣйствительное служеніе церкви Христовой въ званіи пресвитера—пастыря.

IV.

Извѣстны чрезвычайныя духовныя дарованія и ученость св. Григорія Богослова. А между тѣмъ, въ тогдашнія тяжкія и смутныя времена церковь Христова, страдавшая отъ еретическихъ тревоженій, весьма нуждалась въ мужахъ богомудрыхъ, сильныхъ въ словѣ, просвѣщенныхъ христіанскимъ и мірскимъ вѣдѣніемъ, въ мужахъ стойкихъ въ православіи и непоколебимыхъ въ благочестіи,—каковъ былъ св. Григорій. Въ виду этихъ соображеній, ближайшіе совѣтники и руководители св. Григорія: отецъ—его епископъ Назіанзскій и другъ—св. Ва-

¹⁾ 1, 64—65.

²⁾ 1, 66.

силій Великій, расширяютъ поле общественнаго служенія,—возводятъ пресвитера Григорія въ санъ епископа. Случилось это вопреки желанію самого Григорія, главнымъ образомъ—по волѣ и настоянію св. Василя, который былъ тогда уже архіепископомъ Кесарійскимъ ¹⁾. Взмолвленный и смущенный неожиданностію событія, св. Григорій опять удалился въ пустыню. По возвращеніи оттуда, онъ также произнесъ, въ присутствіи своего отца и св. Василя, краткое защитительное слово. Здѣсь онъ сначала передаетъ о своихъ прежнихъ предположеніяхъ—вести гдѣ—нибудь въ пустынѣ жизнь уединенную, любомудренную, въ безмолвіи и покоѣ. „Пусть для другихъ“, разсуждалъ св. отецъ, „будутъ почести и труды, для другихъ брани и отличія за побѣды, а для меня, избѣгающаго браней и углубляющагося въ самого себя, довольно жить, какъ могу, какъ бы на легкомъ суднѣ преплыть небольшое море, и скудостію, вдѣшней жизни брѣобрѣсть себѣ малую обитель въ жизни будущей. Можетъ быть, болѣе низости, но за то и болѣе осторожности показываетъ мысль—равно удаляться и высоты и паденія“ ²⁾. Далѣе св. Григорій излагаетъ причины своего возвращенія изъ пустыни. Это были—долгъ дружества по отношенію къ св. Василю и обязанность попеченія о престарѣломъ отцѣ. Припоминаетъ недовольство, какое онъ чувствовалъ въ печали, уныніи и *омраченіи* ума (въ пустыни) по отношенію къ св. Василию, насильно привлечшему его къ епископскому служенію. „Но теперь“, продолжаетъ св. Григорій, перемѣняю свои мысли, и самъ перемѣляюсь, что—гораздо справедливѣе прежняго, а для меня приличнѣе“ ³⁾. И затѣмъ онъ, спокойный и умиротворенный, самъ же оправдываетъ образъ дѣйствій св. Василя по отношенію къ нему и указываетъ побужденія, почему тотъ поставилъ его во епископа. Онъ объявляетъ это великою ревностію св. Василя о Св. Духѣ, котораго онъ предпочелъ дружеству, и на служеніе которому собственно и привлекъ своего достойнаго друга. Св. Василій не могъ снести, чтобы великій талантъ св.—Григорія оставался

¹⁾ II, 114—120; IV, 263; VI, 16—97 и др.

²⁾ I, 239.

³⁾ I, 240—241.

безъ употребленія, закопаннымъ въ землѣ и не приносящимъ пользы, чтобы свѣтильникъ долго скрывался подъ спудомъ. Но достоинъ ли былъ, дѣйствительно, св. Григорій высшей іерархической степени, объ этомъ знаетъ,—скромно заявляетъ самъ онъ,—только Св. Троица ¹⁾).

Когда отецъ св. Григорія, по преклонности своихъ лѣтъ, поручилъ ему, посвященному во епископа, попеченіе о собственной (Назіанзской) паствѣ, св. Григорій снова произнесъ слово. Здѣсь онъ говоритъ сначала, что собственное его желаніе было—удалиться въ горы и пустыни и жить въ безмолвіи, углубиться въ самого себя, отрѣшиться отъ земныхъ помысловъ и бесѣдовать только съ Богомъ. Духъ же (Божій) требовалъ, чтобы св. Григорій „выступилъ на среду, принесъ плодъ обществу, искалъ для себя пользы въ пользѣ другихъ, распространялъ просвѣщеніе, приводилъ къ Богу *люди избранны* (Тит. 2, 14), *царское священіе, языкъ святъ* (1 Петр. 2, 9), и сдѣлалъ, чтобы въ большемъ числѣ людей очищался образъ“ (Божій) ²⁾. Долго св. Григорій колебался и недоумѣвалъ, на что ему рѣшиться—удовлетворить ли собственному желанію, или покориться велѣніямъ Духа. Наконецъ, св. Григорій рѣшилъ поступить такъ: „я разсудилъ“, пишетъ онъ, „что всего лучше и безопаснѣе соблюсти средину между желаніемъ и страхомъ, и въ одномъ уступить желанію, въ другомъ—Духу. А сіе нашель я возможнымъ, если не вовсе буду убѣгать служенія, чтобы не отринуть благодати, *что было бы опасно*; и не возьму на себя бремени выше силъ своихъ, что было бы тягостно. Для перваго нужна другая голова, для послѣдняго—другія силы; вѣриѣ же сказать, то и другое високоумно. Напротивъ того, благочестиво и вмѣстѣ безопасно соразмѣрять служеніе съ силами и, какъ поступаемъ при употребленіи пищи, что по силамъ, принимать, а что выше силъ, оставлять. Ибо такъ умѣренностію въ томъ и другомъ пріобрѣтается и тѣлесное здравіе, и душевное спокойствіе“ ³⁾).

Сдѣлаемъ общій выводъ изъ вышеизложенныхъ проповѣдни-

¹⁾ I, 241—242.

²⁾ I, 232.

³⁾ I, 152—153; ср. II, 134—135, I, 3, 66.

ческихъ словъ св. Григорія. Оказывается, что св. отецъ уклонялся отъ призванія къ общественной дѣятельности не потому, чтобы признавалъ подвижническое уединеніе единственно-возможнымъ путемъ ко спасенію, а жизнь въ обществѣ—путемъ погибельнымъ, и для ревнителя духовной чистоты недостойнымъ, унижительнымъ. Наоборотъ, какъ видимъ, св. отецъ смотрѣлъ на общественное служеніе какъ на великій нравственный подвигъ, который требуетъ самаго высокаго духовнаго образованія, нравственной чистоты и самоотверженія,—который даже и небезопасно принимать на себя человѣку съ слабыми духовными силами, въ виду постоянныхъ мірскихъ соблазновъ для добродѣтели человѣка, а равно и строгой отвѣтственности за нерадивое или неумѣлое служеніе общественному благу. И самъ св. Григорій, мужъ—свѣдущій въ познаніяхъ божественныхъ и человѣческихъ, строгій ревнитель правой вѣры, весь проникнутый духомъ христіанскаго благочестія, дышавшій любовью и человѣколюбіемъ,—и онъ смиренно сознавалъ себя духовно-немоцнымъ, недостойнымъ того, чтобы стать свѣтильникомъ на *свѣщницахъ* общественнаго служенія. Лично для себя онъ находилъ болѣе разсудительнымъ жить въ уединеніи и самому совершенствоваться духовно, нежели выступить на поле общественнаго служенія въ званіи духовнаго пастыря—руководителя христіанскихъ душъ, потому что боялся оказаться недостаточно подготовленнымъ къ этому званію и быть худымъ строителемъ общественнаго блага. Но, съ другой стороны, этотъ же святой мужъ, посвященный Богу отъ чрева *матере своея*, съ дѣтства обнаруживавшій склонность къ уединенной, созерцательной жизни, возлюбившій пустыню *паче всего*, и уже вкусившій сладкихъ плодовъ подвижническаго уединенія, этотъ инокъ и отшельникъ по призванію, послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія смиренно покидаетъ пустыню, спокойный и умиротворенный—идетъ въ міръ; покорно, безъ всякаго ропота и недовольства выступаетъ, въ высокомъ званіи пастыря церкви, на общественное, служеніе, къ которому былъ такъ неожиданно призванъ. Сопротивляться въ данномъ случаѣ и непреклонно оставаться въ пустынѣ—св. отецъ почиталъ съ своей стороны противленіемъ Духу Божию,

выраженіемъ неразумнаго упорства и крайней непокорности, нарушеніемъ любви къ ближнимъ и заповѣди о почтеніи и привязанности къ родителямъ. Ревностный подвижникъ, пламенно возлюбившій иночество и пустыню, не признавалъ однако же разумнымъ и богоугоднымъ, если бы онъ, изъ стремленія къ уединенію, нарушилъ добрыя, миролюбивыя отношенія къ ближнимъ, презрѣлъ законы дружества (къ св. Василю Великому), и не исполнилъ лежавшаго на немъ сыновняго долга (попеченіе о родителяхъ), вытекающихъ изъ естественныхъ мірскихъ привязанностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ фактѣ воззванія себя отъ пустыни на общественное служеніе, св. отецъ усматривалъ повелительный *перстъ* Божій, указывавшій ему новый путь жизни. И онъ покорно, радостно и твердою стопою пошелъ по этому пути, съ непоколебимою надеждою, что всемогущая помощь Божія не оставитъ его и благодать Божія, восполнивъ недостающее въ его собственномъ немощномъ существѣ, будетъ постоянно содѣйствовать ему въ достойномъ прохожденіи указаннаго ему служенія.

II. Борисовскій.

(Окончаніе будетъ).

УЧЕНІЕ ЛЮТЕРА О ТОМЪ, ЧТО ПАПА—АНТИХРИСТЪ.

Приписывая папѣ всевозможные пороки и злодѣянія; признавая его преступнѣйшимъ и зловреднѣйшимъ изъ всѣхъ людей, когда либо жившихъ на землѣ; считая папѣ и папство хуже Турокъ, бывшихъ въ то время самыми опасными и страшными разрушителями христіанства и грозными, почти непобѣдимыми врагами Европы, разрушительнаго нашествія которыхъ трепетали всѣ христіанскіе народы: приравливая папу къ злomu духу, приравливая не метафорически, а какъ два существа, сходныя по природѣ, жизни, дѣятельности, по степени грѣховности и злотворности; объявляя папство учрежденіемъ, а папу слугою діавола, или даже самимъ діаволомъ во плоти, могъ-ли Лютеръ не признать папу дѣйствительнымъ, настоящимъ антихристомъ? Люди видѣли антихриста даже въ Наполеонѣ, между тѣмъ какъ Наполеонъ гораздо меньше похожъ на антихриста, нежели папа по описанію Лютера. Если бы никто никогда до Лютера не называлъ папу антихристомъ, Лютеръ при своей оцѣнкѣ папы совершенно естественно и неизбежно, по логической послѣдовательности мысли, пришелъ бы къ мысли и убѣжденію, что папа—настоящій антихристъ. Объявляя папу антихристомъ, Лютеръ въ своемъ описаніи его какъ антихриста ничего существеннаго и не прибавляетъ къ своему основному взгляду на папу, какъ на величайшаго злодѣя и воплощеннаго діавола. Самъ Лютеръ, подвергая разбору и осмѣянію буллу папы Льва X *Coesae Domini*, въ которой Лютеръ былъ вторично осужденъ какъ еретикъ, и прилагая къ папѣ изображеніе во второй половинѣ девятаго псалма,

въ стихахъ съ 22 по 39, нечестиваго, преслѣдующаго бѣдныхъ, въ заключеніе говоритъ, что каждый видитъ, что правленія, подобнаго папскому, не было съ самаго начала міра, и что нельзя ждать другаго послѣдняго антихриста (Endchrist), потому что невозможно, чтобы на землѣ могло быть правленіе хуже этого и которое губило бы больше душъ, чѣмъ папство ¹⁾. Такимъ образомъ взглядъ Лютера на недостатки, злоупотребленія и пороки папства, чрезмѣрно преувеличенный его фантазіей, поджигаемой ненавистію къ папѣ и папству, внушилъ Лютеру мысль и убѣжденіе, что сдѣлать зла больше, чѣмъ сколько сдѣлано его папствомъ, на землѣ никто никогда не могъ и въ будущемъ никто не сможетъ сдѣлать, что въ злѣ и злотворности для человѣка идти дальше уже невозможно; а такъ какъ по ученію Священнаго Писанія зло на землѣ высшей своей степени достигнетъ въ антихристѣ и его царствѣ, то для Лютера становился яснымъ и неизбѣжнымъ выводъ, что папа есть не кто иной, какъ настоящій или послѣдній антихристъ. Дѣйствительно, Лютеръ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно называетъ папу *антихристомъ, настоящимъ антихристомъ, послѣднимъ антихристомъ*, т. е., тѣмъ антихристомъ, который, по предсказанію Священнаго Писанія, придетъ предъ кончиною міра. Этотъ взглядъ на папу Лютеръ высказываетъ и въ самыхъ раннихъ, и въ позднѣйшихъ, и, наконецъ, въ самыхъ послѣднихъ, предсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ Лютеръ прямо говоритъ, что этотъ взглядъ былъ всегдашнимъ его убѣжденіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ высказываетъ его не только постоянно, но и выражаетъ его безъ малѣйшаго сомнѣнія или колебанія, рѣшительно, опредѣленно, сильно, рѣзко, не какъ мнѣніе, или догадку, или предположеніе, а какъ твердое убѣжденіе, какъ безспорную истину. Лютеръ столь часто говоритъ о папѣ, какъ антихристѣ, столько разъ прямо называетъ его антихристомъ, что привести всѣ подобныя мѣста нѣтъ ни возможности, ни надобности; укажемъ нѣкоторыя, придерживаясь въ сообщеніи ихъ хронологическаго порядка.

¹⁾ Эти булла и папраненное противъ нея сочиненіе Лютера были издавы въ 1521 г., т. е. всего четыре года спустя послѣ разрыва Лютера съ папою и латинскою церковію. См. В. 24, с. 164—202.

Мысль, что папа—антихристъ, возникла въ Лютерѣ очень рано. Въ декабрѣ 1518 года онъ пишетъ своему другу Ливку: „Ты можешь видѣть, по праву ли я полагаю, что при Римскомъ дворѣ царствуетъ истинный антихристъ“ (wahrhaftige Antichrist) ¹⁾.

Въ 1519 году 13 марта онъ пишетъ Спалатину: „на ушко тебѣ говорю, не знаю, папа—уже не самъ ли антихристъ (Antichristus ipse), или апостоль его; поэтому отъ него въ декретахъ бѣдственно извращается и распинается Христось, т. е., истина“ ²⁾.

Въ томъ же 1519 году онъ писалъ: „Намъ все еще грезится хорошее состояніе Церкви, и мы не замѣчаемъ антихриста (Antichristus) посреди храма“ ³⁾.

Послѣ Лейпцигскаго диспута съ докторомъ Экомъ въ февралѣ 1520 г. Лютеръ писалъ, что онъ почти не сомнѣвается въ томъ, что папа есть собственно антихристъ (Antichristus) ⁴⁾.

Въ то время, какъ докторъ Экъ везъ изъ Рима въ Германію буллу, отлучавшую Лютера отъ церкви, Лютеръ издалъ въ началѣ августа 1520 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung (Христіанскому дворянству нѣмецкаго народа объ улучшеніи христіанскаго состоянія). Въ этомъ сочиненіи Лютеръ безстрашно изображаетъ порчу церкви и причины этой порчи и этимъ рѣзкимъ описаніемъ навсегда порываетъ свои подчиненныя отношенія къ Римскому двору, которыхъ доселѣ онъ еще не покидалъ. Въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія, которое въ двѣ недѣли разошлось болѣе, чѣмъ въ четырехъ тысячахъ экземпляровъ, Лютеръ прямо говоритъ, что если бы не было никакого другаго злого дѣла, которое подтверждало бы, что папа есть настоящій послѣдній антихристъ (recht Endchrist), то одного этого дѣла, т. е., отпущенія грѣховъ за деньги, было бы достаточно, чтобы доказать это ⁵⁾.

1) Bornemann. Die Thessalonicherbriefe, s. 414.

2) A. a. O. S. 414.

3) Bornemann. A. a. O. s. 414.

4) Bornemann. A. a. O. s. 414.

5) В. 21, s. 336. Слово Endchrist буквально значить христіанствъ конца; по

Въ декабрѣ того же 1520 г. Лютеръ сдѣлалъ нападеніе на самое папскую буллу въ сочиненіи, написанномъ на латинскомъ языкѣ, а потомъ самимъ же Лютеромъ изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ рѣзче по выраженіямъ и больше объемомъ, нежели латинское. Увѣренный, хотя и не вполне, въ подлинности буллы, т. е., въ томъ, что она издана папою, Лютеръ говоритъ, что кто бы ни былъ сочинителемъ ея, онъ считаетъ его антихристомъ, а также объявляетъ антихристами и всѣхъ тѣхъ, которые примутъ ее. Какъ глубоко въ это время Лютеръ былъ убѣжденъ въ томъ, что папа—настоящій антихристъ, и какъ смѣло онъ высказывалъ это свое убѣжденіе, это ясно видно изъ самаго заглавія сочиненія: *Wider die Bulle des Endchrists* (противъ буллы антихриста). Въ этомъ небольшомъ сочиненіи Лютеръ говоритъ, что составители буллы самихъ себя обрекаютъ на осужденіе въ томъ, что они—злѣйшіе антихристы—еретики ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Христосъ низвергнетъ антихриста (*Endchrist*) и предастъ его уму ложному и превратному (Римл. I, 28) ²⁾. Въ третьемъ мѣстѣ онъ взываетъ ко всѣмъ христіанамъ, чтобы они о папѣ думали не иначе, какъ о настоящемъ, главномъ антихриствѣ (*rechten Erzendchrist*), о которомъ говоритъ все Писаніе ³⁾. Въ заключеніе Лютеръ провозглашаетъ, что если папа не опровергнетъ и не осудитъ этой буллы и притомъ не накажетъ доктора Экка съ его товарищами; то никто не долженъ сомнѣваться въ томъ, что папа есть врагъ Божій, гонитель Христа, разрушитель христіанства и настоящій антихристъ (*rechte Endchrist*), такъ какъ доселѣ никогда не было слыхано, чтобы ктонибудь осуждалъ христіанскую вѣру такъ, какъ дѣлаетъ эта адская, проклятая булла ⁴⁾.

Въ своемъ „Отвѣтѣ“ на книгу Бока Эмзера, появившемся въ 1521 г., Лютеръ говоритъ, что ясно, что папство съ своею іерархіею

значить также Христосъ конца или послѣдній Христосъ; въ этомъ значеніи и употребляетъ его Лютеръ. Такъ какъ антихристъ будетъ выдавать себя за Христа и явится предъ кончиною міра, то Лютеръ и называетъ его *Endchrist*.

¹⁾ В. 24, с. 40. ²⁾ В. 24, с. 42. ³⁾ В. 24, с. 50. ⁴⁾ В. 24, с. 52.

есть царство діавола и антихристово (endchristisch) правленіе ¹⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ также въ 1521 г., подъ заглавіемъ: Von der Beichte, ob die der Papst Macht habe zu gebieten (Объ осповѣди, имѣеть-ли папа власть узаконять ее), Лютеръ говоритъ, что папа пренебрегаетъ тѣмъ, что Богъ заповѣдалъ, и приказываетъ исполнять то, чего Богъ не заповѣдалъ, что онъ этимъ ставитъ себя выше Бога, требуетъ болѣе Бога, а потому онъ есть антихристъ (Endchrist) ²⁾. Описывая злоупотребленія исповѣдію при превратномъ пониманіи ея у папистовъ, Лютеръ говоритъ. „Такъ весь міръ ужасно грѣшитъ вслѣдъ за папою, и папа виновенъ во всѣхъ грѣхахъ, которые чрезъ это происходятъ, о чемъ святой Павелъ хорошо сказалъ во Второмъ Посланіи къ Фессалоникійцамъ: Онъ—человѣкъ грѣха и сынъ погибели, потому что онъ во всемъ мірѣ умножаетъ грѣхъ и растлѣніе, вопреки Христу, Который есть человѣкъ благодати и сынъ спасенія, такъ какъ Онъ во всемъ мірѣ приуготовилъ благодать и спасеніе. Поэтому Онъ называется Христомъ, а папа—антихристомъ (Antichristus), что по нѣмецки значитъ Widerchrist, противникъ Христа, совершающій дѣло, противное разуму, и однако подъ инопемъ Христа, намѣстникомъ котораго хвастливо называетъ себя“ ³⁾.

Въ томъ же 1521 году были написаны Лютеромъ проповѣди на Евангелія и Посланія. Въ проповѣди на Праздникъ Трехъ Царей, изъясняя повѣствованіе Евангелиста Маттея о поклоненіи родившемуся Христу трехъ волхвовъ, Лютеръ уподобляетъ Богослуженіе духовенства римской церкви коварному обѣщанію Ирода поклониться новорожденному царю іудейскому и призываетъ это Богослуженіе не согласнымъ съ Словомъ Божиимъ, говоритъ, что, по предсказанію Писанія, множество людей впадетъ въ заблужденіе, и больше всего тѣ, отъ которыхъ всего меньше можно ждать этого, что долженъ царствовать антихристъ и обѣщать міръ, что на землѣ почти не останется людей благочестивыхъ, и что это есть послѣднее и

¹⁾ В. 27, с. 293.

²⁾ В. 27, с. 352.

³⁾ В. 27, с. 355—356.

худшее время. Едва есть люди, разсуждаетъ Лютеръ, которые имѣютъ Слово Божіе и привержены ему. Поэтому если кто сомнѣвается, что папа—антихристъ (Endchrist), то Слово Божіе и истинное Богослуженіе достаточно убѣдятъ его въ этомъ ¹⁾.

Въ проповѣди на 25-ю недѣлю послѣ Троицы, изъясняя 24-ю главу Евангелія отъ Матоея и въ частности слова о мерзости запустѣнія, стоящей на святомъ мѣстѣ, Лютеръ доказываетъ, что папа замѣняетъ ученіе о спасеніи вѣрою во Христа ученіемъ о спасеніи чрезъ исполненіе тѣхъ дѣлъ, которыя онъ приказываетъ дѣлать. „Смотри же, заключаетъ Лютеръ, не есть ли папа высочайшая первоисточная мерзость изъ мерзостей, о которой возвѣщаютъ Христосъ и Даніилъ, и подлинный антихристъ (rechte Endchrist), о которомъ написано, что онъ сядетъ въ храмъ Божіемъ, въ пародѣ, гдѣ именуется Христосъ, гдѣ должны быть Его царство, Духъ, крещеніе, слово и вѣра. И по справедливости называется онъ опустошительною мерзостію, т. е., такою, которая только и состоитъ въ томъ, что она все разрушаетъ и опустошаетъ. Потому что Христосъ и дѣло папы не могутъ быть одно при другомъ: если пребываетъ одно, то другое неизбѣжно должно пасть и разрушиться; и папа совершенно опустошилъ царство Христово въ тѣхъ предѣлахъ, на которые простирается его владычество, и тѣ, которые стоятъ за него, всѣ они отвергли Христа. И все это о немъ предвозвѣстилъ святой Павелъ во Второмъ Посланіи къ Фессалоникійцамъ, 2, 3. 4. Что паписты опорочиваютъ само Слово Божіе, преслѣдуютъ и убиваютъ христіанъ, это они считаютъ высшимъ Богослуженіемъ, равно какъ высшимъ служеніемъ, какое они могутъ оказать своему богу—папѣ. Не значить-ли это антихриста дѣйствительно поставлять и почитать выше Бога?“ ²⁾.

Въ проповѣди на первую главу Посланія къ Евреямъ Лютеръ заявляетъ, что онъ уже болѣе не имѣетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что папа—антихристъ (Antichrist) вмѣстѣ съ турками ³⁾.

¹⁾ В. 10, s. 413—414.

²⁾ В. 14, s. 325—328.

³⁾ В. 7, s. 185.

Въ сочиненіи: *Wider den falsch genannten geistlichen Stand des Papstes und der Bischöfe* (Противъ ложно названнаго духовнаго званія папы и епископовъ), появившемся въ 1522 г., сказавши о томъ, что ученіе, законы и дѣйствія папы и его іерархіи совершенно несогласны съ Словомъ Божиимъ и даже противны ему, Лютеръ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Отсюда ты долженъ знать, что папа—подлинный, истинный, послѣдній антихристъ (*der Papst der rechte, wahrhaftige, letzte Antichrist ist*), о которомъ говоритъ все Писаніе, котораго Господь Иисусъ началъ умерщвлять духомъ устъ своихъ и скоро совсѣмъ сокрушитъ и уничтожилъ сіяніемъ Своего, ожидаемаго нами, пришествія“¹⁾.

Въ томъ же сочиненіи Лютеръ называетъ епископовъ волками, тираннами, душегубцами и апостолами антихриста (*des Endchrists Apostel*), растлѣвающими міръ²⁾.

Въ упомянутомъ выше сочиненіи о Папѣ—ослѣ, которое написано въ 1523 г., объяснивши значеніе различныхъ членовъ уroda, Лютеръ въ заключеніе говоритъ: „Этимъ я хочу предостеречь каждаго, чтобы не пренебрегали столь великимъ знаменіемъ Божиимъ и оберегали себя отъ проклятаго антихриста и его приверженцевъ“³⁾.

Для характеристики ученія Лютера о папѣ, какъ антихристѣ, имѣетъ своеобразное и особенное значеніе сочиненіе *Von der Wiedertaufe, an zwei Pfarrrherrn* (О перекрещиваніи, въ двумъ пасторамъ), вышедшее въ свѣтъ въ началѣ 1528 года. Въ этомъ сочиненіи Лютеръ возстаетъ противъ перекрещиванія, которое допускали и даже требовали и осуществляли на дѣлѣ сектанты—перекрещенцы во главѣ съ Балтазаромъ Губмейеромъ. Однимъ изъ основаній для перекрещиванія было то, что перекрещенцы хотѣли, чтобы у нихъ ничего не было отъ папы, какъ антихриста (*Endechrist*). Лютеръ признаетъ это основаніе пустымъ, на которомъ перекрещенцы не создадутъ ничего хорошаго. „Такъ какъ, рассуждаетъ Лютеръ, мы все

¹⁾ В. 28, с. 129.

²⁾ В. 28, с. 176.

³⁾ В. 29, с. 7.

Священное Писаніе имѣемъ отъ папы, то имъ пришлось бы отвергнуть его, и они должны были бы создать новое Священное Писаніе. Точно также мы должны были бы отказаться отъ Вѣтхаго Завѣта, чтобы ничего не имѣть отъ невѣрующихъ Іудеевъ. Принимаютъ же перекрещенцы деньги и вещи, которыя были въ рукахъ у злыхъ людей, у папы и турокъ, или у еретиковъ. Отъ всего такого они должны были бы отказаться, если они не хотятъ имѣть ничего хорошаго отъ дурныхъ людей. И Христосъ нашелъ въ Іудейскомъ народѣ злоупотребленія со стороны фарисеевъ и книжниковъ, однако Онъ на этомъ основаніи не отвергъ всего изъ того, что они имѣли и чему учили. Мы исповѣдуемъ, что подъ властію папства есть много христіанскаго добра, даже есть все христіанское добро, и оттуда оно перешло къ вамъ; а именно, мы признаемъ, что въ папствѣ есть истинное Священное Писаніе, истинное крещеніе, истинное причащеніе, истинное право отпущенія грѣховъ, истинное священство, истинный катехизисъ, равно какъ десять заповѣдей, члены вѣры, отче нашъ. Прибавлю, что подъ властію папы есть истинное христіанство, и папа имѣетъ съ нами общее“.

Говоря это, не отрекся ли Лютеръ отъ своего ученія о папѣ, какъ антихристѣ, или не лицемеритъ-ли онъ предъ папою? Ни мало. Вслѣдъ за приведенными словами онъ говоритъ: „Послушай самъ что святой Павелъ говоритъ во Второмъ Посланіи къ Фессалоникійцамъ, 2, 4: Антихристъ (Endechrist) сядетъ въ храмъ Божіемъ. Если теперь папа—настоящій антихристъ (der recht Endechrist) (какъ я иначе никогда и не думалъ), то онъ долженъ сидѣть или царствовать не въ столѣ діавола, но въ храмъ Божіемъ. Онъ никогда не будетъ сидѣть тамъ, гдѣ суетный діаволь и невѣрующіе, или гдѣ нѣтъ ни Христа, ни христіанства: такъ какъ онъ долженъ быть противникомъ Христа, то поэтому онъ и долженъ быть между христіанами. Вѣдь храмомъ Божіимъ называется не груда камней, а святое христіанство (1 Кор. 3, 17), въ которомъ онъ долженъ царствовать“. „Если теперь подъ властію папы христіанство, то оно должно быть, конечно, тѣломъ и членами Христа. А если оно—Его тѣло, то оно обладаетъ истиннымъ Духомъ, Евангеліемъ, вѣрою, крещеніемъ,

тайствами, ключами, священствомъ, молитвою, Священнымъ Писаніемъ и всѣмъ, что должно имѣть христіанство. И мы всѣ все еще находимся подъ властію папства и оттуда имѣемъ эти блага христіанства. По этому то папа преслѣдуетъ насъ, проклинаетъ насъ, отлучаетъ насъ, изгоняетъ насъ, сожигаетъ насъ, губить насъ и вообще обращается съ нами,—бѣдными христіанами, такъ, какъ долженъ обходиться съ христіанствомъ настоящій антихристъ (ein rechter Endchrist). Такие христіане истинно крещены и суть истинные члены Христа, а иначе они никогда бы не могли одержать такую побѣду чрезъ смерть въ борьбѣ противъ антихриста (Endchrist)“. „Мы не отмечаемъ всего, что папа имѣетъ въ своей власти, ибо иначе мы отвергли бы и христіанство, храмъ Божій, со всѣмъ тѣмъ, что оно имѣетъ отъ Христа. Но мы ратуемъ противъ того и отрицаемъ то, что папа не допускаетъ пребывать съ тѣми благами христіанства, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ Апостоловъ, но дѣлаетъ къ нимъ и сверхъ нихъ свои діавольскія прибавленія и употребляетъ тѣ блага не для усовершенствованія храма Божія, а для разрушенія, чтобы его заповѣди и установленія ставили выше, чѣмъ установленіе Христа. Хотя при этомъ разрушеніи Христосъ все таки поддерживаетъ свое христіанство, какъ Онъ сохранилъ Лота въ Содомѣ, о чемъ и Святой Петръ предвозвѣстилъ (2 Петр. 2, 6, 7), такъ чтобы оставалось то и другое: антихристъ (Endchrist) сидитъ въ храмѣ Божіемъ дѣйствіемъ діавола (2 Фесс. 2, 4. 9) и тѣмъ не мѣше, храмъ Божій существуетъ и остается храмомъ Божіимъ чрезъ сохраненіе отъ Христа“.

„Перекрещенцы, признавая неистиннымъ все, что имѣетъ папа, и желая имѣть въ иномъ видѣ то и это, что есть въ папствѣ, хотятъ этимъ доказать, что они—великіе враги антихриста (Endchrist). Но они не замѣчаютъ, что этимъ они его до крайности усиливаютъ, а христіанство чрезвычайно ослабляютъ и себя самихъ обманываютъ; нападаютъ на храмъ Божій, а въ антихриста (Endchrist), который въ немъ сидитъ, не попадаютъ. Они должны бы были помочь бѣдному христіанству, которое антихристъ имѣетъ подъ собою и мучить, и

сильно вооружиться противъ папы; но они наносятъ ударъ не папѣ, а скорѣе жалкимъ образомъ убиваютъ христіанство, находящееся подъ папою“¹⁾).

Эти мысли Лютера ясно показываютъ, что онъ вполне и безъ колебанія признавалъ существованіе и въ Латинской церкви всѣхъ проявленій и принадлежностей Божественной стороны Церкви или христіанства, не отрицалъ и того, что въ ней есть истинные христіане и святые люди; и въ то же время онъ не сомнѣвался въ томъ, что владыка этой церкви—настоящій антихристъ, и сама она въ цѣломъ—царство антихриста. Этимъ ученіемъ, что въ Латинской церкви пребываютъ Христосъ и антихристъ, Богъ и діаволъ, добро и зло, святые люди и нечестивые, истинное христіанство и христіанство извращенное, Божественное ученіе и истинная вѣра, а, съ другой стороны, діавольская ложь и человѣческія измышленія, благодатное дѣйствованіе Духа Божія и таинства, а, съ другой стороны, повсемѣстное и владычественное дѣйствованіе діавола и антихриста папы, что сама Латинская церковь есть храмъ Божій и тѣло Христа и вмѣстѣ съ тѣмъ синагога діавола и царство антихриста, Лютеръ отчасти обезоруживаетъ тѣхъ латинянъ, которые говорятъ, что признаніе Латинской церкви царствомъ антихриста опасно для самаго протестанства, такъ какъ послѣднее получило Цисапіе и вѣру отъ Латинской же церкви.

Въ одной изъ многочисленныхъ проповѣдей своихъ, написанныхъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, именно въ проповѣди на 25-е воскресеніе послѣ Троицина дня, пзъясня 15—28 стихи 24-й гл. Евангелія отъ Матѳея, Лютеръ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Папа сидитъ не въ тѣлесномъ храмѣ или домѣ Божіемъ, а въ духовномъ, новомъ и живомъ, о которомъ Павелъ говоритъ: *если кто осквернитъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ, ибо храмъ Божій святъ, сей храмъ—вы* (1 Кор. 3, 17“). Ничего не говоря о спасеніи вѣрою, папа научаетъ вступить въ монашескій орденъ или совершать такіа-то и такіа-то дѣла.

¹⁾ В. 26, s. 257—260.

„Въ виду этого не есть-ли папа высшая мерзость изъ всѣхъ мерзостей, на которую указываютъ Христосъ и Данилъ, и настоящій антихристъ (*rechte Endechrist*), о которомъ написано, что онъ сядетъ въ храмъ Божіемъ, въ народѣ, гдѣ призывается Христосъ, гдѣ должны быть царство Христа, Духъ, крещеніе, слово и вѣра“. Если папа научаетъ исполнять свои богопротивныя заповѣди, охуждать Слово Божіе, преслѣдовать и убивать христіанъ и признавать высшимъ богослуженіемъ то почитаніе, которое они воздаютъ своему богу—папѣ, то не значить-ли это, что антихристъ (*Endechrist*) дѣйствительно поставленъ и почитается выше Бога? ¹⁾ Въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Dr. Martin Luther's Warnung an seine Lieben Deutschen* (Доктора Мартина Лютера предостереженіе его любезнымъ нѣмцамъ), и появившемся въ началѣ 1531 года, Лютеръ называетъ папистовъ людьми антихриста или противниками Христа (*des Endeschrists oder Widerchrists*). ²⁾

Въ проповѣди на 21-ю главу Евангелія отъ Луки, написанной въ 1532 году, разсуждая о признакахъ приближенія кончины міра и втораго пришествія Христа, Лютеръ говоритъ: „Мы слышимъ и видимъ, какъ антихристъ (*Endechrist*), оба (антихриста)—папа и Турки,—свирѣпствуетъ и неистовствуетъ противъ имени Христа и противъ христіанской крови, и можемъ-ли мы смотрѣть спокойно на гнуснаго діавола, какъ онъ непрерывно и иолновластно производитъ всю игру, и при этомъ молчать и не вопіять?“ ³⁾

Въ декабрѣ 1536 года Лютеръ написалъ сочиненіе, которое сдѣлалось символическою книгою претестантскаго исповѣданія,—разумѣемъ *Articuli Smalcaldici* (Шмалкалденскіе члены). Четвертый членъ второй части этого маленькаго сочиненія озаглавляется: *Articulus de Papatu* (членъ о папѣ). Здѣсь говорится, что папа вовсе не есть глава христіанства *jure divino*, т. е., на основанія Слава Божія, такъ какъ это имя прили-

¹⁾ В. 14, с. 326—328.

²⁾ В. 16, с. 17.

³⁾ В. 16, с. 17.

чествуетъ только одному Иисусу Христу, а есть только епископъ и пастырь Римской церкви и тѣхъ, которые добровольно или въ силу обстоятельствъ подчинились ему, и что епископы должны быть сотоварищами и братьями папы, какъ это и было въ древности, а между тѣмъ въ настоящее время никакой епископъ не смѣетъ называть папу братомъ, но и епископы и цари обязываются называть его владыкою надъ всѣми. Все, что папа столь притязательною, дерзкою, лживою, богохульною и хищнически присвоенною властію предпривялъ и сдѣлалъ и доселѣ дѣлаетъ, было и есть дѣйствія и учрежденія истинно діавольскія, направленныя къ погубленію всей святой Церкви и къ унытоженію перваго и главнаго члена объ искупленіи, чрезъ Иисуса Христа. Упомянувши затѣмъ о незаконности, чрезмѣрности, ненадобности и зловредности власти папы и о непризнаніи этой власти Востокомъ, Лютеръ заявляетъ, что Церковь не можетъ быть лучше управляема и сохраняема, какъ въ томъ случаѣ, если мы всѣ будемъ жить подъ однимъ Главою—Христомъ, и если всѣ епископы, равные по званію, будутъ соединены между собою единствомъ ученія, вѣры, таинствъ, молитвы, благотворенія и проч.

Но изъ этихъ по существу правильныхъ разсужденій Лютеръ дѣлаетъ преувеличенный выводъ. „Это ученіе, говоритъ онъ, очень ясно показываетъ, что папа есть самъ истинный антихристъ (*Papam esse ipsum verum Antichristum*), который превознесся надъ Христомъ и противъ Христа, какъ какъ онъ не хочетъ, чтобы христіане были спасены безъ его власти, которая однако есть ничто и отъ Бога ни установлена, ни заповѣдана. Объ этомъ именно и сказано, что *онъ превознесется выше и противъ Бога* (2 Тесс. 2 гл.). И это поистинѣ дѣлаютъ не Турки и не Татары, которые, сколь ни жестокиіе они враги христіанъ, позволяютъ кому угодно вѣровать во Христа и берутъ съ христіанъ только дань, требуютъ внѣшняго или тѣлеснаго подчиненія. Но папа запрѣщаетъ эту вѣру, говоря, что нужно ему повиноваться, если кто хочетъ спастись. Но дѣлать это мы не желаемъ, хотя бы намъ ради этого пришлось умереть во имя Господа. И въ мірѣ распро-

стравилось, будто папа на основаніи божественнаго права (*jure divino*) соблаговолилъ быть верховнымъ главою христіанской церкви. А это показываетъ, что онъ самого себя сравнивалъ со Христомъ и даже превознесся надъ Христомъ и сталъ объявлять себя главою, потомъ владыкою церкви, а затѣмъ и всего міра и, просто сказать, земнымъ богомъ, даже и у самихъ Ангеловъ на небѣ попысился восхитить то и это“. Далѣе Лютеръ говоритъ, что въ виду равнорѣчія между ученіемъ папы и Священнымъ Писаніемъ ясно обнаруживается, что ученіе папы согласовано съ гражданскимъ, цезарскимъ и языческимъ правомъ и что оно обсуждаетъ, какъ показываютъ декреталіи, политическія дѣла и права, а затѣмъ и предписываетъ церемоніальныя уставы о храмахъ, одеждахъ, пищѣ, лицахъ и подобныхъ игрушкахъ и глупостяхъ выше мѣры, и среди всего этого ровно ничего не говоритъ о Христѣ, о вѣрѣ и о заповѣдяхъ Божіихъ, и наконецъ представляетъ самого діавола, разсѣвая вопреки Богу папскія лживыя измышленія о миссахъ, о чистилищѣ, о монастырской жизни, о личныхъ дѣлахъ и выдуманныхъ обрядахъ (въ этомъ одномъ и состоитъ служеніе папства), а всѣхъ тѣхъ христіанъ, которые не хотятъ провозглашать и почитать эти мерзости папы выше всего, осуждаетъ, убиваетъ, распинаетъ. „Поэтому, заключаетъ Лютеръ, какъ мы не можемъ поклоняться самому діаволу и почитать его вмѣсто Господа и Бога: такъ не можемъ терпѣть апостола его, папу или антихриста (*Antichristum*) въ его царствѣ какъ главу и владыку; ибо лгать и убивать, души и тѣла навѣки погублять, это свойственно папскому царству, какъ это самое я нагляднѣйшимъ образомъ доказалъ во многихъ книгахъ“¹⁾.

Въ одиннадцатомъ Членѣ Третьей Части говорится, что запрещающіе бракъ и обременяющіе божественное служеніе священниковъ всегдашнимъ безбрачіемъ дѣлаютъ это коварно, безъ всякой честной причины и въ этомъ совершаютъ дѣло антихриста, тиранновъ и худшихъ мошенниковъ и даютъ поводъ

¹⁾ *Libri Symbolici ecclesiae lutheranae. Ed. Fr. Francke. Editio stereotypa Lipsiae. 1846. Pars secunda. Pag. 16—79.*

къ ужаснымъ, мерзкимъ, безчисленнымъ грѣхамъ гнуснаго сладострастія, въ которомъ и до нынѣ упражняются ¹⁾).

Къ Шмалкалденскимъ Членамъ было присоединено приложение подъ заглавіемъ: De potestate et primatu papae. Tractatus per theologos Smalcaldiae congregatos conscriptus. Anno MDXXXVII. (О власти и главенствѣ папы. Трактатъ, составленный богословами, собравшимися въ Шмалкаленѣ въ 1537 г.). Въ этомъ трактатѣ указаны три члена въ ученіи о главенствѣ папѣ, а именно, Римскій Первосвященникъ утверждаетъ, во—1-хъ, что онъ божественнымъ закономъ поставленъ главою надъ всѣми епископами и пастырями; во—2-хъ, что онъ на основаніи божественнаго закона имѣетъ и *другой мечъ*, т. е., власть надъ царствами, и, въ—3-хъ, что вѣровать въ это—необходимо для спасенія. И въ силу всего этого онъ называетъ себя *наместникомъ Христа* на землѣ. Эти три члена ученія составители Трактата объявляютъ ложными, нечестивыми, тираническими и пагубными для Церкви и затѣмъ подробно опровергаютъ ихъ.

Въ частности относительно третьяго члена они говорятъ, что Римскіе епископы съ своими приверженцами содержатъ нечестивое ученіе и нечестивые обряды, и что, несомнѣнно, свойства антихриста (Antichristi) совмѣщены въ царствѣ папы и въ его членахъ. Ибо Павелъ, описывая антихриста Фессалоникійцамъ, называетъ его *противникомъ Христа, превозносящимся надъ всѣмъ, что называется или почитается Богомъ, сидящимъ въ храмѣ Божіемъ, какъ Богъ*. Итакъ, онъ говоритъ о нѣкоемъ, царствующемъ въ Церкви, а не о языческихъ царяхъ, и называетъ сего *противникомъ Христа*, потому что онъ измыслилъ ученіе, борющееся съ Евангеліемъ, и присвоилъ себѣ божескую власть: Прежде всего, есть на лицо то, что папа царствуетъ въ Церкви и, подъ предлогомъ церковной власти и управленія, онъ установилъ для себя это царство; а предлогомъ служатъ слова: *Дамъ тебѣ ключи*. Потомъ, ученіе папы разнообразно борется противъ Евангелія и

¹⁾ Ibid., pag. 37.

папа заявляетъ притязанія на божескую власть тройко: во-первыхъ, онъ присвоетъ себѣ право пзмѣнять ученіе Христа и Богослуженіе, установленное Богомъ; во-вторыхъ, онъ усвоетъ себѣ власть не только вязать и рѣшить въ этой жизни, но и беретъ на себя право суда относительно душъ послѣ этой жизни; въ-третьихъ, папа не хочетъ быть судимымъ ни Церковію, ни кѣмъ бы то ни было и свою власть ставить выше суда соборовъ и цѣлой церкви. Что онъ не желаетъ подлежать суду Церкви, или чьему бы то ни было, это и значитъ, что онъ дѣлаетъ себя Богомъ. Наконецъ, эти столь ужасныя заблужденія и такое нечестіе онъ обороняетъ съ величайшею жестокостію и убиваетъ разногласящихъ съ нимъ.

Если все это такъ, то всѣ христіане должны остерегаться, какъ бы не сдѣлаться участниками нечестиваго ученія, богохульства и незаконной кровожадности папы. По этому они должны покинуть и проклясть папу съ его членами, какъ царство антихриста (*Antichristi*)... Явны заблужденія царства папы, и Писаніе громкимъ голосомъ возвѣщаетъ, что эти заблужденія—ученіе демоновъ и антихриста (*daemoniorum et Antichristi*)... Итакъ, хотя бы Римскій епископъ и имѣлъ главенство на основаніи божественнаго закона, однако послѣ того, какъ онъ уваковняетъ нечестивые обряды и ученіе, противоборствующее Евангелію, ему не слѣдуетъ повиноваться, а скорѣе противодѣйствовать, какъ антихристу (*Antichristo*)¹⁾.

Должно упомянуть, что Шмалкалденскіе Члены были подписаны сорока тремя представителями протестантизма и въ числѣ ихъ, кромѣ самаго Лютера, Юстомъ Іоною, Іоанномъ Бугенгагеномъ, Георгіемъ Спалатиномъ, Андреемъ Озіандеромъ, Филиппомъ Меланхтономъ,—последнимъ съ тою отговоркою, что если папа признаетъ Евангеліе, то можно ради мира и общаго спокойствія христіанъ и впредь оставить въ его власти тѣхъ, которые уже находятся у него въ подчиненіи, и признать за нимъ, на основаніи человѣческаго права, главенство надъ епископами, насколько онъ его уже имѣетъ. А дополни-

¹⁾ Ibid., pag. 42, 50, 51, 53.

тельный къ Шмалкалденскимъ членамъ Трактатъ подписали тридцать два представителя протестанскаго исповѣданія. Шмалкалденскіе Члены, включая и дополненіе къ нимъ, стали одною изъ символическихъ книгъ протестантскаго исповѣданія. Это придаетъ особенную важность ученію этой книги о томъ, что папа—истинный антихристъ. Это ученіе сдѣлалось для протестантовъ не только заслуживающимъ полнаго довѣрія, такъ какъ оно высказано Лютеромъ, но и обязательнымъ какъ одинъ изъ членовъ вѣры, потому что вошло въ одну изъ ихъ символическихъ книгъ. Что отцы протестантской вѣры придали этому ученію достоинство символическаго ученія, это было главною причиною, почему оно было усвоено всѣмъ протестантскимъ міромъ и удержалось даже до настоящаго времени.

Довольно ясное указаніе на то, что царство папы съ его притязаніями на неограниченное господство свѣтское и духовное есть царство антихриста, находится еще въ другой символической книгѣ протестантскаго исповѣданія, въ Апологіи Аугсбургскаго исповѣданія, въ членѣ о Церкви ¹⁾).

Въ сочиненіи: *Der Artikel von der Donatio Constantini, durch Luthern verdeutsch und mit einer Vorrede, Glosse und Nachschrift versehen* (Пунктъ о дарѣ Константина, Лютеромъ переведенный на нѣмецкій языкъ и снабженный Предисловіемъ, Объясненіемъ и Послѣсловіемъ), написанномъ въ 1537 году, Лютеръ говоритъ о тяжести наказанія, которому подвергнутся папа и его приверженцы. По его мнѣнію, повѣсить ихъ, утопить, обезглавить, сжечь, это было бы слишкомъ снисходительнымъ для нихъ наказаніемъ. Онъ, Лютеръ, желалъ бы, чтобы это съ ними случилось, чтобы чрезъ это отворотился отъ нихъ или смягчился гѣвъъ Божій, который, въ противномъ случаѣ, они должны вѣчно переносить въ адѣ. Ибо святой Павелъ говоритъ (2 Тим. 1, 8), что антихриста (Endechrist) будетъ судить Самъ Господь нашъ Христосъ: сначала убьетъ его духомъ устъ Своихъ, т. е., словомъ Своимъ, а потомъ истребитъ своимъ свѣтлымъ пришествіемъ. Поэтому ни Церковь, ни соборъ,

¹⁾ Concordia. Pia et unanimi consensu repetita Confessio fidei et doctrinae... Lipsiae. Pag. 149.

ни верховная власть, ни людская сила, не накажутъ папства и не отмстятъ ему по его заслугамъ. Папы въ своемъ лукавствѣ, мошенничествѣ, лжи и порокахъ зашли слишкомъ высоко, слишкомъ глубоко, слишкомъ далеко, слишкомъ широко, и совершаютъ ихъ слишкомъ грубо и рѣзко, такъ что человѣческіе гнѣвъ и наказаніе не могутъ быть въ уровнѣ съ ихъ пороками, но судъ имъ въ словахъ: Идите отъ Меня проклятыя, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Матѹ. 25 41). Ибо ангелами діавола называются не одни духи или другіе діаволы, но также папы, епископы и кардиналы, какъ свидѣтельствуемъ Откровеніе Іоанна; равно какъ и ангелы Христа суть не одни небесные духи, но и благочестивые, святые епископы, священники и проповѣдники на землѣ въ христіанствѣ, ¹⁾

Въ 1538 г. Лютеръ написалъ Предисловіе и Объясненія къ „Мнѣнію о Церкви нѣкоторыхъ выборныхъ кардиналовъ, написанному и обнародованному именемъ и по порученію папы Павла III“. Въ Предисловіи Лютеръ прилагаетъ къ папѣ слова книги пророка Даніила, 11 гл. 16 ст., объ антихристѣ, что онъ будетъ такимъ царемъ, который дѣлаетъ, что хочетъ, а именно, что онъ будетъ богомъ, не подчиненнымъ никакому закону, но владыкою и господиномъ всѣхъ законовъ ²⁾. Нѣсколько ниже Лютеръ говоритъ, что нужно молить, чтобы имя Божіе святилось и прославлялось, а имя папы посрамлялось и проклиналось вмѣстѣ съ его богомъ, діаволомъ,—чтобы царство Божіе пришло, а царство антихриста погибло ³⁾.

Въ Толкованіи первой и второй главы Іоанна (*Auslegung des ersten und zweiten Kapitels Iohannis*), состоящемъ изъ проповѣдей и написанномъ въ 1537 и 1538 годахъ, Лютеръ говоритъ слѣдующее: „Такъ какъ папа ужасно богохульствуетъ своею ложью и діавольскими ученіями и ими въ теченіе столь долгаго времени обольстилъ безчисленное множество душъ, а чистое ученіе со всею силою самъ и чрезъ своихъ могущественныхъ сообщниковъ проклиняетъ и осуждаетъ и, какъ гнуснѣй-

¹⁾ В. 25, с. 200.

²⁾ В. 25, с. 149.

³⁾ В. 25, с. 151.

шее еретичество, преслѣдуетъ, дерзаетъ его искоренить со всѣми, которые его распространяютъ, проповѣдуютъ, и привязаны къ нему, а свою нечестивую мерзость защищаетъ и поддерживаетъ, какъ ученіе правое и святое; то онъ есть ужаснѣйшій медвѣдь—волкъ и душегубецъ, подобнаго которому никогда на землѣ не являлось. Поэтому мы должны отъ всего сердца благодарить милосердаго Бога за то, что Онъ милостиво освободилъ насъ отъ тяжкаго плѣна и желѣзнаго ига папы и въ это послѣднее время столь свѣтло и ярко озарилъ насъ спасительнымъ свѣтомъ Евангелія, которое показываетъ намъ путь къ истинному вѣчному свѣту; и мы увѣрены, что папа—настоящій антихристъ (*der rechte Widerchrist*), и все его ученіе, которое онъ восхвалялъ какъ свѣтъ для міра, есть суетная діавольская ложь, зловоніе, соръ“¹⁾.

Въ проповѣдяхъ на Евангеліе отъ Матѳея, написанныхъ съ 1537 г по 1540 годъ, Лютеръ, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, много говоритъ о папѣ и папистахъ. Въ частности, нѣкоторыя изреченія 24-й главы Евангелія отъ Матѳея Лютеръ примѣняетъ къ папѣ, какъ антихристу. Подъ лжехристами, о которыхъ Евангелистъ упоминаетъ въ 24 стихѣ, Лютеръ разумѣетъ папъ; потому что они, приписывая себѣ главенство надъ церковію, тѣмъ самымъ хотятъ подчинить себѣ Христа, и на нихъ оправдываются слова Апостола Павла объ антихристѣ, что онъ возвысится надъ Богомъ. Папа показалъ, что онъ—антихристъ (*Antichrist*) и будетъ умерщвленъ духомъ устъ Христа²⁾. Занятіе и должность папы въ томъ, что онъ наполняетъ міръ грѣхами. Потому и называетъ его Святой Павелъ человѣкомъ или мужемъ грѣховъ, что онъ научаетъ богохульству и что онъ не только самъ грѣшитъ, но и цѣлый міръ дѣлаетъ исполненнымъ грѣховъ³⁾. Папа изобрѣтаетъ свои заповѣди, и нарушеніе ихъ объявляетъ грѣхомъ; по этому онъ названъ человѣкомъ грѣховъ, который на то и поставленъ, чтобы учреждать грѣхи. И діаволь свое царство осно-

1) В. 45, s. 368.

2) В. 45, s. 146.

3) В. 45, s. 152.

валъ для того, чтобы ничего другаго, кромѣ грѣха, не учреждать не только въ своемъ лицѣ, но и въ предѣлахъ всего своего царства ¹⁾. Папа—сынъ погибели, потому что если онъ сотворилъ грѣхъ, то уже создалъ и адъ, такъ какъ гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ вѣтъ ни смерти, ни ада, ни осужденія, а гдѣ есть грѣхъ, тамъ немедленно являются смерть и осужденіе. Святой Павелъ называетъ папу сыномъ погибели за то, что онъ и себя и всѣхъ другихъ людей осуждаетъ безъ вины и причины ²⁾. Такъ Святой Павелъ вѣрно изобразилъ папу..., что онъ—человѣкъ богохульный, который возстаетъ противъ Бога и превозносится надъ Богомъ, и ставитъ себя выше Церкви, желаетъ быть ея владыкою; объявляетъ онъ грѣхомъ то, что не есть грѣхъ, и осуждаетъ себя и всѣхъ тѣхъ, кто ему вѣритъ. ³⁾.

Съ особенною настойчивостію и рѣзкостію Лютеръ чернитъ папу въ сочиненіи, написанномъ въ 1545 году подъ заглавіемъ: *Wider das Papsthum zu Rom, vom Teufel destiftet* (Противъ папства въ Римѣ, основаннаго діаволомъ). Здѣсь онъ примѣняетъ къ папѣ нѣкоторыя изреченія Писанія объ антихристѣ. Христосъ, разсуждаетъ Лютеръ, предостерегаетъ насъ, говоря, что многіе придутъ во имя Его и скажутъ: *я Христосъ* (Матѣ. 24, 23. 24); и еще Христосъ сказалъ: *берегитесь ложныхъ пророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьихъ одеждахъ* (Матѣ. 7, 15). Такъ и папа подъ личиною и именемъ Христа и Святаго Петра обманулъ и одурачилъ цѣлый міръ ⁴⁾.

Ты имѣешь папу, обращается Лютеръ къ читателю, такимъ, каковъ онъ есть и откуда онъ происходитъ, а именно, мерзость (какъ Христосъ говоритъ, Матѣ. 24, 15) всякаго подолженія, принесенную всѣми діаволами изъ адской бездны ⁵⁾.

Если бы папа ничего другаго не сдѣлалъ, кромѣ того, что онъ самъ себя поставилъ надъ всѣми церквами и епископами, чтобы быть судьей всѣхъ и чтобы его никто не могъ ни судить, ни наказывать, и такимъ образомъ отдалъ узду діаволу и плоти и присвоилъ себѣ волю производить всякое нечестіе,

¹⁾ В. 45, с. 153.

²⁾ В. 45, с. 154.

³⁾ В. 45, с. 155.

⁴⁾ В. 26, с. 142.

⁵⁾ В. 26, с. 150—151.

какъ это и есть на лице и какъ объ этомъ говорить Иуда въ своемъ Посланіи: *это суть нечестивцы, и они обращаютъ благодать Бога нашего на распутство и отвергаютъ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, единого Владыку* (4 ст.): то и въ такомъ случаѣ даже нѣкоторой части этого признака было бы достаточно, чтобы можно было признать, что папа, безъ сомнѣнія, есть подлинная мерзость, имѣющая быть при концѣ, есть антихристъ (Endechrist) ¹⁾.

Въ папствѣ и во всѣхъ декреталіяхъ, говоритъ Лютеръ въ другомъ мѣстѣ, дѣло идетъ о томъ, чтобы одинъ папа былъ величайшимъ, верховнѣйшимъ, могущественнѣйшимъ, которому никто не долженъ быть равенъ, котораго никто не долженъ ни оцѣнивать, ни судить, а каждый долженъ быть его подданнымъ и позволять ему судить себя; и однако онъ же чванится, что онъ—рабъ всѣхъ рабовъ Божіихъ, т. е., по римски и папски, господинъ всѣхъ господъ, король всѣхъ королей, а также онъ надъ всѣми христіанами, т. е., надъ Богомъ, Христомъ и Святымъ Духомъ, Который обитаетъ и живетъ въ христіанахъ (Іоан. 15, 4). Его и называетъ Святой Павелъ (2. Тесс. 2, 3) человекомъ грѣховъ и сыномъ погибели, антихристомъ (Endechrist), который ставеть противъ Бога и возвысится надъ Богомъ ²⁾.

Еще въ иномъ мѣстѣ Лютеръ говоритъ, что если бы въ Римѣ царствовалъ самъ діаволь, то было бы не хуже, чѣмъ теперь, а даже лучше, потому что мы могли бы отъ него убѣжать. Но папа отдался ему подъ личиною, украшаясь Словомъ Божіимъ, подъ которою его не могутъ узнать; это гнѣвъ Божій, такъ какъ произошло все, что могла выдумать его язвительная, діавольская, адская ненависть къ Христу и Его церквамъ: онъ сдѣлался нашимъ идоламъ, которому вмѣстѣ со всею его ложью, богохульствомъ и идолослуженіемъ мы поклонялись подъ именемъ Святаго Петра и Христа. Объ этомъ ты самъ можешь читать 2 Тесс., 2, 4 и видѣть, что разумѣетъ Святой Павелъ, когда Онъ говоритъ, что ап-

¹⁾ В. 26, s. 215—216.

²⁾ В. 26, s. 176.

тихристъ (Eudechrist) сядетъ въ храмъ Божіемъ, т. е., въ церк-вахъ Христовыхъ, какъ будто онъ есть Христосъ и Самъ Богъ, подобно тому, какъ и льстецы папы богохульствуютъ и говорятъ: папа не настоящій человѣкъ, а лице, составленное изъ Бога и человѣка, каковъ есть одинъ только нашъ Хри-стосъ. А что папа—человѣкъ грѣховъ, это ты легко поймешь изъ предъидущаго; потому что онъ не только грѣшникъ для себя, но грѣхами, ложнымъ богослуженіемъ, богохульствомъ, невѣ-ріемъ и ложью наполнилъ и переполнилъ міръ, а особенно храмъ Божій, церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—сынъ погибели, т. е. себя самого съ безчисленными душами довелъ до ада и вѣч-наго осужденія. Турка тоже обольщаетъ міръ, но онъ не си-дитъ въ храмъ Божіемъ, не носитъ имени Христа и Святаго Петра, равно какъ и Священнаго Писанія, а нападаетъ на христіанство совнѣ и объявляетъ себя врагомъ его. Но этотъ внутренній разрушитель хочетъ быть другомъ, желаетъ назы-ваться отцемъ, а вдвое хуже Турки. Это называется мерзостію запустѣнія, или опустошенія, идоломъ, который вопреки Христу все разрушаетъ, что Христосъ создалъ и даровалъ намъ. О, какъ ужасно видѣть такую мерзость и слышать о ней! ¹⁾

Папа, по мнѣнію Лютера, самъ себя устраняетъ и выбрасы-ваетъ изъ Церкви, судитъ и осуждаетъ именно тѣмъ, что онъ не желаетъ быть судимымъ и дѣлаетъ самаго себя язычникомъ, и выходитъ, какъ Господь говоритъ (Лук. 19, 22): изъ собствен-ныхъ твоихъ устъ ты будешь осужденъ. Ибо такъ какъ ты не желаешь подвергаться наказанію, какъ всѣ прочіе христіане (Матѣ. 18, 17), то, конечно, ты не христіанъ. А если ты не христіанинъ, то, безъ сомнѣнія, ты долженъ быть среди христіанъ во имя всѣхъ діаволовъ антихристомъ (Eudechrist) или папою ²⁾.

Папа не есть христіанинъ и не называется христіаниномъ, а есть язычникъ, изверженный изъ церкви, приговоромъ и и заповѣдію Христа осужденный; онъ не долженъ быть ни судьею, ни владыкою въ церквахъ Христовыхъ; онъ—осага-ненный человѣкъ грѣховъ и сынъ погибели. ³⁾

¹⁾ В. 26, с. 189—190.

²⁾ В. 26, с. 223.

³⁾ В. 26, с. 218.

Папа не можетъ быть ни главою христіанскихъ церквей, ни намѣстникомъ Бога или Христа, но онъ—глава проклятыхъ церквей самыхъ худшихъ на землѣ негодяевъ, намѣстникъ діавола, врагъ Божій, противникъ Христа и разоритель церквей Христовыхъ, наставникъ всякой лжи, богохульства и идолопоклонства, главный воръ и грабитель церквей, ключей и всякихъ имѣній, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ владѣтелей, убійца королей и подстрекатель всякаго кровопролитія, ховлинь блуда надъ всѣми блудодѣями и надъ всякимъ распутствомъ, также и надъ такимъ, какое и назвать нельзя, антихристъ (Widerchrist), человѣкъ грѣховъ и сынъ погибели, настоящій медвѣдь—волкъ. Кто не хочетъ вѣрить этому, тотъ пусть идетъ съ своимъ Богомъ—папою. Я, какъ призванный учитель и проповѣдникъ въ церквахъ Христовыхъ и обязанный сказать истину, сдѣлалъ свое дѣло. Кто хочетъ вонять, пусть воняетъ; кто хочетъ быть потеряннымъ, пусть погибаетъ; кровь его пусть падетъ на его голову ¹⁾.

Кто не почувствуетъ, какая безграничная ненависть, какая необузданная ярость къ папѣ звучатъ въ этихъ словахъ! Это—непримиримая вражда и неукротимая злоба фанатика, который переполняющія его душу чувства злобы и ненависти къ папѣ признаетъ добродѣтелями и публичное выраженіе ихъ въ бранныхъ словахъ—исполненіемъ своего главнаго долга, даже высшаго, указаннаго Богомъ, предназначенія. Обвинять папу и папство во всевозможныхъ порокахъ и злодѣянiяхъ для Лютера значило искоренять зло, насаждать благо и добро, спасать людей отъ узъ ада, бороться противъ діавола, служить Христу и Богу, произносить чистую и плодотворную христіанскую истину и изобличать діавольскую ложь и лицемѣріе, уничтожать нечестіе, идолослуженіе и богохульство и вводить въ сознаніе людей и въ жизнь истинное христіанство, подавленное и подавляемое папою и его приверженцами.

Лютеръ, какъ и многіе, подобные ему, реформаторы, воображалъ, что онъ—посланникъ Божій, свыше предназначенный

¹⁾ В. 26, с. 209.

на борьбу противъ папства, какъ учрежденія діавола. Естественно, что ненависть Лютера къ папѣ и папству казалась ему чувствомъ высокимъ, святымъ гнѣвомъ, вдохновенною свыше ревностію по Богѣ. Ему казалось поэтому, что чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ лучше, и чѣмъ громче и сильнѣе оная будетъ выражать ее въ словахъ и дѣйствіяхъ, тѣмъ выше оная будетъ стоять въ исполненіи задачи своей жизни, тѣмъ сильнѣйшее окажетъ противодѣйствіе діаволу, тѣмъ большую совершитъ службу Богу и тѣмъ больше принесетъ пользы, блага, добра и спасенія людямъ. Ненависть Лютера къ папѣ и папству была вызвана дѣйствительными недостатками ихъ, усилена противодѣйствіемъ Лютеру со стороны папъ и ихъ приверженцевъ и доведена до высочайшей степени его реформаторскимъ фанатизмомъ. Само собою понятно, что онъ не могъ, не желалъ и не считалъ ни нужнымъ, ни полезнымъ сдерживаться въ проявленіяхъ ея. Даже болѣе: чувствуешь, что онъ какъ бы истощается въ усиліяхъ выразить ее возможно сильнѣе и не находитъ для этого достаточно рѣзкихъ фразъ и сильныхъ словъ. Въ особенности то сочиненіе Лютера, изъ котораго мы только что привели выдержки, настолько переполнено злословіемъ, что нѣкоторые современники Лютера изъ его друзей думали, что онъ рѣзкостію этого сочиненія самъ себя повредилъ больше, чѣмъ могли повредить ему его враги. Однако здѣсь только сосредоточена въ одномъ мѣстѣ вся та брань, которая разсѣяна почти по всемъ его сочиненіямъ; чего нибудь новаго оная здѣсь не сказала. Въ частности, въ признаніи папы антихристомъ, Лютеръ повторяетъ въ этомъ сочиненіи то, что онъ и прежде говорилъ неоднократно и не менѣе сильно и рѣзко.

Должно еще упомянуть о томъ, что это сочиненіе было написано только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Лютера. Обращаемъ вниманіе читателей на это обстоятельство потому, что есть мнѣніе, будто Лютеръ измѣнилъ свои протестантскія воззрѣнія съ теченіемъ времени. Не знаемъ, измѣнилъ-ли оный, или нѣтъ свои взгляды на нѣкоторые христіанскіе догматы; но въ своихъ порицаніяхъ папъ, папства и папистовъ, и въ частности въ признаніи папы антихристомъ, Лютеръ былъ по-

стояненъ. Если и можно еще допустить, что было нѣкоторое непродолжительное время, когда увѣренность Лютера въ томъ, что папа есть настоящій антихристъ, не была полною и соединялась съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и колебаніемъ, то это было въ самые первые годы егѡ реформаторской дѣятельности. Многія сочиненія его, написанныя въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ 16-го столѣтія, ясно показываютъ, что онъ постоянно и глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что папа— настоящій антихристъ.

П. Борисовскій.

(Окончаніе будетъ).

Есть ли какая либо связь между религиозной вѣрой и наукою?

(Окончаніе *)

III.

Въ общезвѣстной у насъ исторіи *цивилизациі* Бокля проводится мысль, что событія и факты историческіе подчинены закону причинности въ той же степени, какъ и явленія природы физической, ибо иначе пришлось бы допустить въ области человѣческихъ дѣйствій либо сверхъестественное вмѣшательство, или случай, или наконецъ свободную волю,—предположенія положительною наукою не допустимыя. При этомъ господство закона причинности въ исторіи Бокль понимаетъ такъ, что послѣдующіе факты суть *необходимыя послѣдствія* предшествующихъ причинъ, и весь ходъ историческихъ событій оказывается такимъ образомъ, съ характеромъ непреодолимой *необходимости* ¹⁾. Для насъ эта черта, именно характеръ необходимости—особенно важна въ понятіи Бокля о причинной связи явленій. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, вопросъ о причинной связи былъ подвергнутъ тщательному анализу знаменитымъ соотечественникомъ Бокля,—философомъ Юмомъ, и вотъ какой выводъ получился у Юма по этому вопросу. Что мы называемъ причинною связью явленій есть простое слѣдованіе или чередованіе ихъ во времени одного за другимъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 5.

¹⁾ О философіи Бокля см. статью: *Историческая теорія Бокля*. Критическій очеркъ А. Сталина. Русскій Вѣстникъ. 1874 г. июль.

Необходимая же связь слѣдующихъ одно за другимъ явленій между собою, нами не познается на самомъ дѣлѣ, а только предполагается, и есть не что иное, какъ собственный нашъ вымысль, созданіе нашего воображенія, есть выраженіе привычной для насъ ассоціаціи представленій, состоящей въ томъ, что въ нашемъ сознаніи представленіе одного явленія съ нѣкоторою принудительностію препровождаетъ мысль къ представленію другого явленія, слѣдующаго за нимъ; принудительность эта—послѣдствіе привычки связывать представленія въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, именно въ порядкѣ слѣдованія представляемыхъ явленій въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, по философіи Юма, даже о явленіяхъ физической природы, о фактахъ, изучаемыхъ естествознаніемъ, мы неправѣ утверждать, что эти явленія съ *необходимостію* слѣдуютъ одни за другими. Законъ причинности не можетъ служить основаніемъ для такого утвержденія, ибо законъ этотъ на самомъ дѣлѣ выражаетъ не *необходимость*, а только *постоянство*, съ какимъ чередуются одно за другимъ извѣстныя явленія. Когда законъ причинности понимается, какъ выраженіе необходимости, то имѣется при этомъ въ виду отрицаніе, посредствомъ этого закона, свободы человѣческихъ дѣйствій, ибо свобода наиболѣе исключается *необходимостію*, какъ противоположностію свободы, и въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ отрицанія свободы представляется для многихъ важнымъ примѣненіе въ исторической области закона причинности; причинность понимается при этомъ, какъ *естественный законъ необходимости*. Правда, и Юмъ отрицаетъ свободу, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ и необходимость, смотря на эти два понятія какъ на крайности, съ которыми дѣйствительность не согласуется, ибо на дѣлѣ,—и *въ исторіи*, и *въ природѣ*, по Юму, мы находимъ лишь постоянство и правильность чередованія явленій одного за другимъ.

Но какая надобность до того, какъ Юмъ понималъ законъ причинности? Развѣ не могъ Бокль имѣть по этому вопросу свое собственное мнѣніе; въ особенности не лучше ли было слѣдовать общепринятому понятію о причинной связи явленій, а по этому понятію причина есть такое предшествующее, отъ

котораго съ *необходимостію* происходитъ его послѣдующее? Но Бокль несомнѣнно—послѣдователь такъ пазываемой позитивной философіи, позитивизмъ же, чтобы не впасть въ явное противорѣчіе себѣ, именно—чтобы остаться вѣрнымъ собственному принципу, вынужденъ, въ пониманіи закона причинности, слѣдовать толкованію Юма. Если Бокль на самомъ дѣлѣ иначе понимаетъ этотъ законъ, то это показываетъ только, что онъ плохой философъ и мало заботится о томъ, чтобы быть послѣдовательнымъ. Принципъ позитивизма таковъ: намъ доступны только *явленія*, а потому явленія составляютъ единственно возможный предметъ изслѣдованія и для науки, и для философіи. Метафизика потому имено отрицается, что она беретъ на себя задачу—рѣшить вопросъ о сущности вещей. Будучи ограниченою въ своемъ изслѣдованіи областью явленій, наука,—равно и философія,—не можетъ имѣть для себя иной какой либо задачи, кромѣ установленія и опредѣленія общихъ и неизмѣнныхъ законовъ природы. Тутъ является вопросъ—что же такое законъ? Если законъ природы понимать такъ, какъ обыкновенно понимается, именно какъ нѣчто *необходимое*, то законъ природы, при такомъ пониманіи его, окажется *противоположностію* явленія. Явленіемъ называется вообще данное въ опытѣ; само по себѣ взятое, каждое данное опыта, всякое явленіе представляется, какъ случайность, которая можетъ и не быть; законъ же не есть случайность, а нѣкоторая необходимость. Сверхъ того: всякое явленіе само по себѣ *индивидуально*, напротивъ законъ есть начало *общее*. Поэтому основное положеніе позитивизма, что намъ доступны только явленія, и что научное изслѣдованіе всегда ограничено областью явленій, оказывается *невѣрнымъ*: вѣдь законъ не есть явленіе. И вотъ, чтобы оправдать сказанное выше основное положеніе свое, позитивизмъ вынужденъ и понятію о законѣ придавать такой смыслъ, чтобы законъ природы не представлялся чѣмъ либо отличнымъ отъ простыхъ фактовъ, или явленій¹⁾. То пониманіе законовъ (законы ассоціа-

¹⁾ Des phénomènes étant donnés, on peut leur supposer deux sortes de rapports: ceux qu'ils soutiendraient avec des réalités hétérogènes, ceux qu'ils soutiennent entre eux. Le phénoménisme exclut évidemment la première hypothèse. Aussi supprime-t-il tous les rapports qui, d'après l'ancienne métaphysique,

ція представленій), какое мы находимъ у Юма, оказывается наиболѣе пригоднымъ для означенной цѣли. Законъ природы, по философіи Юма,—это не что иное, какъ *отношеніе явленій между собою*, именно *отношеніе совмѣстности* (статическіе законы Конта) и *отношеніе послѣдовательности* (динамическіе законы Конта). Последнее отношеніе и есть законъ *причинности*.

Сравнивая два, наиболѣе общихъ названныхъ выше закона,—именно законъ совмѣстности (категорія субстанціальности по Канту) и законъ послѣдовательности (категорія причинности), мы должны признать, что законъ причинности важнѣе, есть болѣе общій и болѣе объемлющій законъ, ибо всякая установившаяся форма существованія, всякая субстанція есть только преходящій, временный моментъ во всеобщемъ потокѣ измѣняемости. Что же? Можемъ ли признать, по крайней мѣрѣ, законъ причинности всеобщимъ и равно объединяющимъ всѣ явленія принципомъ? На дѣлѣ оказывается, что и къ закону причинности относится сказанное выше о законѣ сохраненія энеггіи, именно что и законъ причинности не только не приводитъ къ единству противоположностей духовнаго и тѣлеснаго, внутренняго и внѣшняго; напротивъ самъ подлежитъ этой противоположности. Законъ причинности состоитъ въ извѣстномъ отношеніи переменъ между собою. Но самый характеръ переменъ представляется неодинаковымъ, смотря по тому, совершаются ли переменны въ природѣ неорганической,—или же въ природѣ органической. Послѣдовательный и тѣсно связанный рядъ переменъ въ природѣ органической имѣетъ характеръ либо прогресса, либо регресса, выражаетъ собою либо усовершеніе, развитіе, либо упадокъ, разложеніе. Допустимъ, что въ общемъ то, что

subordonnent les phénomènes à l'Espace, au Temps, aux Substances, aux Causes, aux Fins, à l'Absolu. Tous ces prétendus concepts a priori, avec les principes qu'on y rattache et où ils se combinent avec les phénomènes en des synthèses universelles et nécessaires, n'ont aucune signification légitime s'ils ne signifient, pas les rapports que les phénomènes ont entre eux. Ainsi „tout phénomène est dans l'espace“, cette formule ne veut pas dire que l'espace est une réalité préexistante avec laquelle tous les phénomènes sont en rapport: elle veut dire que tous phénomènes sont les uns avec les autres dans un certain rapport que le terme Espace qualifie, un rapport de coexistence et de situation. *L'idée phénoménale par Emile Boirac, (1894) p. 169.*

называется упадкомъ, разложеніемъ, есть только переходной моментъ и преобладающимъ является *развитіе* (вся органическая природа усовершенствуется чрезъ подборъ вслѣдствіе борьбы за существованіе и чрезъ приспособленіе къ средѣ); все же законъ развитія (эволюція) есть принадлежность лишь природы органической и распространять этотъ законъ на всѣ явленія дѣйствительности (что дѣлаетъ Спенсеръ) можно лишь при помощи натяжекъ и произвольнаго истолкованія фактовъ. Поэтому другіе принимаютъ во вниманіе преимущественно тотъ характеръ перемѣнъ, какой свойственъ природѣ неорганической,—именно характеръ *механической законмѣрности*, гдѣ всякая перемѣна обуславливается, главнымъ образомъ, внѣшнимъ воздѣйствіемъ, (въ природѣ органической *законмѣрность цѣлесообразная*, а не механическая), и въ этомъ именно духѣ, опять таки, вопреки фактической очевидности, примѣняютъ законъ причинности какъ вообще въ области явленій жизненныхъ, такъ въ особенности въ области явленій человѣческой жизни (въ социологіи,—такъ называемый экономическій матеріализмъ).

Примѣромъ послѣдняго направленія въ примѣненіи закона причинности можетъ служить слѣдующее разсужденіе въ социологіи Гельвальда.

„Исторія, читаемъ здѣсь, не есть простой рядъ событій, связанныхъ между собою лишь хронологическою послѣдовательностію; она представляетъ, наоборотъ, связную цѣпь причинъ и слѣдствій, соединенныхъ между собою великимъ, господствующимъ какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, *принципомъ причинности*. Не возможно допустить, чтобы въ исторіи человечества существовалъ хотя одинъ моментъ, когда въ его развитіе вступалъ элементъ, чуждый природѣ и способный оторвать человечество отъ произведшей его почвы“.

„На ряду съ принципомъ причинности, существуетъ еще принципъ цѣлесообразности, охватывающій всѣ матеріальныя (?) и социальныя явленія и представляющійся намъ, въ примѣненіи къ человѣческому обществу, какъ *нравственность*. Однако при этомъ нельзя проглядѣть того, что новѣйшее естествознаніе превратило выполненіе цѣлей изъ конечной цѣли сотворенія въ причину возникновенія существъ,—а это безко-

печно далеко отъ близорукихъ воззрѣній телеологическаго міросозерцанія“. Очевидно, что этими неясными словами имѣется въ виду выразить ту мысль, что *телеологическій* принципъ самостоятельнаго значенія не имѣетъ (не слѣдовало бы въ такомъ случаѣ цѣлесообразность именовать принципомъ), что цѣль не отдѣльное вѣчто отъ причины, но та же причина, только не правильно представляемая.

„Въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ природѣ, всѣ явленія представляютъ слѣдствія *не какихъ либо абсолютныхъ принциповъ*, но разнообразныхъ отношеній взаимодействующихъ силъ. Добро и зло, польза и вредъ, правда и неправда, удовольствіе и страданіе, разсматриваемыя съ соціальной точки зрѣнія, слагаются изъ опредѣленнаго количества вышнихъ проявленій дѣятельности отдѣльныхъ членовъ общества или же цѣлаго организма (общественнаго?). Лишь результату этого общаго дѣйствія могутъ соотвѣтствовать общія понятія о добрѣ и злѣ, пользѣ и вредѣ, удовольствіи или страданіи. *Понятія эти представляютъ не что иное, какъ разнообразныя состоянія* человеческого общества, разсматриваемыя съ разныхъ точекъ зрѣнія, или же формы человеческого пониманія общественныхъ отношеній“. Если цѣлесообразность есть *необходимая* форма человеческого пониманія извѣстнаго рода явленій, то какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого отрицаніе телеологическаго принципа? Между тѣмъ авторъ приведеннаго ссейчасъ разсужденія сильно возстаетъ противъ телеологическаго воззрѣнія, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его. „Къ сожалѣнію, еще находится не мало историковъ культуры папримѣръ въ Германіи, раздѣляющихъ телеологическую точку зрѣнія. Въ числѣ ихъ есть люди передовые, даже радикалы въ вопросахъ политики; но въ другомъ отношеніи эти „либеральныя обскуранты“ весьма похожи на такъ сильно поносимыхъ ими „клерикальныхъ обскурантовъ“. Истина *одна*, и стало быть, кто отъ нея уклоняется, тотъ говоритъ неправду, уклоняется ли онъ на одинъ волосъ или на десять верстъ. Мнимо „свободомыслящіе“ люди точно такъ же упорно противятся истинѣ, какъ и люди воображающіе, будто наука потрясла основы. Тѣ и другіе по своему правы, такъ какъ естественно—научныя знанія разру-

паютъ въ одинаковой степени и либеральную фразу, и старую догму“ (стр. 11-я).

Изъ этихъ словъ видно только, что телеологическій способъ представленія автору этихъ словъ очень не нравится; не столько конечно сама по себѣ телеологическая точка зрѣнія не нравится, сколько по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя тѣсно съ нею связаны—главное же между этими послѣдствіями—ограниченіе компетенціи естествознанія: приверженцы естествознанія желаютъ неограниченнаго господства міровоззрѣнія, свойственнаго этому отдѣлу наукъ. Итакъ телеологическая точка зрѣнія нежелательна, и требуется ее устранить. Но какъ это сдѣлать, коль скоро она составляетъ необходимую для человѣка форму пониманія? Ясно, что вмѣсто дѣйствительнаго устраненія необходимаго принципа цѣлесообразности, неумѣренные приверженцы естествознанія ничего иного не могутъ намъ дать, кромѣ ни къ чему не ведущихъ изворотовъ и напрасныхъ успѣй само по себѣ ясное сдѣлать хотя бы и неяснымъ, но только не похожимъ на то, что есть на самомъ дѣлѣ. Пресловутая борьба за существованіе—необходимое средство къ тому. „Борьба за существованіе приводитъ къ усиленію степени естественныхъ силъ, и имѣетъ значеніе не только для органической природы, но и для общества человѣческаго. Всякая высшая степень есть лишь родъ уплотненія (усложненія) низшей, усиливающегося (т. е., увеличивающегося) въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія. Отсюда истекаетъ законъ тройственнаго согласованія (сочетанія)—въ послѣдовательности, и по іерархическимъ ступенямъ, т. е., во времени, въ пространствѣ и въ интенсивности—законъ, неопровержимо *доказанный* теоріей происхожденія видовъ. Пользуясь этимъ закономъ, можно *доказать*, что каждый человѣкъ, въ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего развитія, проходитъ всѣ эпохи низшаго историческаго развитія, причемъ проявляется и значительное различіе между человѣкомъ и животнымъ, не смотря на все ихъ родство. Дѣйствительно, вся нервная система человѣка, со включеніемъ мозга, гораздо выше и лучше развита, нежели нервная система наиболее высоко развитаго животнаго, и именно это различіе есть результатъ историческаго развитія человѣка... Всѣ высшіе интеллектуаль-

ные и моральные задатки человѣка могутъ быть, до извѣстной степени, разсматриваемы, какъ развитіе силъ, которымъ человѣкъ обязанъ своему соціальному развитію. Но что всѣ эти задатки существовали въ зародышѣ уже въ животномъ, а частью даже развились у животныхъ выше, чѣмъ у человѣка, это *доказывается* безчисленными наблюденіями“ стр. 12. Словомъ, авторъ легко припимаетъ за доказанное то, что онъ желаетъ, чтобы было доказано. Но не это важно. А важно то,—устраняется ли всѣми этими якобы доказанными положеніями телеологическій принципъ? Основаніемъ всѣхъ изложенныхъ сужденій служитъ *доказанная* борьба за существованіе, въ качествѣ такого всеобщаго принципа, которымъ всѣ жизненные явленія должны изъясняться. Поэтому и то, что представляется намъ, какъ *цѣлесообразность*, есть только одно изъ послѣдствій борьбы за существованіе. Идея цѣлесообразности возникаетъ въ нашемъ умѣ, при сравненіи разныхъ степеней *развитія*, ибо высшая степень въ отношеніи къ низшимъ является какъ цѣль, а послѣднія въ отношеніи къ ней получаютъ значеніе необходимыхъ средствъ. Значитъ, вопросъ въ томъ, откуда развитіе? Есць ли развитіе въ самомъ дѣлѣ выраженіе цѣлесообразности, и въ этомъ смыслѣ необходимому закову причинности не подлежитъ? Нѣтъ, необходимая причина развитія заключается въ борьбѣ за существованіе; развитіе есть *необходимое послѣдствіе* (а не намѣренное дѣйствіе свободы) борьбы за существованіе; ибо эта борьба вынуждаетъ всякое живое существо напрягать свои силы, а послѣдствіемъ постоянно дѣятельнаго состоянія силъ является ихъ постепенное усовершеніе, т. е., развитіе. Къ сожалѣнію этимъ разсужденіемъ принципъ цѣлесообразности не устраняется, ибо самый источникъ борьбы за существованіе—побужденіе и стремленіе къ самосохраненію, которое есть цѣль борьбы,—имѣетъ характеръ цѣлесообразности, т. е., означенное побужденіе есть сила, направленная къ извѣстной цѣли и дѣйствующая цѣлесообразно,—причемъ является вопросъ, есть ли эта цѣлесообразно дѣйствующая сила первоначальная и не требующая для себя никакого объясненія, или же она *вложена* въ природу живого существа?—Понятіе развитія оказывается, такимъ образомъ, не вполне удобнымъ.

Нельзя ли устранить и это понятіе? Дѣйствительно, съ точки зрѣнія естествознанія, понятіе это не имѣетъ смысла, поэтому оно излишне, или, по крайней мѣрѣ, должно быть такъ истолковано, чтобы въ немъ ничего не заключалось несогласнаго съ естествознаніемъ, т. е., съ тѣми данными, которыя относятся къ этой области знанія. „Естествоиспытатель, читаемъ далѣе, пользуется болѣе правильнымъ выраженіемъ—*развитіе* (вмѣсто неудобнаго слова—*прогрессъ*), при чемъ оставляетъ открытымъ вопросъ, скрыта ли здѣсь идея лучшаго. Развитие, дѣйствительно, можно себѣ представить точно такъ же въ нисходящемъ, какъ и въ восходящемъ направленіи. Законы измѣненія органическихъ существъ, законы развитія—это не такіе законы, которые естествоиспытатель могъ бы разсматривать, какъ безусловно включающіе въ себѣ понятіе о совершенствованіи. Но такъ какъ не только въ человѣческой жизни, но и въ остальной органической природѣ неоспоримо существуетъ непрерывное измѣненіе во вѣщныхъ проявленіяхъ и такъ какъ въ то же время слѣдуетъ признать, что всѣ эти измѣненія въ совокупности и порознь относятся къ умноженію, къ усложненію, то конечно можно допустить и прогрессъ, разумѣется, въ томъ предположеніи, что въ немъ не слѣдуетъ видѣть ничего, кромѣ *арифметической формулы*, выражающей не болѣе того, что обозначается самимъ словомъ. Прогрессъ означаетъ поступательное движеніе; въ этомъ смыслѣ 2 есть прогрессъ по сравненію съ 1.“—Такъ какъ понятіе развитія заимствовано изъ области явленной нравственно духовной жизни,—по крайней мѣрѣ здѣсь оно имѣетъ свое настоящее значеніе, то чтобы не оставалось относительно этого выраженія никакого сомнѣнія,—отрицается всякое различіе нравственнаго закона отъ законовъ природы... „Законъ моральный также слѣдуетъ признать *настоящимъ* закономъ природы, вызваннымъ принудительною силою обстоятельствъ (обстоятельства создали законъ!) и общественною необходимостію. Законъ этотъ основанъ не на какомъ либо договорѣ, какъ насъ увѣряютъ юристы,—и не на „врожденномъ“ голосѣ совѣсти, давно отнесенномъ къ области сказокъ, но все еще играющемъ роль у моралистовъ. Безъ нравственнаго закона само человѣческое общество стало бы невозможностію.

Безъ нравственности нѣтъ обществѣнности, безъ общества нѣтъ человѣка“. Первую основу доставила семейная жизнь, какую мы видимъ теперь у крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, напр. у гориллы, позднѣе отсюда развилась племенная и государственная жизнь... Быть можетъ, первыя начала человѣческой морали можно разсматривать, какъ простое продолженіе уже развитыхъ у общественныхъ и живущихъ семьями животныхъ моральныхъ склопностей или стремленій, хотя многія, и даже очень многія, животныя въ моральномъ отношеніи очевидно стоятъ далеко выше, чѣмъ дьявольски жестокой противъ себя подобныхъ свирѣпый человѣкъ“. ¹⁾ Последнее замѣчаніе по топу своему не совсѣмъ согласуется съ изложеннымъ взглядомъ на нравственный законъ, какъ законъ природы.

Итакъ, здѣсь мы видимъ примѣръ того, что съ большими ограниченіями и крайне осторожно попыткіе развитія прилагается къ явленіямъ жизни человѣческой. Наоборотъ, у Спенсера исторія мірообразования,—образование планетной системы— а также исторія земли смѣло разсматриваются какъ процессъ развитія. Въ чемъ же дѣло? Очевидно въ томъ, что законъ причинности, который возводится на степень начала безусловнаго, допускаетъ двоякое пониманіе его, то въ смыслѣ *цѣлесообразности*, то въ смыслѣ *механической закономерности*, смотря по тому, прививается ли за основной типъ причиннаго отношенія причинная связь въ области явленій матеріальныхъ, или таковая же связь въ области явленій духовныхъ. Итакъ, повторяемъ, и относительно закона причинности слѣдуетъ признать то же самое, что сказано выше относительно закона сохранения энергіи. И этотъ законъ не объединяетъ противоположности матеріальныхъ и духовныхъ явленій, напротивъ самъ подпадаетъ подъ эту противоположность, и сообразно тому, въ примѣненіи къ дѣлу, т. е., въ употребленіи его, понимается неизбѣжно въ смыслѣ противоположномъ,—то какъ выраженіе цѣлесообразности (законъ развитія), то какъ выраженіе механической закономерности (какъ необходимый законъ природы).

¹⁾ Научное обозрѣніе 1897 г. № 7-й іюль. Прилож. Исторія культуры Гельвальда стр. 10—26.

Возвратимся теперь къ тому, что выражено въ началѣ нашего разсужденія. Есть двоякая истина: *абсолютная* и *относительная*. Говорятъ, что для науки абсолютной истины не существуетъ, а есть только истина относительная ¹⁾. Абсолютное, по Спенсеру, для насъ непознаваемо, а потому только относительное, условное составляетъ единственно возможный и существующій для науки предметъ изслѣдованія. Но изложенное доселѣ изслѣдованіе приводитъ къ тому заключенію, что и наука не свободна отъ стремленія установить для себя нѣкоторое всеобщее и безусловное начало, которымъ она могла бы пользоваться какъ послѣднимъ основаніемъ для пзясненія изслѣдуемыхъ ею явленій. Такъ какъ задача науки полагается въ познаніи и опредѣленіи законовъ дѣйствительности, то въ связи съ этимъ мы видимъ попытки къ установленію и опредѣленію всеобщаго и основнаго закона, и такой законъ, если бы былъ найденъ, очевидно слѣдовало бы признать безусловнымъ и высшимъ началомъ изслѣдуемыхъ наукою явленій дѣйстви-

1) Въ статьѣ: Черное начало теоретической философіи г. Влад. Соловьева (Вопросы филос. и псих. 1897 г. ноябрь—декабрь) различается абсолютная и относительная достовѣрность. Частныя знанія довольствуются достовѣрностію относительною; философія же ищетъ достовѣрности безусловной, для чего требуется исполнѣн добросовѣстное мышленіе. Авторъ не разъясняетъ, въ чемъ состоитъ и на чемъ основывается такая безусловная достовѣрность, искомая философіей. По видимому основу и критерій такой достовѣрности онъ полагаетъ въ самомъ мышленіи: мышленіе само себя удостоверяетъ, но только мышленіе исполнѣн добросовѣстное. Слѣдовательно, авторъ понимаетъ абсолютную достовѣрность, какъ логическую принудительность, не допускающую сомнѣнія и отрицанія. Такая достовѣрность, какъ извѣстно, свойственна познанію математическому, т. е., познанію, имѣющему чисто формальный характеръ. Философія же не можетъ довольствоваться однимъ формальнымъ познаніемъ. Есть очевидная неясность въ томъ, какъ понимается абсолютная достовѣрность, искомая философіей. Неясность эта заключается въ слѣдующемъ. То признается условіемъ абсолютной достовѣрности добросовѣтность мышленія, слѣдовательно подчиненность мышленія нравственному требованію, то единственнымъ мотивомъ философскаго мышленія признается лишь стремленіе къ истинѣ, къ чему бы такое стремленіе ни привело. Двойственность эта устранится утвержденіемъ тождества теоретическаго интереса съ нравственнымъ. Тождество это яснѣе опредѣляется, какъ любовь къ истинѣ, чуждая всякаго постороннихъ мотивовъ. Но дѣло въ томъ, что пониманіе истины можетъ быть различно до противоположности. Открытое и сильное изображеніе какого либо безобразнаго факта во всей его наготѣ и совѣсно возмущающимъ душу подробностями тоже можетъ быть сочтено за добросовѣстную любовь къ истинѣ. Какъ разграничить свойственную истинной философіи любовь къ истинѣ отъ цѣ-

тельности. Но такого закона, какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ нѣтъ, да и быть не можетъ. Вѣдь по общепринятому понятію закономъ природы называется отношеніе явленій между собою. Понятно, что отношеніе между явленіями должно опредѣляться свойствами самихъ явленій: каковъ отличительный характеръ явленій, таково же должно быть и отношеніе между явленіями. Всѣ явленія дѣйствительности распадутся на два разряда, совершенно не сводимыя другъ къ другу; именно—на явленія матеріальныя или тѣлесныя, и явленія духовныя. Поэтому и всякій предположенный общій законъ дѣйствительности необходимо долженъ оказаться особеннымъ закономъ либо явленій тѣлесныхъ, либо явленій духовныхъ. Если бы даже былъ законъ дѣйствительно всеобщій, который простирался бы какъ на явленія матеріальныя, такъ и на явленія духовныя, то и этотъ законъ не могъ бы имѣть значенія начала безусловнаго, и слѣд. не удовлетворялъ бы естественному стрем-

пизма и пахающего безстыдства? Безусловная достовѣрность въ логическомъ смыслѣ, т. е., такая, которая исключала бы всякую возможность сомнѣнія и отрицанія, слѣдовательно возможность утверждать противоположное, для философскаго познанія ведоштва, иначе такое познаніе давно уже сдѣлалось бы столь же незмыслимымъ, какъ и математическое. Не даромъ нѣмецкій философъ Фихте Старшій признавалъ философское познаніе зависящимъ отъ свободной (т. е., доброй) воли челоѣка. Несовершенство философскаго познанія въ формально-логическомъ отношеніи, восполняется совершенствомъ его въ другомъ отношеніи,—болѣе цѣннымъ, именно значимостію его въ нравственномъ смыслѣ, т. е., удовлетворительностію его для духа, слѣдовательно и для мышленія, — какъ *дѣятельности духовной*, т. е., насколько оно проникнуто духовными стремленіями. Отсюда-то и вытекаетъ требованіе добросовѣстности, — очевидно, требованіе нравственнаго характера, которое странно было бы предъявлять напр. математику. Любовь къ истинѣ—вотъ движущее начало философіи, а возможно ли любить истину, которая была бы противной мыслящему духу? Предположимъ, что матеріализмъ оказался бы вполне истинной системой. Тогда и добросовѣстность мышленія и любовь къ истинѣ были бы требованіями лишними смысла, ибо такая истина не удовлетворяла бы челоѣческой душѣ, не могла бы возвысить его достоинства и сдѣлаться для него достояющею. Матеріалисты не могутъ любить своей системы; они могутъ выходить ее выгодной и только. Итакъ, если философіи нѣтъ безусловной достовѣрности, то подъ такую достовѣрностію должно разумѣть не только логическую принудительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную значимость того, что признается таковымъ,—т. е., соотвѣтствіе *коректнымъ требованіямъ духа*. Довѣрною для мыслящаго духа бытіе самаго этого духа, а такъ какъ онъ сознаетъ себя ограниченнымъ и зависящимъ, то корень такой достовѣрности можетъ заключаться лишь въ отношеніи духа конечнаго къ Безконечному.

ленію, котораго не чужда и наука,—къ отыскавію начала безусловнаго. Начало безусловное должно быть вполнѣ самостоятельнымъ, самосущимъ, ни отъ чего независимымъ, а законъ, хотя бы основной и всеобщій, столько же зависимъ отъ явленій, чрезъ которыя онъ осуществляется, приводится въ дѣйствіе, сколько и явленія отъ него зависимы; будучи отношеніемъ между явленіями, законъ неотдѣлимъ отъ нихъ, слѣдовательно столько же обусловливается ими въ своемъ существованіи, сколько и они зависимы отъ него. Посему не самый законъ, а то, чему законъ присущъ, какъ необходимое его свойство, или чѣмъ законъ производится, какъ образъ дѣйствія необходимой его причины,—вотъ это начало только и возможно признать абсолютнымъ, безусловно независимымъ и самобытнымъ. По различному характеру явленій такое начало есть либо *матерія*, либо *духъ*. Признаніе матеріи началомъ абсолютнымъ (сущностью явленій) составляетъ основное положеніе матеріализма. Но матеріализмъ признается теперь несостоятельнымъ даже тамъ, гдѣ это направленіе имѣло наибольшій успѣхъ, и откуда оно всегда заимствовало главныя свои основанія, именно—въ естествознаніи. Дѣйствительно, въ самомъ понятіи о матеріи, какъ абсолютномъ началѣ, заключается внутреннее противорѣчіе. Абсолютное начало, какъ основа всякаго бытія, должно быть всецѣло *положительнымъ*. А матерія характеризуется признаками *отрицательными*: матеріи свойственна, такъ же какъ пространству и времени,—этимъ необходимымъ условіямъ или формамъ матеріальнаго бытія, *отрицательная безконечность*, состоящая въ отсутствіи послѣдняго, дѣйствительнаго предѣла какъ въ направленіи синтетическомъ (въ процессѣ увеличенія и умноженія), такъ и въ направленіи аналитическомъ (въ процессѣ уменьшенія и дѣленія). Итакъ матерія—начало въ сущности отрицательное. Она понимается и необходимо мыслится нами не сама по себѣ, а лишь въ отношеніи къ духу, какъ начало ограничивающее духъ и вмѣстѣ служащее средствомъ къ развитію свойственной ему дѣйствительности. Слѣдовательно, положительнымъ началомъ бытія необходимо признать вмѣстѣ съ спиритуалистами не матерію, а *духъ*. Однакожь духъ ограниченный, для котораго, хотя и от-

рицательнымъ, условіемъ бытія служить матерія, также нельзя признать началомъ абсолютнымъ. Абсолютное начало есть не только положительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *безусловно свободное* и независимое, слѣдовательно *неограниченное*. Ограниченному духу недостаетъ слѣдовательно свободы отъ всякаго ограниченія, именно свободы и полнаго господства по отношенію къ бытію матеріальному. Конечный духъ только стремится къ такому господству и къ совершенной свободѣ. Но такъ какъ такое стремленіе для конечнаго духа во всей полнотѣ неосуществимо, то стремленіе это было бы совершенно непонятнымъ и совершенно пустымъ, празднымъ, если бы неограниченный, абсолютный духъ не существовалъ въ дѣйствительности. Отрицающіе бытіе такого Духа въ самомъ дѣлѣ считаютъ стремленіе, свойственное конечному духу, къ совершенной свободѣ и господству надъ матеріальнымъ бытіемъ — пустымъ, ничтожнымъ и ни къ чему не ведущимъ. А между тѣмъ въ этомъ стремленіи несомнѣнно заключается источникъ всѣхъ совершенствъ, украшающихъ духъ человѣка, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія человѣческаго развитія, такъ какъ, не будь названнаго стремленія, не существовало бы и самой науки; посему отрицаніе бытія абсолютнаго духа послѣдовательно и неминуемо ведетъ къ отрицанію всѣхъ высшихъ проявленій и свойствъ человѣческаго духа. Такъ тѣсно связано бытіе ограниченнаго человѣческаго духа съ вѣрою въ бытіе Духа неограниченнаго, безконечнаго, всемогущаго. Вѣра въ бытіе Духа безусловнаго обращаетъ свойственное человѣческому духу неопредѣленное влеченіе къ совершенной свободѣ и господству надъ матеріальнымъ бытіемъ въ точно опредѣленное стремленіе къ общенію и единенію съ Духомъ безконечнымъ и всесовершеннымъ!

Первое общеніе человѣка съ Богомъ есть естественное слѣдствіе *творенія*. Человѣкъ, какъ созданіе Божіе, конечно долженъ имѣть влеченіе къ своему Творцу (какъ подобіе къ своему первообразу). Но онъ самъ разрушилъ это свое естественное общеніе съ Богомъ (первородный грѣхъ). Второе общеніе человѣка съ Богомъ установлено чрезъ *искупленіе*; въ сущности оно есть возстановленіе перваго и потому называется вторымъ твореніемъ. Это вторичное (благодатное) общеніе чело-

вѣка съ Богомъ производится чрезъ вѣру, при посредствѣ церкви,—хранительницы благодатныхъ даровъ, учительницы и руководительницы въ дѣлѣ душевнаго спасенія человѣка. Таково въ сущности христіанское ученіе объ отношеніи человѣка, какъ существа ковечнаго, къ Абсолютному духу. Отношеніе это представляется въ этомъ ученіи, какъ завсимбе отъ свободной воли человѣка, слѣдовательно какъ дѣло душевное, или иначе, духовное, ибо свободная воля—принадлежность души. Отсюда ясно, что, по христіанскому ученію, необходимымъ условіемъ развитія въ человѣкѣ духовной жизни служитъ увѣренность въ бытіи Высочайшаго всесовершеннаго Духа и связанное съ этою вѣрою стремленіе къ непрерывному общенію съ этимъ Духомъ. Въ общеніи этомъ заключается корень и сущность духовно-правственной жизни человѣка, слѣдовательно всѣхъ возможныхъ для человѣка—правственныхъ совершенствъ. Такъ какъ любовь къ истинѣ и стремленіе къ возможному для человѣка постиженію ея принадлежитъ къ числу этихъ совершенствъ, а безъ любви къ истинѣ невозможно дѣйствительное развитіе научнаго дѣла, то очевидно, что и для науки, для достиженія ею возможнаго для нея совершенства, необходима вѣра въ бытіе абсолютнаго Духа. Какъ же теперь объяснить то, что наука является иногда разрушительною силою для вѣры? Въ предъидущемъ мы имѣемъ уже нѣкоторое немаловажное основаніе для изъясненія этого явленія. Церковь, какъ руководительница въ дѣлѣ спасенія, сообщаетъ вѣрующимъ и необходимыя для этого дѣла истины. Но при усвоеніи этихъ истинъ, сверхъ того, что полагается въ душѣ человѣка прочное основаніе для развитія духовной жизни, возбуждается еще естественная любознательность, умственная пылкость, которая свойственную человѣку потребность познанія мало по малу обращаетъ въ спеціальную и самостоятельную отрасль человѣческой дѣятельности, выходящую уже далеко за предѣлы первичныхъ, такъ называемыхъ элементарныхъ, т. е., коренныхъ истинъ, составляющихъ необходимыя основанія правственной духовной жизни. Задача церкви въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы, предоставивъ человѣческую любознательность ея свободному и вполне естественному развитію, заботиться

лишь о неизмѣнномъ сохраненіи необходимой для духовной жизни связи между любознательностію во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ и развѣтвленіяхъ и тѣми корепными истинами, выражающими необходимыя условія духовной жизни; необходимо заботиться о томъ, чтобы эта связь любознательности съ корепными началами духовной жизни была не виѣшною, механическою, призрачною, а живою, дѣятельною, органическою. Въмѣсто этого, католичество взяло на себя опеку надъ наукою (какъ и надъ государствомъ,—что было естественнымъ послѣдствіемъ присвоенія главою этой церкви свѣтской власти), лишивъ, такимъ образомъ, науку необходимой для нея свободы изслѣдованія. Вотъ главная причина враждебнаго отношенія между вѣрою и наукою.

Признается, что въ самой наукѣ, именно въ открытіяхъ новаго времени, и въ міровоззрѣніи, основанномъ на этихъ открытіяхъ, заключается важнѣйшая причина раздѣленія, существующаго теперь между наукою и вѣрою, и какъ это причина не временная, то представляется напраснымъ трудомъ пытаться возстановить навсегда будто бы разрушенный союзъ между ними, т. е., между вѣрою и разумомъ, или точнѣе—наукою. Важнѣйшее изъ открытій новаго времени, какъ извѣстно, есть геліоцентрическая система Коперника, измѣнившая міровоззрѣніе въ самомъ его основаніи. Въ міросозерцаніи прежняго времени важное значеніе имѣла противоположность неба и земли. Сколько догматовъ имѣютъ связь съ этою противоположностію (напр. сказаніе кн. Бытія о міротвореніи, вознесеніе Спасителя, о страпвомъ судѣ, представленія о раѣ и адѣ). Съ точки зрѣнія новаго міросозерцанія противоположность эта есть кажущаяся, а не дѣйствительная. Поэтому и всѣ представленія, связанныя съ означенною противоположностію, должны быть признаны не реальными, а призрачными, фантастическими. Дѣло богословія разъяснить, что а) догматическія истины имѣютъ смыслъ и значеніе, независимыя отъ представленія противоположности неба и земли (напр. хотя въ Молитвѣ Господней говорится объ Отцѣ *небесномъ*, однако вмѣстѣ съ тѣмъ церковь всегда учила о *вездѣприсутствіи* Божіемъ), и б) что никогда не было цѣлю откровенія сообщать человѣку вѣрныя астрономическія

представленія, — это есть дѣло науки, а не религіи, — что поэтому въ словѣ Божіемъ все говорится не иначе, какъ приблизительно къ обычнымъ для человѣка представленіямъ о мірѣ, какъ и теперь мы продолжаемъ выражаться согласно съ кажущимся, а не съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Для насъ же важно разсмотрѣть вопросъ о безконечномъ, какъ имѣющей тѣсную связь съ новымъ научнымъ міросозерцаніемъ. Въ древности никто не сомнѣвался въ томъ, что міръ имѣетъ *ограниченный* объемъ; представляли міръ обыкновенно *шаровиднымъ*: неограниченность, безконечность казалась признакомъ несовершенства, беспорядочности, неопредѣленности, безформенности. Поэтому неограниченное, безконечное признавалось существующимъ не само по себѣ, а только въ подчиненіи началу ограничивающему; само же по себѣ неограниченное признавалось не дѣйствительнымъ, а только *возможнымъ*: въ смыслѣ а) необходимаго средства или орудія къ осуществленію всего *дѣйствительнаго* (матеріаль) и б) въ смыслѣ отвлеченнаго понятія, имѣющаго мѣсто только въ сознаніи мыслящаго это понятіе, а не внѣ его. Что касается матеріи въ чистомъ видѣ, то еще въ древности одни признавали ея существованіе въ видѣ хаоса, первобытнаго смѣшенія элементовъ, другіе напротивъ отрицали; наприм. Платонъ говоритъ, что Деміургъ, при созданіи міра, употребилъ въ дѣло всю безъ остатка матерію; т. е., безформенной матеріи, неорганизованной по Платону не существуетъ теперь, какъ это явнѣе выражено Аристотелемъ. Новая наука повидимому фактически убѣдилась въ существованіи первобытной матеріи (туманные пятна), и такимъ образомъ то, что было лишь философскимъ предположеніемъ, оказалось опытною (т. е., удостовѣряемою чрезъ опытъ) дѣйствительностію. Не только слѣдовательно уже сформировавшіяся вещи, но и бытіе безформенное, состоящее въ процессѣ образованія, мы должны признать теперь дѣйствительностію. Господствующее теперь воззрѣніе (эволюціонизмъ) даже на всю дѣйствительность смотритъ, какъ на процессъ. Понимаемая такъ дѣйствительность, именно какъ непрерывный процессъ, очевидно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ древности (Аристотель) признавалось бытіемъ *въ возможности*,

только мыслимымъ въ отвлеченіи (т. е., существующимъ только въ сознаніи мыслящаго) понятіемъ о матеріи. Поэтому понятію матерія есть начало неограниченное, ибо подлежитъ (мыслявому) неограниченному уменьшенію (безконечная дѣлимость) и увеличенію. Теперь-же это понятіе о матеріи прилагается вообще къ дѣйствительности, къ міру. Міръ признается неограниченнымъ и *по времени*, т. е., не имѣющимъ пачала и конца въ продолженіи, и *по пространству*, т. е., не имѣющимъ ни объема, ни центра. Такимъ образомъ то, что въ древности признавалось только *мыслимымъ*, теперь признается дѣйствительностию, иначе говоря, существуетъ увѣренность, что понятіе, которое для древнихъ было не болѣе какъ гипотетическимъ, постулатомъ, теперь получило фактическое подтвержденіе: и въ направленіи аналитическомъ, и въ направленіи синтетическомъ новая наука раздвинула поле наблюденія до предѣловъ превосходящихъ самое смѣлое воображеніе. И однако можно спросить: въ состояніи ли современная наука серьезно утверждать безконечность міра по пространству и по времени? Но вѣдь это значило бы допустить нѣчто невысказанное, просто нелѣпое. Пространство и время вообще признаются необходимыми условіями или формами представляемости вещей; ничего мы не можемъ представить иначе, какъ въ формахъ или условіяхъ пространства и времени. Пусть же кто нибудь попытается ясно представить неограниченное пространство, или время, т. е., такое пространство и такое время, котораго была бы дана одна только *средина* безъ начала и безъ конца. Итакъ, допустивъ неограниченность міра по пространству и времени, мы должны утверждать, что хотя пространство и время—необходимыя формы представляемости вещей, сами однако ни какимъ образомъ не могутъ быть представлены во всей полнотѣ. А это значитъ утверждать бытіе такой чувственной матеріальной дѣйствительности, которой нельзя никакъ представить. Ясно, что такое утвержденіе невозможно. Сверхъ того матеріальная дѣйствительность есть необходимо величина, подлежащая исчисленію, т. е., должна быть доступна выраженію въ числахъ. Существованіе міра, неограниченнаго означало бы, что существуетъ въ дѣйствительности *безконечное* число; но такое число

очевидно не мыслимо, ибо это было бы такое число, къ которому нельзя прибавить единицы, и которое не можетъ быть помножено само на себя, вообще исключаетъ возможность увеличенія его, что противорѣчитъ самому понятію о числѣ. Вотъ почему едва ли не самое распространенное теперь мнѣніе о пространствѣ и времени есть то, что это *не дѣйствительно существующія свойства или отношенія вещей, а только субъективныя формы представленія вещей*, существующія лишь въ нашемъ духѣ, или иначе, въ сознаніи нашемъ. Въ такомъ случаѣ и безконечность міра, утверждаемая современной наукой, перестаетъ быть дѣйствительнымъ свойствомъ міра, какое и не можетъ быть представлено, а обращается въ проблематическое понятіе, чѣмъ и призывали его древніе философы. Но если допустить субъективность пространства и времени, то какой будетъ имѣть тогда смыслъ религіозная истина о сотвореніи міра? Разумѣется аргументы, приводимые обыкновенно для доказательства субъективности пространства и времени, для этой цѣли недостаточны, но вполне достаточны для убѣжденія въ томъ, что міръ не можетъ быть неограниченнымъ ни по пространству, ни по времени ¹⁾. Съ другой стороны, если

¹⁾ Допустимъ, что міръ ограниченъ. Этимъ, скажутъ, еще не устранится крайняя трудность соглашенія современныхъ научныхъ представленій о мірѣ съ ученіемъ вѣры. Объемъ вселенной несомнѣнно такъ необъятно великъ, что земля оказывается слишкомъ ничтожною величиной для того, чтобы признавать ее мѣстомъ преимущественнаго раскрытія промыслительной дѣятельности Божества въ исторіи человѣчества. Исторія эта даже въ сравненіи съ исторіей самой земля представляется слишкомъ малою и незначительной. Но понятію о величинѣ в малости—чисто количественныя не применимы къ области духовнаго развитія. Ибо конечно человѣчество даже на землѣ занимаетъ considerable часть, и однако наиболѣе интересной во всей исторіи земля представляется исторіи человѣчества. Въ самой исторіи человѣчества важнѣйшее по своему значенію духовное развитіе сосредоточивается тоже на немногихъ и незначительныхъ по величинѣ пунктахъ. Древняя Греція, сравнительно съ восточными монархіями и современнымъ Китаемъ, ничтожна по величинѣ, и однако значеніе ея, а равно значенію, также незначительнаго по объему, древняго Израиля безконечно превосходитъ значеніе иныхъ народовъ. Даже въ отношеніи нашей солнечной системы не добыто еще досовѣстныхъ фактовъ, которые бы удостовѣрили населенность этихъ ближайшихъ къ намъ міровъ, а о болѣе отдаленныхъ и говорить нечего. Посему обо всемъ этомъ возможны только произвольныя гипотезы, которыя сами по себѣ ничего не могутъ ни доказывать, ни опровергать. Естественная утѣренность въ населенности другихъ, отда-

легко многими допускается и признается мнѣніе о субъективности пространства и времени, то это изъясняется тѣмъ, что въ названномъ мнѣніи косвенно выражается нѣкоторая несомнѣнная истина. Это та истина, которая утверждается спиритуализмомъ, что настоящая дѣйствительность, истинное бытіе заключается въ духѣ и есть духъ,—какъ противоположность матеріи. Дѣйствительно, идея безконечности, которая вовсе не есть выводъ новой науки, какъ можно подумать, ибо не чужда была и древнимъ, а только неправильно примѣняется къ міру матеріальному,—получаетъ свой настоящій смыслъ, свое подлинное, именно положительное, а не отрицательное, значеніе только на почвѣ духа. Въ духовномъ смыслѣ безконечное есть *абсолютно совершенное*. И въ этомъ смыслѣ идея безконечности для древности была понятіемъ проблематическимъ, ибо объектъ этого понятія не былъ данъ въ дѣйствительности, а былъ только искомымъ,—*идеаломъ*. Всѣ философскія школы въ древности стремились выработать идеалъ совершеннаго мудреца, подобно тому какъ древній Израиль, въ лицѣ лучшихъ его представителей, жилъ вѣрою въ совершеннаго пророка. Чаяніе языковъ стало въ христіанствѣ воплощенною мудростію, сдѣлалось дѣйствительностію. Вотъ истинно фактическое и безспорное утвержденіе того, что было только предъугадываемо и было только мыслимо для древнихъ, именно фактическое утвержденіе идеи безконечнаго, въ сея истинномъ,—положительномъ, а не отрицательномъ значеніи. Со времени христіанства міръ уже не ищетъ болѣе идеала совершенной мудрости и совершеннаго блага, ибо этотъ идеалъ уже данъ, а потому и задача историческаго развитія теперь заключается въ томъ, чтобы черты этого идеала осуществить въ жизни въ самомъ широкомъ объемѣ. Задача въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь истинно христіанскою, наиболѣе уподобить ее своему первообразу. Конечно, насколько въ первомъ выше указанномъ смыслѣ идея безконечнаго охотно признается въ наше время, настолько въ этомъ послѣднемъ,

денныхъ отъ насъ, міровъ внушается не какими либо фактическими данными, а *идеей целесообразности*, необходимо присущей нашему уму: мы не можемъ допустить безцѣльнаго и бессмысленнаго существованія столь необъятныхъ матеріальныхъ массъ.

важнѣйшемъ своемъ значеніи, подвергается всеякимъ сомнѣніямъ и отрицаніямъ. Доходитъ дѣло до совершеннаго отрицанія всякой нравственности (Ницше). Иначе и быть не можетъ. Ибо чѣмъ выше и чище нравственный идеаль христіанства, тѣмъ болѣе должно встрѣчаться сопротивленіе ему на пути къ осуществленію заключающихся въ немъ требованій. Когда говорятъ о несообразности христіанскаго идеала съ требованіями и условіями современной жизни, въ которой главное значеніе имѣетъ промышленный, вообще культурный прогрессъ, отрицаемый будто бы христіанствомъ въ самомъ основаніи своемъ, то на самомъ дѣлѣ подобными разсужденіями только прикрывается другая, болѣе важная сторона въ разладѣ современнаго строя жизни съ требованіями христіанства, и тѣмъ имѣется въ виду какъ бы затушевать и нѣсколько извинить эту сторону, которая тѣмъ не менѣе сильно чувствуется и уязвляетъ больную совѣсть современнаго челоуѣчества. Христіанство прославляетъ прямодушіе и чистосердечіе; оно отрицаетъ фарисейство, словомъ душевное дѣло христіанство ставитъ выше всего. Теперь же именно душевнымъ дѣломъ наиболѣе пренебрегаютъ; фарисейство вездѣ господствуетъ. Прямота и чистосердечіе, любовь къ правдѣ и неуклонная ей вѣрность—качества крайне неудобныя въ жизни; при такихъ качествахъ легко нажить враговъ и пришлось бы обречь себя на самопожертвованіе. Самопожертвованіе прекрасно и величественно въ какомъ либо значительномъ и важномъ дѣлѣ; но самопожертвованіе въ мелочахъ уподобляетъ челоуѣка Донъ-Кихоту, дѣлаетъ его смѣшнымъ; а какъ на зло жизнь сплошь слагается изъ мелочей, и вотъ какимъ образомъ челоуѣкъ все болѣе втягивается въ тину житейскихъ мелочей и поплостей, и самъ наконецъ становится мелкимъ и ничтожнымъ. Нужно какъ нибудь это свое ничтожество оправдать въ своихъ глазахъ; вотъ для этой цѣли и годятся слова о прогрессѣ, цивилизаціи, культурѣ и под. Чѣмъ грандіознѣе успѣхи и предпріятія культурныя, тѣмъ мельче и пустѣе становятся люди. Это свойство современной жизни съ особенною яркостію освѣтилъ и выразилъ извѣстный писатель *К. Н. Леонтьевъ*. Выше замѣчено, что и вовсе даже отрицаются нравственныя понятія. Однако истиною подкладкою

подобнаго рода отрицаній, какъ и вообще пессимизма нашего времени, служитъ понятное недовольство пошлостью, мелочностью и пустотою жизни нашего времени. Преобладающее вліяніе естественныхъ наукъ въ связи съ меркантильнымъ духомъ вѣка являются источниками господствующаго нынѣ повсюду стремленія къ единообразію, обезличенію и уравниенію. Въ природѣ вездѣ важнѣйшее значеніе имѣютъ массы, а потому, имѣя постоянно дѣло съ природою, привыкаютъ къ тому, что индивидуальность сама по себѣ не берется во вниманіе, пренебрегается. Основанный на этомъ статистическій методъ примѣняется теперь въ широкихъ размѣрахъ и къ обществамъ человѣческимъ, гдѣ также, съ точки зрѣнія этого метода, отдѣльная личность ничто, а масса составляетъ все; но для этого требуется и здѣсь такое же единообразіе, какое господствуетъ въ природѣ. Установленіе такого единообразія повсюду и во всемъ, если не полное исключеніе, то доведеніе до минимума личнаго почина, всякаго рода индивидуальной оригинальности, таковъ идеалъ нашего времени. Все, что не относится къ элементарнымъ потребностямъ жизни, именно къ матеріальной сторонѣ ея, считается теперь многими чѣмъ-то искусственнымъ, излишнимъ и ненужнымъ. По крайней мѣрѣ къ такимъ выводамъ, повинуюсь духу времени, приходятъ нѣкоторые наши отечественные философы. Такъ гр. Толстой, отвергнувъ науку, теперь отрицаетъ даже искусство, ибо ни наука, ни искусство не имѣютъ значенія для простаго рабочаго человѣка, составляютъ для него излишнюю роскошь, а такой человѣкъ графу Толстому представляется вполне нормальнымъ, такъ что идеальное общество ему представляется въ видѣ безразличной, безцвѣтной и единообразной массы рабочихъ людей. Повидимому совершенно въ иномъ духѣ разсуждаетъ г. Владиміръ Соловьевъ; однако и ему предносится тотъ же идеалъ безличія и единообразія, ибо повидимому такое именно состояніе общества разумѣется у него подъ именемъ *организованнаго добра*.

Все изложенное доселѣ даетъ намъ право утверждать, что существуетъ тѣсная и необходимая связь между наукою и религіозною вѣрой. Связь эта заключается въ общемъ для той и другой понятіи объ абсолютномъ Духѣ. Для религіи абсолютный Духъ есть предметъ живой и дѣятельной вѣры. Для

науки бытіе этого Духа есть такое необходимое предположеніе, которое очевидно лежитъ въ основаніи ея усилій свести всѣ частныя познанія къ нѣкоторому всеобъемлющему основному началу. Предположеніе это для науки составляетъ скрытый, часто ложно ею понимаемый, но постоянно дѣятельный и необходимый мотивъ всѣхъ высшихъ ея изысканій. Поэтому намѣренное и упорное отрицаніе бытія безконечнаго Духа, въ видахъ устранить всякую связь и общеніе науки съ религіозною вѣрою, надо признать вреднымъ для самой науки. Конечно идея абсолютнаго Духа не можетъ служить принципомъ изясненія изслѣдуемыхъ наукою предметовъ; по всей справедливости наука должна ограничиваться такъ называемыми вторичными причинами въ своихъ теоріяхъ и гипотезахъ, но этимъ нисколько не исключается, а напротивъ даже предполагается необходимость для науки означенной идеи въ качествѣ субъективнаго мотива ея изысканій.

II. Личности.

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭВОЛЮЦИИ.

(Продолженіе *).

Г Л А В А XII.

**Віологическій детерминизмъ въ отношеніи къ Дарвинизму
(продолженіе).**

Врожденная тенденція къ прогрессионному развитію.—Еще большую важность, нежели вопросъ объ измѣчивости, имѣетъ вопросъ о томъ, существуетъ ли въ организмахъ врожденная склонность къ развитію, какъ утверждали Нэгели, Кёлликеръ, Мивартъ и другіе,—къ развитію, которое могло-бы совершаться до нѣкоторой степени помимо естественнаго отбора. Другими словами, существуютъ-ли въ дѣйствительности положительныя причины развитія, вытекающія не изъ принципа полезности и приспособленія, а изъ внутренняго расположенія самаго организма?

Теорія врожденной тенденціи къ развитію встрѣчаетъ сильныя возраженія. Между прочимъ, ее отвергаетъ проф. Вейсманъ, по мнѣнію котораго всѣ факты, приводимые въ ея пользу, могутъ быть удовлетворительно объяснены принципомъ естественнаго отбора. Но эта теорія имѣетъ и убѣжденныхъ защитниковъ. Таковъ напримѣръ Ланге.

Ланге, не смотря на то, что онъ горячій сторонникъ дарвинизма, полагаетъ, что ученіе о естественной тенденціи къ прогрессионному развитію имѣетъ реальное основаніе, и считаетъ эту тенденцію одной изъ причинъ эволюціи. Въ пользу такого взгляда онъ приводитъ нѣсколько фактовъ и соображеній. Такъ напримѣръ онъ указываетъ на случай превращенія

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 5.

жабернаго аксолота въ форму саламандры безъ жаберъ, а также на тотъ фактъ, что одинъ видъ лягушки еще въ яйцѣ переживаетъ стадію головастика и выходитъ изъ яйца уже готовою лягушкой. „Во всѣхъ такихъ случаяхъ,—говоритъ Ланге,—очевидно взаимодействіе внутреннихъ образующихъ причинъ съ условіями существованія. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ естественный отборъ играетъ рѣшительную роль; но въ превращеніи аксолота, который вдругъ измѣняется изъ водянаго животнаго въ дышащее воздухомъ, не можетъ быть и рѣчи о естественномъ отборѣ или о борьбѣ за существованіе. Съ точки зрѣнія односторонняго дарвинизма дѣло можно объяснить только подводя все превращеніе подъ понятіе измѣненія и, можетъ быть, считая переселеніе въ иной климатъ поводомъ къ измѣненію. Въ дикомъ состояніи новая форма должна была-бы вынести борьбу за существованіе и укрѣпиться посредствомъ расщепленія, прежде чѣмъ закончился бы процессъ образованія вида. Но легко видѣть, что такое расширеніе понятія измѣненія въ сущности заключаетъ въ себѣ все, чего только могутъ пожелать защитники закона развитія. потому что никто не повѣритъ, что такое измѣненіе—вещь случайная, и что вмѣсто него могло-бы точно такъ-же произойти какое угодно другое; напротивъ мы видимъ, что здѣсь произошло движеніе какъ-бы по заранѣе намѣченному пути“¹⁾.

Затѣмъ Ланге пытается составить себѣ представленіе о тѣхъ естественныхъ причинахъ, которыя можно было бы предположить въ основѣ этого закона прогрессивнаго развитія. Онъ думаетъ, что ихъ можно найти въ углеродной теоріи „квантивалентности“ атомовъ. „Если мы,—говоритъ онъ,—разсмотримъ нѣсколько ближе химію углеродистыхъ соединеній, то мы найдемъ, что для образованія органическихъ кислотъ теперь уже существуетъ полная теорія, которую мы очень хорошо можемъ сравнить съ закономъ развитія. „Планъ“ всего этого развитія предвѣщанъ въ ученіи о „квантивалентности“ атомовъ, и такъ какъ по опредѣленному принципу субституціи всякая данная органическая кислота можетъ быть какъ-бы развита

¹⁾ *History of Materialism*, III, 55.

въ другую, то мы имѣемъ предъ собой простирающуюся, по-видимому, до безконечности возможность все болѣе и болѣе сложныхъ и разнообразныхъ образованій, которыя, не смотря на ихъ огромное количество, слѣдуютъ только узкому и строго предписанному пути. Что можетъ или не можетъ возникнуть, опредѣлено папередъ извѣстными гипотетическими свойствами молекулъ“¹⁾.

Далѣе опъ указываетъ на связь между веществомъ и формой. Въ кристаллахъ, напримѣръ, существуетъ связь между формой кристала и составомъ кристаллизованнаго вещества. Подобная же связь можетъ существовать между веществомъ и формой въ организмахъ. Но все это предполагаетъ, конечно, особенныя свойства молекулъ. Въ этой связи между формой и веществомъ, говоритъ Ланге, мы имѣемъ передъ собою законъ развитія организмовъ въ самой осязательной формѣ, какъ законъ замѣщенія углеродистыхъ соединеній.

Законъ развитія даетъ *возможныя* формы, естественный отборъ выбираетъ изъ огромнаго количества ихъ *дѣйствительныя*; но послѣдній не можетъ произвести ничего, что не содержится въ планѣ организмовъ и простой принципъ полезности ставовится безсильнымъ, если отъ него потребовать такой модификаціи животнаго, которая противна закону развитія.

Эта углеродная теорія Ланге кажется намъ по причинамъ, которыя будутъ рассмотрѣны ниже, неудовлетворительной въ цѣляхъ объясненія процесса природы.

Факторы Спенсера. Что эволюція можетъ происходить безъ естественнаго отбора, это, по-видимому, должно слѣдовать изъ хорошо извѣстнаго фізіологическаго закона, по которому органъ развивается и укрѣпляется вслѣдствіе употребленія, и наоборотъ ослабѣваетъ и разрушается при бездѣйствіи. Вліяніе употребленія и неупотребленія органовъ, какъ факторовъ въ модификаціи видовъ, призывалось самимъ Дарвиномъ и находитъ себѣ сильнаго защитника въ лицѣ Спенсера. Спенсеръ²⁾ доказываетъ, что уменьшеніе челюстей у цивилизованныхъ человѣческихъ расъ, а также у домашнихъ животныхъ,

¹⁾ *History of Materialism*, III, 56.

²⁾ *Nineteenth Century*, April. 1886.

какъ на примѣръ у комнатныхъ собакъ, которыхъ кормятъ тонкою пищей, ослабленіе зрѣнія у животныхъ, живущихъ въ темнотѣ, уменьшеніе костей крыла у домашнихъ утокъ, на которое указываетъ Дарвинъ, висячія уши у разныхъ домашнихъ животныхъ и многіе другіе факты являются результатомъ сравнительнаго неупотребленія этихъ органовъ, тогда какъ, на примѣръ, музыкальная способность, которою отличаются современные Европейцы въ сравненіи съ ихъ предками, обязана своимъ происхожденіемъ наоборотъ употребленію и развитію слуха. Подобную же роль въ измѣненіи видовъ Спенсеръ приписываетъ прямому дѣйствию окружающей среды.

Уолласъ ¹⁾ оспариваетъ эти заключенія и утверждаетъ, что всѣ приведенные факты можно объяснить посредствомъ естественнаго отбора. Конечно, естественный отборъ имѣетъ то преимущество, что почти нѣтъ ни одного случая, къ которому его нельзя было бы примѣнить такъ или иначе, правильно или неправильно. Если, на примѣръ, сказать, что какой нибудь органъ часто употреблялся, то можно утверждать, что онъ долженъ быть полезенъ, и въ этомъ случаѣ естественный отборъ будетъ стремиться сохранить его; если же, наоборотъ, сказать, что органъ не былъ въ употребленіи, то могутъ утверждать, что онъ долженъ быть бесполезенъ и, слѣдовательно, долженъ представлять положительную невыгоду для животнаго,—поэтому естественный отборъ будетъ стремиться разрушить его.

Американская школа.—Факторы Спенсера получили болѣе широкое примѣненіе и развитіе въ Американской школѣ эволюціонистовъ. Эта школа пытается объяснить всѣ главныя измѣненія формы въ животномъ царствѣ основными законами роста и унаслѣдованными результатами *употребленія* и *усилія* (effort). По ея воззрѣніямъ, теорія Ламарка имѣетъ почти такое же значеніе, какъ и теорія Дарвина. „Уолласъ и Дарвинъ,—говоритъ докторъ Копъ,—предложили въ качествѣ причины измѣненій въ послѣдующихъ поколѣніяхъ свой законъ естественнаго отбора. Этотъ законъ былъ кратко формулированъ Спенсеромъ, какъ „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“. Это красивое

¹⁾ *Darwinism*, chap. XIV.

выраженіе, безъ сомнѣнія, скрываетъ дѣло, но оно оставляетъ происхожденіе наиболѣе приспособленныхъ совершенно неразъясненнымъ. Дарвинъ допускаетъ въ природѣ „стремленіе къ измѣненію“, и такое стремленіе вполне необходимо допустить въ виду того, чтобы существовалъ матеріалъ для дѣйствія естественнаго отбора. Такимъ образомъ, законъ Дарвина и Уоллеса только задерживаетъ, направляетъ, сохраняетъ или разрушаетъ *нѣчто такое, что уже сотворено*.

Важнымъ факторомъ въ этой теоріи является свойственная организмамъ сила развитія и роста, дѣйствующая посредствомъ замедленія и ускоренія періода воспроизведенія. Эта сила совершенно независима отъ приспособленности; она не подчиняется приспособленію, а напротивъ сама управляетъ имъ. Согласно съ рассматриваемой теоріей, полезныя свойства производятся дѣйствіемъ этой растительной силы, локализованной благодаря употребленію органа. Другимъ условіемъ, опредѣляющимъ направленіе растительной силы и предшествующимъ употребленію, служитъ усиліе. Это усиліе считается наследственнымъ.

Въ качествѣ примѣровъ вліянія употребленія на перемѣну въ строеніи организмовъ указываютъ на крючковатые и зубчатые клювы у соколовъ и балабавовъ. Тотъ фактъ, что эти птицы принадлежатъ къ весьма различнымъ группамъ, доказываетъ, что одинаковое употребленіе произвело одинаковый результатъ въ структурѣ. Затѣмъ приводятъ въ примѣръ фактъ прогрессивнаго перехода четырехпалаго или пятипалаго предка въ однокопытную лошадь, а также фактъ раздѣленія всей группы копытныхъ животныхъ на не парнокопытныхъ и парнокопытныхъ.

Теорія профессора Геддса.—Профессоръ Патрикъ Геддсъ выступилъ съ теоріей измѣненія и отбора, отличающейся вѣжливостью и основательностью. Эта теорія пытается отвѣтить на такіе вопросы: почему ось растенія останавливается въ своемъ ростѣ, чтобы образовать цвѣтокъ? Какъ развились различныя формы сощѣтія? и проч. Естественный отборъ, имѣющій дѣло съ случайными измѣненіями, никогда не можетъ, по мнѣнію Геддса, объяснить подобныхъ фактовъ, потому что

они должны зависѣть отъ какого нибудь постояннаго закона измѣненія. Этотъ законъ Геддсъ видитъ въ той простой анти-тезѣ между видовыми и индивидуальными функціями, или, другими словами, между растительными и воспроизводительными процессами, которая была извѣстна съ первыхъ дней фізіоло-гіи и которая, если разсматривать ее съ точки зрѣнія физи-ческихъ условій, можетъ быть выведена изъ принципа сохра-ненія энергіи.

Въ краткихъ чертахъ теорія эволюціи Геддса „есть теорія опредѣленнаго измѣненія, съ прогрессомъ, существенно обу-словленнымъ подчиненіемъ индивидуальной борьбы и развитія цѣлямъ сохраненія вида“.

Чтобы показать, какъ Геддсъ примѣняетъ этотъ принципъ подчиненія индивидуальных функцій видовымъ къ объясненію явленій эволюціи, приведемъ его собственныя слова ¹⁾. „Нач-немъ,—говоритъ онъ,—съ происхожденія цвѣтка, который всѣ ботаники согласно разсматриваютъ, какъ укороченный стебель. Представляющееся здѣсь вліяніе естественнаго отбора (при выборѣ изъ двухъ альтернативъ: удлинненія и сокращенія стеб-ля) хотя и мыслимо морфологически, но совершенно исключает-ся фізіологическою необходимостію сокращенія, потому что трата на воспроизводительныя функціи неизбѣжно задерживаетъ растительныя функціи, и, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи объ отборѣ тамъ, гдѣ воображимыя альтернативы физи-чески невозможны. Такимъ-же образомъ объясняется укороче-ніе цвѣтоножекъ соцвѣтія отъ кисти до колоса или головки. и превращеніе его въ соплодіе, съ соотвѣтствующимъ умень-шеніемъ размѣра цвѣтовъ... Внутреннее строеніе цвѣтка измѣ-няется подобнымъ-же образомъ, и это можно въ подробно-стяхъ показать на постепенномъ образованіи нижней, средней и верхней частей плодника (представляющихъ простыя стадіи въ прогрессивной остановкѣ роста оси), въ уменьшеніи около-цвѣтника и тычинокъ, въ сокращеніи числа пестиковъ и яичекъ, и даже въ переходѣ отъ околоцвѣтничка къ нутресѣ-мяннику и, наконецъ, къ бѣлковиннымъ сѣменамъ... Та же

¹⁾ Статья „Variation and Selection“ въ *Encyclopaedia Britannica*.

простая идея даетъ ключъ къ безчисленнымъ проблемамъ морфологіи растений, какъ малымъ, такъ и большимъ. Напримѣръ, она съ одинаковою легкостью объясняетъ неизбежное развитіе покрытосѣмянныхъ изъ голосѣмянныхъ (путемъ непрерывнаго сокращенія воспроизводительнаго плоднковаго листа) и происхожденіе тончайшихъ мелкихъ приспособленій, каковы расщепленный плодъ герани или кубкообразное рыльце анютиныхъ глазокъ. Все это не продуктъ естественнаго отбора среди случайныхъ измѣненій, а естественныя слѣдствія задержки произрастанія соответствующихъ имъ типовъ листоваго органа, совершенно такъ, какъ это наблюдается въ хорошо известномъ случаѣ перистоодольныхъ наружныхъ чашелистиковъ розовой почки“.

Эти взгляды оспариваются Уоллэсомъ ¹⁾, который утверждаетъ, что всѣ подобныя факты могутъ быть объяснены естественнымъ отборомъ.

Изъ нашего обзора теоріи Дарвина и ея различныхъ видоизмѣненій можно видѣть, что не *сила* и не *сохраненіе силы* являются факторомъ въ этой системѣ. Кромѣ, быть можетъ, борьбы за существованіе, понятіе силы едва ли гдѣ-нибудь играетъ въ ней роль. Всѣми своими результатами естественный отборъ обязанъ біологическому детерминизму, а только детерминизму.

Г Л А В А XIII.

Естественный отборъ не можетъ объяснить произведенія органическихъ формъ.

Иносказательное выраженіе „естественный отборъ“ не совсѣмъ удачно и можетъ ввести въ заблужденіе: оно способно внушать, да и дѣйствительно внушаетъ нѣкоторымъ, ту мысль, что природа производитъ выборъ. На самомъ дѣлѣ природа не дѣлаетъ ничего такого. Естественный отборъ есть только переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, и ничего больше. Такимъ образомъ, „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“ является гораздо лучшимъ выраженіемъ; но въ свою очередь оно

¹⁾ *Darwinism*, ch. XIV.

оставляетъ въ сторонѣ нѣчто такое, безъ чего оно также способно дать поводъ къ недоразумѣнію. Мы выразимъ точнѣе понятіе естественна отбора, если скажемъ, что онъ есть *переживание наиболее приспособленныхъ, происходящее отъ уничтоженія неприспособленныхъ*. Опущенный въ предыдущей формулѣ элементъ: уничтоженіе неприспособленныхъ — играетъ столь же важную роль въ процессѣ, какъ и переживание наиболее приспособленныхъ, потому что именно въ немъ заключается причина сохраненія послѣднихъ.

Если естественный отборъ есть просто переживание приспособленныхъ вслѣдствіе уничтоженія неприспособленныхъ, то, очевидно, онъ не можетъ ничего производить. Простое уничтоженіе того, что существуетъ, не могло бы произвестъ того, что не существуетъ. Такая мысль была-бы недѣлостью. Естественный отборъ не есть дѣйствующая причина; онъ не имѣетъ творческой способности, положительнаго дѣйствія. Если вещь уже существуетъ, то онъ будетъ стремиться сохранить и усовершенствовать ее, но онъ не въ состояніи ея произвестъ.

Что вещи могутъ быть производимы естественнымъ отборомъ, это—мнѣніе дарвинистовъ вообще. Самъ Дарвинъ не только утверждалъ, что естественный отборъ способенъ создать извѣстный органъ, но и пытался показать, какъ этимъ способомъ могъ образоваться столь чудесный органъ, какъ глазъ со всѣми его удивительными приспособленіями. Такое мнѣніе, конечно, основывается на недоразумѣніи. Естественный отборъ можетъ быть *условіемъ* въ образованіи органа, но по самой своей природѣ онъ не можетъ быть его производящей *причиной*. Этотъ органъ долженъ уже напередъ существовать, хотя бы въ грубой, простой и элементарной формѣ,—иначе естественный отборъ не имѣлъ-бы объекта для дѣйствія. Если мы предположимъ нѣсколько такихъ элементарныхъ органовъ, изъ которыхъ впоследствии разовьется болѣе совершенный, то естественный отборъ будетъ сохранять наиболее пригодныя формы и уничтожать непригодныя. Въ силу врожденной способности, на сущность которой естественный отборъ не можетъ продлить никакого свѣта, сохраненія формы производятъ другія формы, подобныя имъ, но съ той разницей, что новое поколѣніе бу-

детъ легкимъ усовершенствованіемъ въ сравненіи съ предшествующимъ. Затѣмъ естественный отборъ будетъ опять выдѣлять наиболѣе благопріятныя формы, которыя въ свою очередь будутъ распложаться, производя формы еще высшаго типа, и такъ далѣе, поколѣніе за поколѣніемъ, до тѣхъ поръ, пока то, что сначала существовало въ видѣ грубыхъ элементарныхъ задатковъ, не сдѣлается пригоднымъ органомъ. Вотъ, полагаю, правильное изложеніе того, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда естественный отборъ считается факторомъ, производящимъ органы.

Нужно признать, что все производится природными способностями и силами самихъ организмовъ, благодаря которымъ послѣдніе могутъ создавать другіе организмы, подобныя имъ. Роль естественнаго отбора ограничивается только выдѣленіемъ лучшихъ экземпляровъ, которые могутъ быть объектомъ дѣйствія этихъ природныхъ способностей. Все, что дѣлаетъ или можетъ дѣлать естественный отборъ, состоитъ въ томъ, что онъ доставляетъ надлежащій матеріалъ для развитія, уничтожая дурное и тѣмъ позволяя наиболѣе пригоднымъ элементамъ переживать остальные. Если мы, на примѣръ, подвергнемъ анализу разсматриваемый Дарвиномъ случай образованія глаза, то мы найдемъ, что участіе естественнаго отбора въ данномъ процессѣ сводится именно къ этой ограниченной роли. „Простѣйшій органъ, который можетъ быть названъ глазомъ,—говоритъ Дарвинъ,—состоитъ изъ зрительнаго нерва, окруженнаго пигментными клѣтками, покрытыми прозрачною оболочкой, но безъ всякаго кристаллина или другаго преломляющаго тѣла“. Естественный отборъ, по его мнѣнію, можетъ превратить этотъ простой аппаратъ въ столь совершенный органъ зрѣнія, какъ глазъ орла. Посмотримъ же, какимъ образомъ это происходитъ. Представимъ себѣ рядъ существъ, обладающихъ такими пигментными глазами. Въ борьбѣ за существованіе, естественный отборъ будетъ сохранять тѣ особи, у которыхъ этотъ органъ имѣетъ наиболѣе совершенную форму, и уничтожать другія, менѣе пригодныя. Эти сохраненныя особи плодятся и ихъ потомки обладаютъ органомъ, нѣсколько усовершенствованнымъ. Тогда опять выступаетъ на сцену есте-

ственный отборъ и выдѣляетъ тѣ особи, которыя благодаря превосходству ихъ глазъ являются наилучше приспособленными для жизни. Послѣднія особи въ свою очередь распложаются, и въ слѣдующемъ поколѣніи возникаетъ новое легкое усовершенствованіе. Этотъ процессъ распложенія, отбора и совершенствованія идетъ такимъ образомъ несчетные вѣка до тѣхъ поръ, пока глазъ становится столь совершеннымъ, какъ у человѣка. Нетрудно видѣть, что въ теченіе всего этого процесса развитія глаза роль естественнаго отбора ограничивалась только сохраненіемъ тѣхъ индивидуумовъ, которые благодаря превосходству ихъ глазъ были наилучше приспособлены къ жизни; а ихъ сохраненіе, какъ мы уже видѣли, было слѣдствіемъ упитанности менѣе приспособленныхъ. Высшій органъ зрѣнія, очевидно, былъ продуктомъ способностей и силъ, присущихъ самимъ индивидуумамъ. Тѣ же энергіи и способности, которыя производили потомство, произвели конечно и глазъ.

Олицетвореніе естественнаго отбора способно вести къ недоразумѣніямъ. Естественный отборъ не есть дѣйствующій агентъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ сводится къ тому простому факту, что въ борьбѣ за существованіе особи, обладающія лучшими глазами, пережили, а остальные погибли. Вслѣдствіе этого факта экземпляры, способные создать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ усовершенствованный органъ зрѣнія, остались для размноженія, и такимъ образомъ энергіи, приведшія къ образованію глаза были направлены по наилучшему пути. Естественный отборъ былъ случайнымъ факторомъ или, выражаясь точнѣе, *условіемъ* въ эволюціи глаза, но онъ не былъ *дѣйствующей* причиной. Если бы съ того, что было писано о дѣятельности этого фактора, снять образный костюмъ, то у естественнаго отбора получилась-бы совсѣмъ иная наружность.

Нѣтъ сомнѣнія, что превосходство сохранившихся особей въ большой степени зависѣло отъ благопріятныхъ измѣненій. Но эти измѣненія не были и не могли быть результатомъ естественнаго отбора. Они должны возникнуть изъ какихъ нибудь природныхъ свойствъ тѣхъ особей, которыя передавали намѣненія, или же могли произойти въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ вліяніемъ окружающей среды.

Тѣмъ не менѣе нужно признать, что, хотя естественный отборъ былъ только условіемъ въ эволюціи глаза, онъ все-таки былъ необходимымъ условіемъ; потому что если бы онъ не давалъ надлежащаго направленія этому процессу, то плохіе глаза получались-бы въ результатѣ такъ-же часто, какъ и хорошіе, а въ такомъ случаѣ никакое развитіе не могло бы имѣть мѣста.

ГЛАВА XIV.

Биологическій детерминизмъ въ отношеніи къ теоріямъ жизни.

Споры и разногласія, господствующія въ настоящее время въ вопросѣ о тайнѣ жизни и о различіи между органическимъ и неорганическимъ міромъ, происходятъ главнымъ образомъ отъ неяснаго пониманія разницы между причиной движенія и причиной детерминаціи движенія. Существующія биологическія теоріи можно раздѣлить на два класса: одніе утверждаютъ, что всѣ явленія жизни, всѣ перемѣны, совершающіяся въ органической природѣ, суть результаты чисто химическихъ и физическихъ факторовъ; другія доказываютъ, что въ основѣ этихъ явленій должно лежать вѣчто большее, чѣмъ обыкновенныя химическія и физическія силы, что жизнь и органическая природа свидѣтельствуютъ о дѣйствіи агента, совершенно различнаго отъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ сферѣ химіи и физики,—агента, названнаго именемъ „жизненной силы“. Тѣ и другія теоріи до известной степени правы и до известной степени ошибочны. Разсмотримъ сначала *теорію жизненной силы*.

Прежде всего, въ чемъ полагаютъ различіе жизненной силы отъ другихъ силъ? Заключается-ли это различіе въ самой силѣ, или въ способѣ ея дѣйствія? Не есть-ли жизненная сила то же самое, что химическая и физическая сила, только иначе опредѣленная? Представимъ себѣ, что съ лица земли исчезнетъ всякая жизнь, какъ животная, такъ и растительная, а вмѣстѣ съ нею совершенно исчезнетъ и жизненная сила. Уменьшится ли вслѣдствіе этого общая сумма энергіи на земномъ шарѣ? Могутъ-ли исчезнувшая жизненная сила вновь явиться въ видѣ химической и физической силы, или здѣсь должно произойти уничтоженіе энергіи? Если допустить первое, то между

жизненной силой и другими силами природы нѣтъ никакого различія, кромѣ способа дѣйствія. Жизненная сила въ этомъ случаѣ была бы просто трансформацией обыкновенныхъ силъ природы, или другими словами, инымъ опредѣленіемъ ихъ. Если же, наоборотъ, предположить, что жизненная сила различна отъ другихъ силъ сама по себѣ, независимо отъ способа ея дѣйствія, и признать, что переставая быть жизненной силой, она не дѣлается обыкновенной химической или физической энергіей, а совершенно исчезаетъ, тогда уничтоженіе ея было бы нарушеніемъ закона сохраненія энергій. Если мы не допустимъ превращенія жизненной энергій въ другія силы природы, то мы должны предполагать, что когда разрушается и умираетъ животное или растеніе, столько-то фута—фунтовъ энергій, существующей въ молекулахъ, исчезаетъ, а когда животное или растеніе переходитъ изъ эмбриональнаго состоянія въ состояніе зрѣлости, столько-то фута—фунтовъ новой энергій появляется на свѣтѣ.

Такой взглядъ на жизненную силу былъ-бы діаметрально противоположенъ современнымъ научнымъ представленіямъ объ энергій и совершенно не выдерживалъ-бы критики. Очевидно жизненныя энергій растеній и животного вытекаютъ изъ химическаго сродства тѣхъ питательныхъ элементовъ, которые воспринимаются ими. Жизненная сила есть трансформация химической силы. То же можно сказать о механической и другихъ физическихъ энергіяхъ тѣла. Энергія, въ силу которой поднимается рука или бьется сердце, дается питаніемъ; животная теплота возникаетъ изъ химическихъ соединеній.

Во всемъ этомъ защитники физической теоріи жизни, очевидно, правы. Но имѣютъ-ли они право утверждать, что *вся органическіе процессы* растеній и животныхъ сводятся исключительно къ химическимъ или физическимъ энергіямъ? Насколько справедливо подобное утвержденіе, это всецѣло зависитъ отъ того представленія, какое можетъ соединиться съ выраженіями: химическая и физическая энергія. Если разумѣть то, что *вся энергія въ органической природѣ имѣли химическое или физическое происхожденіе*, и что въ природѣ нѣтъ ни одной энергій, которая не существовала бы нѣкогда въ видѣ химической

или физической силы, то справедливость такого положенія никто, знакомый съ наукой, не сталъ бы оспаривать. Въ этомъ случаѣ такъ называемая жизненная сила была-бы простымъ видоизмѣненіемъ химической или физической энергіи и отличалась бы отъ энергій, дѣйствующихъ въ химическомъ и физическомъ мірѣ, только способомъ проявленія: силы тѣ-же, только онѣ иначе дѣйствуютъ. Если понимать дѣло такимъ образомъ, то конечно всякая сила въ природѣ принадлежитъ къ категоріи химическихъ или физическихъ; но при такомъ пониманіи нужно употреблять термины: химическая и физическая энергіи въ совершенно особенномъ и не обычномъ смыслѣ.

Мы привыкли называть силы и энергіи по ихъ способу дѣйствія. Кислородъ и водородъ соединяются въ силу ихъ средства, и мы называемъ энергію соединяющихся веществъ „химической энергіей“. Послѣ соединенія энергія получаетъ другую форму, и мы называемъ ее „теплотой“. Теплота примѣняется къ термо-электрической батарее, подвергаясь новому превращенію, и мы называемъ энергію подъ этою новою формой „электричествомъ“ или „электрическимъ токомъ“. Электричество примѣняется къ электромагнитной машинѣ, и энергія получаетъ новую форму, которая называется „магнетизмомъ“. Магнетизмъ приводитъ въ движеніе машину, исполняя механическую работу, и мы тогда называемъ энергію „механической“. Эти разные наименованія обозначаютъ только разные способы дѣйствія одной и той же силы. Только въ этомъ смыслѣ отличается, напримеръ, въ рассматриваемомъ случаѣ химическая энергія отъ теплоты. Мы привыкли также соединять теплоту, свѣтъ, электричество, магнетизмъ, тяготѣніе, сдѣвленіе, и проч., въ одинъ классъ, къ которому мы прилагаемъ общее названіе физической энергіи. Мы такимъ образомъ различаемъ химическую энергію отъ всѣхъ другихъ формъ, потому—что она, по нашимъ понятіямъ, стоитъ въ связи, съ соединеніями и движеніями атомовъ или элементовъ веществъ; тогда какъ другія имѣютъ дѣло съ молекулами и массами матеріи. Но вопросъ въ концѣ концовъ въ томъ, достаточны-ли эти формы энергіи, включая сюда и химическую, для объясненія явленій жизни и органической природы?

Нѣтъ. Ни физика, ни химія, ни естественный отборъ не могутъ объяснить органической природы.

Разсмотримъ въ немногихъ словахъ, что въ самомъ дѣлѣ требуетъ здѣсь объясненія. Возьмемъ для примѣра древесный листъ. Какъ мы уже говорили, листъ получаетъ свою особую форму не вслѣдствіе дѣйствія какого нибудь вѣшняго агента; онъ постепенно образуется изъ молекулъ. Форма и строеніе листа являются результатомъ расположенія частицъ, изъ которыхъ онъ слагается. Вещь, которая требуетъ здѣсь объясненія, заключается не въ томъ, что приводитъ въ движеніе молекулы или частицы при его образованіи, а въ томъ, что руководитъ, направляетъ или опредѣляетъ движеніе этихъ частицъ. Листъ не могъ бы образоваться, если-бы каждая частица не двигалась въ надлежащемъ направленіи и не останавливалась въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ. Каждая молекула занимаетъ въ листѣ свое особое положеніе и, слѣдовательно, двѣ молекулы, направляясь къ своимъ мѣстамъ, никогда не могутъ двигаться по одному и тому же пути. Что же опредѣляетъ своеобразный путь каждой изъ нихъ? Простое движеніе молекулъ производится силой; но что направляетъ или опредѣляетъ эту силу къ тому, чтобы двигать каждую частицу по ея спеціальному пути? И тайна лежитъ еще глубже. Не только пути молекулъ различны, но и отношенія этихъ путей должны быть всюду согласованы другъ съ другомъ, потому что именно отъ надлежащаго согласованія ихъ зависитъ форма листа. Очевидно, движеніе каждой молекулы должно опредѣляться сообразно съ объективной идеей листа.

Далѣе, дерево въ его цѣломъ точно такъ-же создается изъ молекулъ, какъ и листъ. Молекулы, изъ которыхъ образуется вѣтка, должны опредѣляться иначе, чѣмъ молекулы, образующія листъ; каждая молекула вѣтки должна двигаться по иному пути, чѣмъ всѣ остальные ея частицы, и движенія всѣхъ ихъ должны опредѣляться согласно съ объективной идеей этой вѣтки. То, что сказано объ одной вѣткѣ, можно сказать и о всѣхъ другихъ; а то что можно сказать о вѣткахъ, одинаково приложимо и къ стволу, и къ корнямъ, и ко всему дереву. Каждая частица должна опредѣляться не только въ отношеніи къ

объективной идеѣ отдѣльнаго листа или отдѣльной вѣтки, которой она принадлежитъ, но и въ отношеніи къ объективной идеѣ цѣлаго дерева. При образованіи дерева каждая молекула должна двигаться по своему спеціальному пути, и эти пути должны быть такъ приспособлены другъ къ другу, чтобы въ результатѣ получилось дерево. И это не все. Молекулы должны двигаться и располагаться въ отношеніи къ идеѣ дерева известной породы. Молекулы, образующія, положимъ, дубъ, должны двигаться иначе, чѣмъ молекулы, образующія букъ или сосну. И при всемъ томъ, какъ бы ни были различны движенія молекулъ въ разныхъ видахъ деревьевъ, всѣ они должны сообразоваться съ общею идеей дерева. То, что сказано сейчасъ о деревьяхъ, можно сказать и о всякой формѣ растительной жизни на землѣ; а то, что можно сказать о растительномъ царствѣ, одинаково примѣнимо и къ царству животныхъ. Каждое растеніе, каждое животное имѣетъ не только свою собственную форму, но и форму того вида, къ которому оно принадлежитъ; и не только форму вида, но и форму рода, къ которому принадлежитъ видъ; и не только форму рода, но и форму семейства, отряда, класса и царства; къ которымъ принадлежитъ родъ.

Если взять, такимъ образомъ, всю совокупность молекулярныхъ движеній, происходящихъ въ животномъ и растительномъ мірѣ, то можно раздѣлить детерминаціи этихъ движеній на царства, классы, отряды, семейства, роды и виды, подобно тому, какъ мы классифицируемъ растенія и животныхъ, которыя являются результатомъ этихъ детерминацій молекулярнаго движенія. Это очевидно, потому что порядокъ и единство, открываемые въ природѣ ботаникомъ и сравнительнымъ анатомомъ, зависятъ отъ порядка и единства въ детерминаціяхъ молекулярныхъ движеній. Растеніе, или животное известнаго вида и класса существуетъ только потому, что молекулы, изъ которыхъ оно образуется, опредѣлялись въ своихъ движеніяхъ согласно съ объективной идеей растенія или животнаго такого-то вида и класса. Это не гипотеза, а простое изложеніе того, что на самомъ дѣлѣ происходитъ; потому что сказать, что молекулы, изъ которыхъ слагается, напримеръ, дерево, должны опредѣляться въ своихъ движеніяхъ

согласно съ объективной идеей послѣдняго, значить то-же самое, какъ если-бы сказать, что движенія этихъ молекулъ должны опредѣляться въ отношеніи къ фигурѣ дерева. Въ природѣ мы находимъ единство плана, обнимающаго все безконечное разнообразіе явленій, только потому, что безконечно разнообразныя молекулярныя движенія совершаются сообразно съ этимъ единымъ планомъ.

Въ природѣ существуютъ группы молекулярныхъ движеній, соотвѣтствующія объективной идеѣ каждаго отдѣльнаго существа, которое образуется. Въ существахъ одного вида группы молекулярныхъ движеній имѣютъ видовое сходство между собою, а при образованіи существъ одинаковаго рода между ними существуетъ родовое сходство. При образованіи существъ одного и того же семейства мы имѣемъ еще высшее единство молекулярныхъ процессовъ, еще большее объединеніе ихъ типическихъ группъ. Идя такимъ образомъ, мы достигнемъ единства, которое обнимаетъ собою всѣ группы молекулярныхъ движеній, совершающихся въ растительномъ или животномъ царствѣ. Единство, обнимающее безконечное разнообразіе молекулярныхъ движеній, должно быть такъ-же совершенно, какъ единство, проникающее безконечное разнообразіе органическихъ формъ. Въ дѣйствительности то и другое нераздѣльны, потому что единство органическихъ формъ есть *результатъ* единства молекулярныхъ движеній. Именно потому, что эти движенія опредѣляются согласно съ единствомъ плана, результатъ ихъ —органическія существа имѣютъ единство формы. Только своеобразныя детерминаціи движеній молекулъ даютъ дереву его своеобразную форму.

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя подробности органическаго развитія могутъ быть результатомъ детерминаціи молекулярнаго движенія не прямымъ путемъ. Напримѣръ, причина, опредѣляющая расположеніе почекъ на стеблѣ, можетъ заключаться въ свойствахъ ткани самаго стебля; но если мы заглянемъ назадъ, то мы найдемъ, что своеобразная форма ткани происходитъ отъ того особаго способа, какимъ опредѣлялись молекулы во время ея образованія. Съ другой стороны, развитіе какой нибудь почки въ вѣтку предпочтительно

предъ другими, можетъ зависѣть, какъ предполагаетъ Чопен Райтъ, отъ простаго случая, благодаря которому эта почка лучше снабжается питаніемъ, свѣтомъ, воздухомъ и другими благоприятными условіями. Но такой случай можетъ привести къ развитію почки въ вѣтку только вслѣдствіе особой детерминаціи молекулярнаго движенія. Отборъ этой именно почки для образованія будущей вѣтки могъ зависѣть отъ подобныхъ случайныхъ обстоятельствъ; но такой случайный отборъ не объяснитъ особаго расположенія вѣтокъ. Онъ не объяснитъ объективной идеи, осуществляющейся въ этомъ расположеніи, если только мы не предположимъ, что вызвавшія его случайныя обстоятельства произошли согласно съ извѣстнымъ планомъ, а не по безотчетному капризу. Создавъ теорію естественнаго отбора, Дарвинъ развилъ новую и весьма важную идею; но сама по себѣ его теорія никогда не можетъ разгадать тайну органической жизни. Въ основѣ всякаго естественнаго отбора, осуществляющаго объективную идею, должна лежать опредѣляющая причина.

Но объясненія требуетъ не только единство плана, а также и единство цѣли ¹⁾. Вещи въ природѣ связаны между собой не только по своей формѣ, но и по своему отношенію къ тѣмъ конечнымъ результатамъ, для достиженія которыхъ онѣ служатъ. Это отношеніе такъ-же всеобъемлюще, какъ и родство формъ. Въ природѣ нѣтъ ни одного существа, которос не относилось бы къ чему-нибудь, какъ *средство* къ *цѣли*. И въ цѣляхъ существуетъ такое же единство, какъ въ формахъ. Отсюда всѣ молекулярныя движенія должны имѣть это двойное отношеніе къ плану и цѣли. Какъ же объяснить порядокъ и единство плана и цѣли въ молекулярныхъ движеніяхъ?

* * *

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Подъ цѣлью я разумю просто конечный результатъ процесса. Предназначая этотъ конечный результатъ высшимъ Разумомъ, извѣсть, это мы рассмотримъ, когда перейдемъ къ изслѣдованію детерминаціи въ отношеніи къ *телесности*.

Правила для Сиротскаго Приюта Харьковскаго Епархіальнаго вѣдомства.

I. Положенія общія.

§ 1. Сиротскій Приютъ Харьковскаго Епархіальнаго вѣдомства учреждается на собственной дачѣ Харьковскаго Епаріальнаго Попечительства, въ Харьковскомъ уѣздѣ, близъ слободы Деркачей въ „Бѣликовомъ хуторѣ“.

§ 2. Приютъ, на основаніи ст. 252 X т. Свод. зак. изд. 1872 г., находится въ вѣдѣніи Епархіальнаго Попечительства и составляетъ предметъ особенныхъ его заботъ.

§ 3. Всѣ сношенія по дѣламъ Приюта съ различными учрежденіями и должностными лицами производятся чрезъ Епархіальное Попечительство, а въ особенныхъ случаяхъ чрезъ Епархіальнаго Архіерея.

§ 4. При Приютѣ имѣется школа, по типу церковно-приходскихъ школъ, для приготовленія малолѣтнихъ дѣтей призрѣваемыхъ въ духовно-учебныя заведенія.

II. О лицахъ принимаемыхъ въ Приютъ.

§ 5. Въ Приютъ принимаются:

а) Вдовы священно и церковно-служителей, имѣющія малолѣтнихъ дѣтей и не имѣющія ни собственныхъ средствъ къ

содержанію себя съ дѣтьми, ни возрастныхъ, состоящихъ на службѣ, сыновей и другихъ состоятельныхъ родственниковъ и не получающія казенной или другой какой либо достаточной пенсіи.

Примѣчаніе. Женщины преклоннаго возраста принимаются, когда окажется возможнымъ за помѣщеніемъ вдовъ съ дѣтьми, и изъ нихъ отдается предпочтеніе тѣмъ, которыя окажутся способными приносить пользу Приюту обученіемъ дѣтей и надзоромъ за ними,—руководѣніями или какимъ либо другимъ полезнымъ трудомъ.

б) Круглыя малолѣтнія—до семилѣтняго возраста—сироты обоюго пола, оставшіяся безъ средствъ къ жизни и безъ всякихъ родственниковъ, которые имѣли бы возможность взять ихъ на свое попеченіе.

III. О пріемѣ въ Приютъ.

§ 6. Принимаются въ Приютъ лица непременно честнаго и вполне безукоризненнаго поведенія.

§ 7. Число призрѣваемыхъ въ Приютѣ обуславливается какъ средствами, имѣющимися въ распоряженіи Епархіальнаго Попечительства, такъ и количествомъ свободныхъ помѣщеній.

§ 8. Прошенія о принятіи въ Приютъ подаются на имя Епархіальнаго Преосвященнаго Архіерея, на простой бумагѣ, съ приложеніемъ всѣхъ нужныхъ документовъ, изъ коихъ было бы видно, что лицо просящее, или о которомъ просятъ, дѣйствительно заслуживаетъ призрѣнія въ заведеніи.

§ 9. Епархіальный Преосвященный Архіерей или даетъ свою положительную Архипастырскую резолюцію о принятіи просящаго лица въ заведеніе, или сдаетъ прошеніе на предварительное заключеніе особо учрежденнаго Комитета (§ 32).

§ 10. При разсмотрѣніи въ Комитетѣ прошеній о принятіи въ Приютъ одновременно отъ многихъ лицъ, тогда какъ свободныхъ мѣстъ не много, обращается главнымъ образомъ вниманіе на степень бѣдности просящихся, и бѣднѣйшимъ дается преимущество предъ менѣе нуждающимися въ Приютѣ.

§ 11. При одинаковой степени бѣдности многихъ вѣселящихся, а маломъ числѣ свободныхъ въ Пріютѣ мѣсть, вдовы сѣщенниковъ принимаются предпочтительнѣе предъ другими, потомъ вдовы діаконовъ, а затѣмъ уже вдовы псаломщиковъ.

§ 12. Когда на предположеніи Комитета объ удовлетвореніи просьбы нуждающагося въ призрѣніи лица послѣдуетъ Архипастырская резолюція, утверждающая такое предположеніе, или когда Епархіальный Преосвященный непосредственно благоволитъ распорядиться о припятіи даннаго лица въ заведеніе; тогда Епархіальное Попечительство, по извѣщеніи Комитета, снабжаетъ такое лицо особымъ документомъ, по которому Комитетъ завѣдующій Пріютомъ помѣщаетъ немедленно указанное лицо въ заведеніе. Документъ сей служитъ для призрѣваемыхъ видомъ на жительство.

IV. О дѣтяхъ призрѣваемыхъ.

§ 13. Малолѣтнія при матеряхъ и круглая сироты обоюго пола поручаются попеченію матерей или другихъ находящихся въ заведеніи благонадежныхъ вдовъ или дѣвицъ изъ призрѣваемыхъ.

§ 14. Для общаго наблюденія за порядкомъ въ Пріютѣ, за домашнимъ хозяйствомъ и особенно за воспитаніемъ дѣтей назначается особая начальница изъ образованныхъ вдовъ или дѣвицъ зрѣлаго возраста, преимущественно изъ воспитаницъ Харьковскаго Епархіальнаго училища, съ вознагражденіемъ по соглашенію, на содержаніи отъ Пріюта.

§ 15. Дѣти—мальчики находятся на жительство въ Пріютѣ не далѣе 10-лѣтняго возраста, и затѣмъ матери или опекуны отдають ихъ въ духовныя училища, или пристраивають ихъ иначе соотвѣтственно способностямъ каждаго,—напримѣръ, помѣщаютъ въ техническія или ремесленныя училища, или просто, къ частнымъ ремесленникамъ.

§ 16. Призрѣваемая малолѣтнія круглая сироты—дѣвочки, а равно и живущія въ заведеніи съ матерями, остаются въ

Пріютъ также до 10-лѣтняго возраста, а потомъ поступаютъ въ первый классъ Епархіальнаго женскаго училища, на Епархіальное содержаніе, преимущественно предъ всѣми другими дѣтьми.

§ 17. Не поступившія по какимъ либо обстоятельствамъ въ Епархіальное училище дѣвочки отдаются матерями, или опекунами, для обученія свойственнымъ женскому полу ремесламъ.

V. Содержаніе призрѣваемыхъ.

§ 18. Всѣ вообще принятыя въ Пріютъ пользуются бесплатнымъ въ немъ помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, пищею и по возможности одеждою и обувью.

§ 19. Всѣмъ призрѣваемымъ полагается утренній и вечерній, съ бѣлымъ хлѣбомъ, чай, обѣдъ и ужинъ; а дѣтямъ малолѣтнимъ—еще и завтракъ.

§ 20. Обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ, а въ праздники изъ трехъ; на ужинъ же и завтракъ готовится одно блюдо.

§ 21. Пища всегда готовится изъ свѣжихъ продуктовъ и въ достаточномъ количествѣ.

§ 22. Чай, сахаръ, и бѣлый хлѣбъ на каждое лицо отпускаются по усмотрѣнію Начальницы съ согласія Комитета.

§ 23. Одежда и обувь, даваемая заведеніемъ бесплатно, готовятся однообразно; а тѣ, кто носятъ свою одежду, могутъ употреблять одежду и обувь не подходящія къ установленному образу, но во всякомъ случаѣ—скромныя и приличныя вдовицамъ.

§ 24. Всѣ призрѣваемыя, за исключеніемъ больныхъ, пьютъ чай, обѣдаютъ и ужинаютъ обязательно въ общей столовой и въ одно опредѣленное время.

§ 25. Освѣщеніе во всѣхъ помѣщеніяхъ производится съ октября по апрѣль мѣсяцъ и должно быть керосиновое, въ особыхъ стѣнныхъ, висѣщихъ и столовыхъ лампахъ, смотря по потребности въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи.

Примѣчаніе 1-е. Допускается освѣщеніе и стеариновыми свѣчами тамъ, гдѣ это начальницею Пріюта будетъ признано полезнымъ или нужнымъ.

Примѣчаніе 2-е. Освѣщеніе въ разныхъ помѣщеніяхъ производится отъ начала вечера до 10 часовъ ночи; а тѣ, кто желаетъ заниматься своею работою далѣе 10 часовъ, приобрѣтаютъ освѣтительный матеріалъ на свой счетъ.

VI. Управленіе Пріютомъ.

§ 26. Пріютомъ завѣдываетъ особо учрежденный Комитетъ (§ 32) подъ наблюденіемъ Епархіальнаго Архіерея.

§ 27. Всѣ денежныя суммы, изъ какого бы они источника ни были получаемы на содержаніе Пріюта, поступаютъ въ Епархіальное Попечительство, а симъ послѣднимъ выдаются на всѣ потребности Пріюта по требованіямъ Комитета, на основаніи журналовъ онаго, утвержденныхъ Архіереемъ.

§ 28. Всѣмъ поступающимъ въ пользу Пріюта суммамъ Попечительство ведетъ особый спеціальный счетъ.

§ 29. Для сбора пожертвованій въ пользу Пріюта, деньгами или вещами, Попечительство разсылаетъ въ началѣ января мѣсяца ежегодно ко всѣмъ церковнымъ причтамъ епархіи, чрезъ окружныхъ благочинныхъ, подписныя листы въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ остается въ видѣ коніи съ подписями у благочинныхъ, а другой возвращается въ Попечительство вмѣстѣ съ пожертвованіями по полугодіямъ—въ началѣ іюля и въ началѣ января слѣдующаго затѣмъ года.

§ 30. Если спеціальныхъ, указанныхъ въ предыдущемъ § средствъ, будетъ недостаточно для содержанія Пріюта и живущихъ въ немъ, то Епархіальное Попечительство дополняетъ все недостающее изъ общихъ попечительскихъ суммъ.

§ 31. Одному изъ членовъ Попечительства, по назначенію Архіерея, поручается посѣщать Пріютъ, по возможности, не рѣдко и своимъ наблюденіемъ способствовать благоустройству заведенія во всѣхъ его частяхъ, представляя свои мнѣнія и предположенія Архіерею.

VII. О Комитетѣ завѣдующемъ Пріютомъ.

§ 32. Для ближайшаго завѣдыванія Пріютомъ учреждается особый Комитетъ изъ трехъ членовъ священниковъ слободы Деркачей, или, въ случаѣ нужды, изъ ближайшихъ приходовъ.

§ 33. Предсѣдательство въ Комитетѣ принадлежитъ тому изъ сихъ священниковъ, кому Епархіальный Архіерей предоста-
вить сіе званіе.

§ 34. Одному изъ членовъ Комитета поручается особо близкое и подробное наблюденіе за хозяйствомъ Пріюта, въ отношеніи завѣдыванія принадлежащею ему землею, лѣсомъ, садами, скотомъ, полевыми работами и проч.

§ 35. На Комитетъ возлагаются слѣдующія обязанности:

а) Комитетъ принимаетъ отъ Епархіальнаго Попечительства подлежащія на содержаніе Пріюта денежныя суммы и вещевыя пожертвованія.

б) Ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ составляетъ, въ двухъ экземплярахъ, смѣту на содержаніе Пріюта по всеѣмъ частямъ и представляетъ таковую Епархіальному Попечительству на разсмотрѣніе, которое, рассмотрѣвъ смѣту, съ своимъ заключеніемъ, представляетъ ее на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

в) Составляетъ и представляетъ по истеченіи года Епархіальному Архіерею отчеты: денежный, хозяйственный и о состояніи Пріюта во всеѣхъ отношеніяхъ: о лицахъ взрослыхъ въ немъ призрѣваемыхъ, о дѣтяхъ и состояніи устроенной для нихъ школы, объ учительницахъ, о служителяхъ и проч., съ объясненіемъ недостатковъ и нуждъ, какія откроются для благоустройства Пріюта. Отчеты Комитета разсматриваются въ ревизіонной Комиссіи, и по одобреніи оной, отдаются на храненіе въ Попечительство.

г) Комитетъ собирается по мѣрѣ надобности, но во всякомъ случаѣ, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ,—разсуждаетъ о нуждахъ Пріюта, предлагаетъ мѣры къ ихъ удовлетворенію и всеѣмъ своимъ собраніямъ и разсужденіямъ ведетъ журналы, которые за подписью всеѣхъ членовъ представляетъ Епархіальному Преосвященному.

Примѣчаніе. Для переписки бумагъ Комитетъ приглашаетъ писца изъ діаконовъ или псаломщиковъ, безмездно, или съ вознагражденіемъ изъ средствъ Пріюта.

VIII. Обязанности и поведеніе призрѣваемыхъ.

§ 36. Призрѣваемая, будучи проникнута глубокою и благоговѣйною благодарностію къ Богу за свое призрѣніе, не должны быть притязательными и требовательными ни въ пищѣ, ни въ чемъ другомъ, зависящемъ отъ средствъ Епархіальнаго Попечительства.

§ 37. Пользуясь доступнымъ по средствамъ Пріюта обезпеченіемъ, призрѣваемая должны безпрекословно, съ доброю совѣстію подчиняться всеѣмъ распоряженіямъ Начальницы и установленнымъ въ Пріютѣ порядкамъ, вести себя всегда скромно, честно и трезвенно, а предъ старшими и начальствующими почтительно и уважительно.

§ 38. Тѣ изъ призрѣваемыхъ вдовъ, которыя отличаются крѣпкимъ здоровьемъ и привычкою къ трудамъ, назначаются Начальницею для исполненія необходимыхъ работъ по уборкѣ комнатъ, по столовой, по кухнѣ и огороду, по молочному хозяйству и т. под. А вдовы, получившія образованіе въ Епархіальномъ училищѣ, или другихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимаются обученіемъ дѣтей въ школѣ наукамъ и рукодѣліямъ,—письмоводствомъ по порученіямъ Начальницы, присмотромъ за дѣтьми и т. под. Все же вообще въ свободное время могутъ заниматься рукодѣліями для себя и для дѣтей и, въ случаѣ возможности, брать работу со стороны и обращать заработанные деньги въ пользу свою и дѣтей.

§ 39. Обнаруживающія безпокойный, сварливый и неуживчивый характеръ, замѣченныя въ проступкахъ и неисправимыя увольняются изъ пріюта.

IX. О религіозныхъ упражненіяхъ призрѣваемыхъ.

§ 40. Божественная служба совершается въ церкви Пріюта во все воскресные, праздничные и царскіе дни непременно, а равно по средамъ и пятницамъ великаго поста.

§ 41. Всѣ призрѣаемыя, исключая больныхъ, обязуются быть въ церкви при богослуженіи въ показанныя дни неотступительно, а такъ же—говѣть въ великій постъ, а по желанію и въ другіе посты. Способныя изъ призрѣаемыхъ читаютъ и поютъ въ церкви, а учительницы пріучаютъ къ чтенію и пѣнію и дѣтей, такъ чтобы въ храмѣ Пріюта могъ быть свой хоръ.

§ 42. Ежедневно, когда не бываетъ богослуженія въ церкви, всѣ призрѣаемыя и дѣти собираются на общую молитву. Читаютъ молитвы по очереди вдовы и способныя дѣти.

Правила сіи утверждены Высокопреосвященнѣйшимъ Амвро-сіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 14 марта 1898 года за № 918.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1898 года.

Содержаніе. *Определеіе Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣстія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.*

Определеіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 4—17 февраля 1898 года за № 459, по вопросу о порядкѣ рукоположенія лицъ, назначаемыхъ на священнослужительскія мѣста въ церквамъ военнаго вѣдомства.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: рапортъ протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, отъ 19 января сего года за № 694, по вопросу о порядкѣ рукоположенія лицъ, назначаемыхъ на священнослужительскія мѣста въ церквамъ военнаго вѣдомства. Приказалъ: Обсудивъ возбужденный протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства вопросъ, Святѣйшій Синодъ находитъ, что указанный въ Синодальномъ определеніи, отъ 1—8 апрѣля 1897 г. за № 1158, порядокъ выдачи ставленныхъ грамотъ священнослужителямъ, рукополагаемымъ иноепархіальнымъ архіереемъ или викариемъ, тѣмъ епархіальнымъ архіереемъ, въ вѣдѣніе когото поступаютъ эти священнослужители, не можетъ быть примѣняемъ къ лицамъ, назначаемымъ священнослужителями по военному вѣдомству, такъ какъ военное духовенство не принадлежитъ къ определеннымъ епархіямъ, а находится лишь временно въ тѣхъ изъ нихъ, въ предѣлахъ коихъ квартируютъ воинскія части, пѣтушія священнослужителей, и посему, по существовавшему доселѣ порядку, определяемыя священнослужителями по военному вѣдомству лица обыкновенно рукополагались и получали ставленные

граматы въ епархіяхъ не по мѣсту ихъ назначенія, а по мѣсту предшествовавшей ихъ службы или жительства. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что такой порядокъ рукоположенія лицъ, опредѣляемыхъ на священнослужительскія вакансіи къ военнымъ церквамъ, является вполне согласнымъ съ дѣйствующими по военному вѣдомству распоряженіями и законоположеніями объ отпускѣ прогонныхъ денегъ на проѣздъ къ мѣсту назначенія священнослужителямъ по ихъ сану, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: относительно назначаемыхъ священнослужителями по военному вѣдомству лицъ сохранить и на будущее время существовавшій доселѣ порядокъ рукоположенія и выдачи имъ ставленныхъ граматъ не по мѣсту ихъ назначенія, а по мѣсту предшествовавшей ихъ службы или жительства; о чемъ, для руководства и исполненія по духовному вѣдомству, напечатать въ журналѣ «Церк. Вѣд.».

Епархіальныя извѣщенія.

Въ слоб. Карасовку опредѣленъ священникомъ діакономъ сол. Новой-Айдарн, Старобѣльскаго уѣзда, Георгій *Волобуевъ*.

— Священникъ Покровской церкви слоб. Карасовки, Харьковскаго уѣзда, Іосифъ *Волобуевъ*, 7 марта волею Божіею умеръ.

— Псаломщикъ Благовѣщенской церкви с. Богусловскаго, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Торанскій*, умеръ, а на его мѣсто перемѣщенъ, по прошенію, псаломщикъ с. Лмана, Зміевскаго уѣзда, Іоаниъ *Слюсаревъ*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Чудо милости Божіей.—Годичное собраніе Харьковскаго отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества.—Значеніе церковно-приходскихъ школъ въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ.—Новый способъ собесѣдованія со старообрядцами.—Секта скакуновъ.—По поводу нареканій на духовенство.—Мѣры взаимной помощи духовенства.—Сострадательное вниманіе архипастыря къ больнымъ проказою.—Стремленіе народа къ просвѣщенію.—Одно изъ средствъ распространенія среди народа книгъ.—Наблюденіе за нравственностію подростящаго поколѣнія.—Необходимость предупреденія развитія среди народа склонности къ свѣтскимъ развлеченіямъ.—Призрѣніе больныхъ и бѣдныхъ дѣтей.—Обученіе монаховъ уходу за больными.—Отношеніе лютеранъ къ своимъ пасомымъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—Движеніе среди французскаго духовенства къ освобожденію отъ папскаго вѣра.—Попытки англиканъ къ воссоединенію съ православнымъ постопомъ.—Избраніе сербскаго митрополита.

8-го марта совершилось великое чудо милости Божіей, имѣвшее мѣсто въ Курскомъ Знаменскомъ Коренномъ монастырѣ.

Вотъ какъ описываетъ это поразительное событіе корреспондентъ «Москов. Вѣд.»—8-го марта, около двухъ часовъ ночи, вся братія мужского Коренного монастыря во имя чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери была вдругъ разбужена какимъ то страшнымъ ударомъ, причемъ во всѣхъ келіяхъ дрожали окна, а келейникъ преосвященнаго Ювеналія, епископа Курскаго (нынѣ Литовскаго и Вилненскаго) былъ даже сброшенъ съ постели. Въ сильномъ испугѣ монашествующіе выбѣжали во дворъ. Преосвященный Ювеналій съ братіей обратились къ собору. Тамъ, при самомъ входѣ, охватилъ ихъ какой-то удушливый запахъ: весь соборъ былъ полонъ ѣдкаго дыма и гарн, отъ которыхъ захватывало дыханіе и гасли свѣчи. Немедленно послали за полиціей и за прокуроромъ, и страшная вѣсть о катастрофѣ мгновенно разнеслась по всему городу. Предъ взорами собравшихся въ соборъ всѣхъ представителей мѣстныхъ властей: губернатора, жандармскаго генерала, прокурора, полиціймейстера и другихъ—представлялась потрясающая картина. По всему полу собора были разбросаны поломанныя доски и разбитыя стекла, выпавшія, какъ потомъ оказалось, изъ верхнихъ оконъ купола съ пятнадцатисаженной высоты. Сѣверная массивная дверь собора была буквально вся разбита и выперта даже наружу. Стѣнная живопись и алебастръ были попорчены. Но болѣе всего была повреждена та сѣверная ниша, гдѣ постоянно находилась высокочтимая святыня—чудотворный образъ Коренной Божіей Матери. Эта ниша, въ формѣ большого кіота, изукрашенная орнаментами и священными медальонами, была буквально вся поломана; внутреннія золоченыя стѣнки ея и колонны были обожжены и выдвинуты наружу; всѣ лѣпныя работы и лампы были далеко отброшены въ сторону, даже дальше архіерейскаго амвона; желѣзная рѣшетка, находившаяся у подножія чудотворной иконы, была сорвана, а разбросанные во всѣ стороны порошки повредили стѣпную живопись не менѣе, какъ на шесть сажень отъ мѣста взрыва. Несмотря, однако, на всѣ эти поврежденія, которыя несомнѣнно могли произойти только отъ взрыва какого-нибудь сильнаго вещества, самъ драгоценный образъ шестисотлѣтней святыни, чудотворная икона Знаменія Божіей Матери—и на этотъ разъ явила намъ великое чудо и осталась на обгорѣвшихъ и поломанныхъ стѣнахъ цѣлою и невредимою. У ея кіота не было даже разбито стекло, несмотря на то, что взрывчатый аппаратъ несомнѣнно

былъ положенъ у самаго ея подножія. Скоро нашли и самый аппаратъ: небольшой бѣлый металлическій ящикъ въ формѣ продолговатаго портсегара, конечно, весь исковерканный, съ небольшими лишь слѣдами скрытаго механизма. По всѣмъ признакамъ, аппаратъ былъ подложенъ подъ послѣдними порожками у самой иконы во время всеобщаго богослуженія, которое наканунѣ продолжалось до десяти часовъ; при громадной многочисленной толпѣ молившихся и прикладывавшихся къ чудотворному образу во время всего долгаго богослуженія, злоумышленникъ могъ дѣйствовать совершенно незамѣтно. Не смотря на то, что дѣйствительные мотивы неслышаннаго преступленія пока еще не обнаружены, изъ всѣхъ уже выяснившихся признаковъ видно, что здѣсь преслѣдовались всякія, какія угодно, цѣли, только не грабительскія. Для послѣднихъ достаточно было бы только прозвѣсти переносъ въ толпѣ молящихся, или взломать наружную стѣну; но этого именно и не было: злодѣйскій аппаратъ былъ разсчитанъ на такое позднее время когда въ соборѣ уже не бываетъ молящихся, и подложенъ не подъ наружную стѣну, а напротивъ, внутри самаго собора, именно подъ тою святыней, уничтоженіе которой глубоко бы подѣйствовало на религіозное чувство народа. Какъ только въ городѣ и въ окрестностяхъ узнали о происшествіи, тысячныя толпы немедленно же потянулись къ собору, и благодарственные молебны у чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери не прерывались до послѣдняго времени, совершаясь съ утра до поздняго вечера. Въ Курскѣ царствуетъ невыразимое волненіе. И можетъ ли быть иначе? Но въ то же время какъ курскіе жители воочію видятъ то поразительное чудо, которое мы знаемъ только по описанію, они осязательно видятъ въ немъ и дѣло Десницы Божіей, они своими глазами видятъ одно изъ тѣхъ чудесъ святой иконы Знаменской Божіей Матери, о которыхъ сохранила столько разсказовъ исторія. 600 лѣтъ эта икона, непонятнымъ путемъ явившаяся въ 1295 году, охраняла Курскую землю отъ голода, отъ пашествія враговъ и всякими чудотвореніями проявляла милость Божию вѣрующимъ. Въ 1383 Татары разрубили святую икону, бросивъ одну половину ея въ огонь, а другую откинувъ въ сторону. Но не сгорѣла чудотворная святыня и, много лѣтъ спустя, опять во всей цѣлости предстала предъ вѣрующими. Нашимъ днямъ было суждено увидѣть такое же чудо среди обстоятельствъ, еще болѣе исключаящихъ всякое человѣческое объясненіе. Ад-

скам машина съ динамитомъ положена была такъ, чтобы взрывъ ея въ прахъ разрушилъ священное и чудотворное изображеніе. Злодѣйство осталось не предупрежденнымъ никакою человѣческою силой, и страшный взрывъ дѣйствительно сокрушилъ вокругъ все, что было въ непосредственной близости со святою иконой, и все, что было дальше на разстояніи даже 16 сажень. Лишь святая икона Пресвятой Богородицы, предметъ покушенія, осталась нетронутою, незадѣтою,—не повреждено даже стекло кіота ея! Видно не забываетъ и не оставляетъ насъ Богъ, несмотря на весь развратъ ума и чувства, позорящій Россію въ наши дни! Давно не слыхано было на Руси о столькихъ чудотворныхъ явленіяхъ, какъ бы напоминающихъ намъ, что есть Богъ живой, Котораго, по слѣпотѣ или по разврату сердца, стараются отрицать столь многіе. Не грозною карой, а чудомъ—Промыслъ Божій старается вразумить насъ. Неудивительны безковечныя умиленные молебствія, непрекращающіяся нынѣ передъ святымъ ликомъ Богоматери, Защитницы рода христіанскаго. Благодарственная молитва льется изъ сердца народнаго, и что не присоединится къ ней?

Это гнусное свитотатство до глубины души возмутило всѣхъ, у кого жива русская православная душа. „Не знаешь, чему болѣе удивляться, писалъ по этому поводу «Моск. Вѣд.»,—безумиой ли злобѣ неизвѣстнаго злоумышленника, или милости Божіей, въ такую минуту вразумляющей Россію новымъ чудомъ, новымъ свидѣтельствомъ вѣчно-живой и дѣйствительной силы Божіей. Но чѣмъ сильнѣе является милость Божія и Заступицы нашей Божіей Матери, тѣмъ болѣе страшна становится мысль о томъ, какими безчисленными оскорбленіями Воли Божіей пореожнена наша земля. Всѣ формы отрицанія Бога, Его закона, Его велѣній, всѣ виды духовнаго заблужденія распространяются повсюду. Грубый матеріализмъ соціалыстовъ чередуется съ утонченными антихристіанскими ученіями „интеллигентнаго сектанства“, фанатично-развращающаго народъ. Какъ много за послѣдніе годы было случаевъ пзувѣрнаго сектантскаго поруганія святыхъ иконъ! И вотъ въ области этихъ вліяній ужъ возможно стало столь злодѣйское событіе! Пора, очень пора намъ почувствовать, пора всѣмъ паться за очищеніе народныхъ чувствъ, народнаго разума, за цѣлостное возсозданіе идеаловъ Святой Руси. Велика милость Божія, но нельзя забывать и справедливости Божіей. Нужно подумать во время о томъ, какъ бы не стать въ конецъ недостойнымъ милос-

ти". — „Потрясающее впечатлѣніе произвела въ нашей столицѣ курская телеграмма о взрывѣ въ Знаменскомъ монастырѣ“, пишетъ «Нов. Вр.» — „Куда дѣвалась обычная сдержанность всегда нѣсколько холоднаго и скептическаго Петербурга? Онъ встрепенулся, онъ взволнованъ, онъ оживленно говоритъ о необыкновенномъ событіи. Говорятъ, между прочимъ, что будетъ распоряженіе о празднованіи этого событія служеніемъ благодарственныхъ молебствій во всѣхъ храмахъ и на Знаменской площади, на которой уже сегодня замѣчалось большое движеніе, своего рода паломничество къ находящейся здѣсь Знаменской церкви. Вспоминается аналогическій случай, бывший года два назадъ въ парижскомъ соборѣ св. Мардалии (Madeleine), гдѣ взрывъ, какъ извѣстно, не удался и тѣмъ не менѣе поднялъ на ноги весь Парижъ, горячо откликнувшійся на призывъ архіепископа парижскаго — собраться въ храмы для благодарственной молитвы. Невольно думается: если таково впечатлѣніе этого событія здѣсь, въ обществѣ, удѣляющемъ сравнительно немного своего времени и чувства дѣламъ вѣры, то каково же это впечатлѣніе тамъ, на „Святой Руси“, въ обществѣ, сохранившемъ больше душевной теплоты и непосредственности въ дѣлахъ вѣры! Мы говоримъ не о чудѣ, ибо неисправимыхъ скептиковъ, по слову Христа, можетъ не вразумить даже знаменіе Іоны-пророка, предсказавшаго гибель Ниневіи; мы говоримъ о впечатлѣніи, которое производятъ это чудо въ народной массѣ и которое своей реальностью неуязвимо ни для какого скептицизма. Это впечатлѣніе огромное, и оно неоспоримый фактъ, — одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которыми совершается великое таинство претворенія миллионовъ отдѣльныхъ людей разныхъ классовъ, положеній, состояній и проч. въ крѣпкое духовное единство, послушное однимъ и тѣмъ же высшимъ побужденіямъ и одинаково отзывающееся на опредѣленнаго рода нравственныя требованія. Такъ, безъ сомнѣній, совершался въ теченіе вѣковъ таинственный процессъ образованія общественнаго союза, сплываго всего болѣе духовнымъ сродствомъ всѣхъ элементовъ, его составляющихъ. Русский народъ сплывался и продолжаетъ сплываться главнѣйше своею вѣрою, своими общими святынями, своею религіозностью, питаемой изъ общаго источника, и вотъ этому-то творческому процессу внутренней народной жизни какую возбуждающую силу должно дать впечатлѣніе событія, вызвавшаго настоящія строкки! Злодѣйство небывалое совершено въ храмѣ, совершено противъ

народной свитыи, которая много вѣковъ чтилась народомъ и прославлена чудесами. Безуміе и это, или преступленіе разсчитанное, злобное, ненавистпяческое, но оно направлено противъ народа, противъ его вѣроваій, противъ его ирябѣща въ болѣзняхъ, скорбяхъ, несчастіяхъ“.

— 15 марта, въ 1 ч. дня, въ покояхъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго, состоялось общее годовичное собраніе Харьковского отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества. Собраіе открылось ивнїемъ стиха: „Днесь благодать св. Духа нась собра“, исполненыхъ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ г. Ведринскаго. Заспмъ иредсѣдатель Харьковского комитета миссіонерскаго Общества, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумскій, пригласилъ собраіе выслушать отчетъ названнаго комитета за 1897 г. (18-й г. его существованія). Въ 1897 г. комитетъ составляли: 1) Предсѣдатель комитета Преосвященнѣйшій Петръ, Епископъ Сумскій; 2) товарищъ предсѣдателя М. А. Денисовъ и 3) члены: а) протоіерей о. Тимофей Павловъ, б) протоіерей о. Іоаннъ Чижевскій, в) протоіерей о. Андрей Дюковъ, г) протоіерей о. Стефанъ Любвцкій, д) протоіерей о. Тимофей Буткевичъ, е) М. И. Звѣринскій, ж) И. К. Велитченко и з) Е. Д. Школяренко; казначей комитета, протоіерей о. Василій Поповъ, п дѣлопроизводитель Г. М. Макухинъ. Дѣйствительныхъ членовъ православнаго миссіонерскаго Общества въ Харьковской епархіи въ 1897 году состояло 863, въ томъ числѣ 28 лицъ, обезпечившихъ свои членскіе взносы вкладомъ на вѣчное время. Дѣятельность комитета въ отчетномъ году выражалась: а) въ принятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и б) въ исполненіи порученій совѣта православнаго миссіонерскаго Общества. Принятіе, храненіе и расходованіе суммъ производились въ установленномъ порядкѣ. Поступившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Св. Синода отъ 5-го февраля 1883 года, за № 3-мъ вкладывались для иращенія процентамъ въ Харьковскую контору государственнаго банка. Движеніе суммъ комитета въ отчетный годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Оставалось отъ 1896 года: 1) непрекосновеннаго капитала 2340 руб., 2) запаснаго капитала 3462 руб. 45 коп. и 3) расходной суммы 4366 руб. 98 коп., итого 10169 руб. 43 коп., изъ нихъ наличными 7829 руб. 43 коп. и билетами 2340 руб. Въ 1897 году поступило: 1) членскихъ взносов 2518 р., 2) едновременныхъ пожертвованій 1447 руб. 30 коп.,

3) сбора въ недѣлю православія 1661 р. 49 к., 4) кружечнаго сбора 987 р. 54 к. и 5) о/о съ капитала комитета 183 р. 63 к., итого 6997 р. 96 к., а съ остаточными отъ 1896 года 17167 р. 39 к. Израсходовано въ 1897 году: 1) по распоряженію совѣта православнаго миссіонерскаго Общества отослано въ г. Читу начальнику Забайкальской области 200 р. 75 к. Осталось къ 1898 году; 1) неприкосновенно капитала 2340 р., 2) запаснаго капитала 3321 р. 79 к. и 3) расходной суммы 3463 р. 76 к., итого 9125 р. 55 к., въ томъ числѣ наличными 6785 р. 55 к., хранящимися въ конторѣ банка на безсрочномъ вкладѣ, и билетами 2340 р. По выслушаніи отчета произведены были выборы трехъ лицъ для повѣрки отчета комитета въ финансовомъ отношеніи. Избранцами оказались: архимандритъ Іосифъ, священникъ о. Николай Любарскій и священникъ о. Андрей Балановскій. Во время выборовъ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ г. Ведринскаго, исполненъ былъ концертъ. Предъ закрытіемъ собранія, Высокопреосвященный Амвросій обратилъ вниманіе собранія на уменьшеніе средствъ Харьковскаго отдѣленія миссіонерскаго общества въ истекшемъ году; уменьшеніе это довольно значительно, около 1000 р., что составляетъ жалованье почти цѣлаго миссіонерскаго причта. Принимая во вниманіе обиліе церковныхъ сборовъ на разныя благотворительныя цѣли, какъ постоянныя, такъ и случайныя, Владыка не ставилъ въ упрекъ обществу фактъ уменьшенія его средствъ, но тѣмъ не менѣе признавалъ этотъ фактъ печальнымъ, почему и обратился къ присутствующимъ съ просьбой: не дасть-ли кто добраго совѣта, какимъ способомъ можно было-бы противостоятъ вышеупомянутому печальному явленію. На этотъ вопросъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ было высказано желаніе, чтобы приходскіе священники и церковныя старосты приложили болѣе усердія въ превлеченіи какъ пожертвованій на дѣло миссіонерскаго общества; такъ и членовъ его. Высокопреосвященный Амвросій въ заключительномъ словѣ своемъ, обращенномъ къ собранію, указалъ на то, что дѣло обращенія въ христіанство людей, не просвѣщенныхъ свѣтомъ ученія Христова, выше всякаго дѣла благотворенія. Посему ревнители его должны совершить нѣкоторый нравственный подвигъ и, отбросивъ ложную стыдливость, болѣе усердно обращаться съ просьбами о пожертвованіяхъ на это святое дѣло. Не надо только никого стѣснять размѣрами жертвуемой суммы, помня, что изъ копѣекъ составляются милліоны. Народъ нашъ добръ, деньги у насъ есть и, при усердіи и искусствѣ

ревнителей мисіонерскаго общества, легко поддерживать святое дѣло которому оно служить. За сѣмъ собраніе объявлено закрытымъ до будущаго 1899 года, или до ссобога чрезвычайнаго случая ранѣе сего срока и заключено пѣніемъ «Достойно есть»...

— «Изв. по Казан. Еп.» посвящаютъ одну изъ своихъ статей вопросу о значеніи церковно-приходской школы въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ. „Церковно-приходская школа, ипшетъ названный журналъ, какъ показывается самое названіе, есть школа, устроенная или при самомъ храмѣ, или вблизи его и находящаяся въ непосредственномъ завѣдываніи пастырей Христовой Церкви. Здѣсь обученіе дѣтей ведется въ духѣ церковномъ: учащіе заботятся не о томъ, чтобы сообщить ученіямъ какъ можно больше знаній, но чтобы чрезъ все изучаемое ввѣдрить въ сердце дѣтей страхъ Божій, научить ихъ истинному богопочтенію, утвердить въ непоколебимой преданности православнои вѣрѣ и Церкви, престолу и отечеству. Соотвѣтственно этой цѣли главное вниманіе обращено на изученіе Закона Божіа—Священной исторіи Ветхаго и Новаго Заваѣта, молитвъ, катихизиса и объясненія Богослуженія, а также церковнаго пѣнія. Церковно-приходская школа—второй храмъ: въ ней уроки ежедневно начинаются и оканчиваются пѣніемъ молитвъ; во время преподаванія Закона Божіа предъ иконою горитъ лампада; самое обученіе проникнуто благоговѣніемъ, сердечностію и отеческою задушевностію. Дѣтей, обучающихся въ ней, водятъ каждый праздникъ въ церковь, ставятъ рядами впереди, чтобы они ввѣдали все совершающееся за богослуженіемъ, что потомъ и объясняется имъ законоучителемъ въ школѣ. Нѣкоторые ученики участвуютъ въ богослуженіи: подаютъ кадило, выносятъ свѣчп, поютъ и читаютъ на клиросѣ. Отрадво ввѣдѣть дѣтей съ учителемъ на клиросѣ, славословищихъ чистыми и ипжпыми дѣтскими голосами Господа. Вместе съ тѣмъ, чтобы предохранить дѣтей отъ ипѣшняго только выполненія хрестіанскихъ обязанностей, отъ неразумной привязанности къ обрядамъ, воспитатели при каждомъ удобномъ случаѣ выисниютъ своимъ юнымъ питомцамъ, въ чемъ состоитъ истинная вѣра Христова. Не тотъ истинный есть хрестіанинъ, неосустятельно внушаютъ дѣтямъ, кто исполняетъ заповѣди св. церкви только ипѣшнимъ образомъ, какъ простую обязанность и не обуздываетъ порочныхъ страстей и наклонностей и грѣшитъ почти на каждомъ шагу, а тотъ, кто выше служитъ Богу и тѣломъ и душою: исполняя въ точности всѣ уста

вы св. церкви, онъ постоянно внутренно совершенствуется, ула-
няется отъ всего порочнаго и творитъ одно доброе. Для воспита-
нія и утвержденія въ дѣтяхъ добраго истинно-христіанскаго на-
строенія имъ даютъ для чтенія священныя и духовныя книги.
„И вотъ ученика церковно-приходской школы, пытаемые подъ
покровомъ церкви словеса вѣры и добрымъ учепіемъ (1 Тим. 4,
6) и обучая себе благочестіемъ (— 7 ст.), при благодатномъ воз-
дѣйствіи церковныхъ молитвъ, иꙗснонѣшій и священподѣйствій,
восприимають преподаваемые имъ уроки не умомъ только, но и
сердцемъ и всею душою, съ любовью и благоговѣніемъ, какъ пре-
мудрость, яже свыше (Іак. 3, 17), какъ путеводныя начала и пра-
вила для всей послѣдующей ихъ жизни“ (Прогр. церковно-при-
ходскихъ школъ 29 стр.), становятся истинными сынами Святой
Христовой церкви и государства, свято соблюдающими благоче-
ствыя обычаи предковъ, неопустительно исполняющими граж-
данскія обязанности и непоколебимо содержащими православную
вѣру. Таково религіозно-просвѣтительное значеніе церковно-при-
ходской школы. Не трудно видѣть, какое благотворное вліяніе мо-
жетъ производить она на дѣтей раскольниковъ. Дѣти, поступая
въ школу въ такое время, когда еще сердце ихъ сохраняетъ всю
впечатлительность дѣтскаго возраста, а умственныя способности
только начинаютъ развиваться, когда они еще не успѣли зара-
зиться всѣми лжеумствованіями раскольническими и не привыкли
еще предубѣжденно относиться къ православной церкви, съ пер-
выхъ же дней ученія легко усвояютъ истинное православное уче-
ніе вѣры. Въ школѣ они узнаютъ, что истинное христіанство за-
ключается не во внѣшности, не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, а въ
точномъ исполненіи и соблюденіи всего вѣроученія и нравоученія
христіанскаго. Съ другой стороны, дѣти старообрядцевъ, видя, что
ихъ православные сверстники и товарищи по школѣ ходятъ въ цер-
ковь, принимаютъ дѣйтельное участіе въ богослуженіи, начинаютъ
и сами посѣщать храмъ Божій, любить его, а дома восхвалять
благочестіе христіанскаго богослуженія. А въ такимъ дѣтямъ едва-
ли уже привьются сѣмена раскола. Болѣе благоразумныя и рѣши-
тельныя изъ нихъ переходятъ въ православіе—иногда прогнѣвъ
желанія родителей—и другихъ убѣждаютъ послѣдовать ихъ при-
мѣру. Другіе же, хотя еще и долго остаются въ расколѣ, но не
бываютъ такими фанатиками, какъ ихъ предки. Притомъ въ шко-
лахъ, находящихся въ приходахъ съ старообрядческимъ населе-

ніемъ, приобрѣтаются протнвораскольническія сочлененія и выдаются для чтенія ученикамъ. Дай Богъ, чтобы этихъ сочиненій было побольше въ такихъ школахъ и чтобы они читались какъ обучающимися въ школахъ, такъ и взрослыми старообрядцами. И протнвораскольническими миссіонерамъ гораздо легче бесѣдовать съ грамотнымъ старообрядцемъ. Неграмотный мужичекъ старообрядецъ не можетъ доказывать истинность своего ученія на основаніи книгъ, такой старообрядецъ упорнѣе стоитъ на своемъ и не довѣряетъ доказательствамъ миссіонера въ пользу православной церкви, къ которой онъ относится съ предубѣжденіемъ. А съ грамотнымъ старообрядцемъ, особенно же съ такимъ, который обучался въ церковно-приходской школѣ, въ которомъ уже заложены сѣмена истиннаго христіанскаго ученія, бесѣдовать миссіонеру можно на основаніи книгъ, и его гораздо скорѣе можно убѣдить въ истинѣ. Можно надѣяться, что, если старообрядцы будутъ охотнѣе отдавать дѣтей своихъ въ наши школы, то расколъ скорѣе будетъ уменьшаться. Къ нашему утѣшенію, и сами раскольники, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ оо. миссіонеры, заботятся о томъ, чтобы среди нихъ было побольше людей грамотныхъ, и начинаютъ отдавать своихъ дѣтей въ наши церковно-приходскія школы. Правда, наиболѣе фанатичные изъ нихъ доселѣ чуждаются нашей школы, но, Богъ дастъ, со временемъ фанатическое, враждебное отношеніе раскольниковъ къ православной церкви прекратится и тогда всѣ дѣтя старообрядцевъ будутъ воспитываться съ православными подъ благодатнымъ кровомъ св. церкви“.

— Въ томъ же журналѣ о. пр. Соколовскій разсматриваетъ существующій доселѣ методъ собесѣдованія миссіонеровъ со старообрядцами. По словамъ почтеннаго автора, „методъ, котораго держались и до сего времени держатся многіе миссіонеры въ своихъ бесѣдахъ съ старообрядцами, главнымъ образомъ заключается въ указаніяхъ свидѣлствъ изъ книгъ исключительно уважаемыхъ старообрядцами; поэтому его можно назвать методомъ бібліографическимъ, или, попросту, книжнымъ. Состоитъ онъ въ томъ, что обѣ стороны—и миссіонеръ и старообрядцы—по тому или другому спорному вопросу вычитываютъ изъ книгъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ доказывается правильность или неправильность принятаго тою или другою стороною мнѣнія о трактуемомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, старообрядцы, доказывая правильность чтенія восьмого члена Символа вѣры съ словомъ „истиннаго“, вычитываютъ изъ книгъ всѣ тѣ

свидѣтельства, гдѣ этотъ членъ читается съ этимъ словомъ. Миссіонеры наоборотъ: они указываютъ съ своей стороны всѣ тѣ книги и всѣ мѣста изъ книгъ, гдѣ восьмой членъ читается безъ „истиннаго“. Здѣсь, очевидно, вопросъ такъ и остается вопросомъ и, конечно, онъ не получитъ надлежащаго разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока миссіонеры будутъ употреблять только что указанный книжный методъ. Тѣмъ же методомъ ведутся бесѣды и при разсмотрѣніи другихъ спорныхъ вопросовъ. Что сказать объ этомъ методѣ? Онъ добръ сослужилъ свою службу, оказавъ дѣлу миссіи великую пользу. Но при этомъ нельзя не видѣть, что такой методъ, при всей своей легкости и удобности, уже слишкомъ одностороненъ и узокъ, такъ сказать, сухъ и безсодержателенъ. Въ виду этого было бы благопотребнымъ нѣсколько расширить рамки миссіонерскихъ бесѣдъ, исполнивъ ихъ такимъ содержаніемъ, которое вліяло бы, главнымъ образомъ, на подъемъ религіозно-церковнаго сознанія народа. Въ самомъ дѣлѣ, что даемъ мы народу нашими бесѣдами? Содѣйствуемъ ли мы при развитіи его религіознаго сознанія? Конечно содѣйствуемъ, но покуда немного“. Для доказательства о. Соколовскій указываетъ на одну бесѣду о крещеніи, неоднократно имъ слышанную. Бесѣда эта каждый разъ длилась около трехъ часовъ и вся она—отъ начала до конца—состояла лишь въ указаніи несходствъ чинопослѣдованій таинства крещенія, употребившихся при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ и—больше ничего. О самомъ же крещеніи, какъ таинствѣ не проронено во всѣ три часа собесѣдованія ни единого слова. Между тѣмъ, по мнѣнію о. Соколовскаго, при разсмотрѣніи чинопослѣдованія крещенія, помимо книжныхъ несходствъ по изданіямъ его при означенныхъ патріархахъ, какъ бы умѣстно и благопотребно объяснить въ послѣдовательномъ порядкѣ: что есть таинство вообще; сколько ихъ; кто ихъ установилъ; когда и гдѣ; что въ крещеніи тайнаго и почему оно называется таинствомъ; въ чемъ оно заключается; когда спускаться на крещаемую благодать Духа Святаго; какой грѣхъ снимается съ человѣка при крещеніи; почему онъ называется первороднымъ; въ чемъ заключается грѣхъ Адама и Евы и т. д. и т. д. Отвѣты на означенные вопросы въ дѣлѣ раскрытія религіознаго сознанія народа, конечно, весьма важны, поэтому на бесѣдахъ, какъ о крещеніи, такъ и о другихъ предметахъ, было бы благопримѣрнымъ давать мѣсто ученію не только церковно-обрядовому, но и катихизическому, и каноническому, и церковно-исто-

рпическому. То же должно сказать и о бесѣдахъ о двуперстїи и троеперстїи. Здѣсь повторяются тѣ же приемы. На бесѣдахъ можно передать слушателямъ много такихъ благопотребныхъ свѣдѣній, о которыхъ они никогда, можетъ быть, не слыхали и о которыхъ во всю жизнь ни отъ кого, пожалуй, не услышатъ. Бесѣда съ подобнымъ содержаніемъ не слышишь и въ печати не встрѣчаешь. А это—пробѣлъ и пробѣлъ существенный.

— «С.-Пет. Дух. Вѣстп.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о сектѣ скакуновъ, существующей въ Петергофскомъ уѣздѣ. Собранія сектантовъ происходятъ въ намѣченной деревнѣ, куда они собираваются во главѣ съ наставникомъ; найди подходящій домъ, наставникъ становится за столъ. Мужчины одѣваются на себя бѣлыя, длинныя, безъ пояса, рубашки, а женщины—поверхъ платья, бѣлыя, широкія и длинныя кофты. Затѣмъ начинается пѣніе псалмовъ на финскомъ языкѣ, составленныхъ самими же сектантами. Въ псалмахъ этихъ они прославляютъ свою вѣру, себя воображаютъ не иначе, какъ чистыми и свитыми,—всѣхъ же остальныхъ чернятъ какъ только можно; «у насъ только лѣстница на небо»—любимое выраженіе сектантовъ. Во время пѣнія наставникъ весь въ движеніи,—машетъ руками, стучитъ и проч. Но вотъ онъ выходитъ изъ за стола; его тотчасъ всѣ присутствующіе окружаютъ и начинается общее прыганіе. Каждый старается изъ всѣхъ силъ, издавая при этомъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, порой—похожіе на крикъ курицы, а иногда и на лай собаки; кто реветъ, кто стоиетъ, кто воетъ,—все сливается въ какой-то хаосъ, а въ общемъ получается очень страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелая картина. Невольно, по закону контраста, вспоминаются слова св. апостола: «вся вамъ по чину и благообразно да бываетъ» (1 Кор. XIV, 40). Скачутъ сектанты до изнеможенія; нѣкоторые изъ нихъ падаютъ, прикрываются простынею,—отдохнуть немного и опять принимаются за старое. Продолжительность скачки въ ихъ глазахъ является достоинствомъ. Старые же изъ нихъ или стоятъ по одиночкѣ, перемѣняясь съ ноги на ногу, или найдя себѣ подходящую пару—обнимаются и покачиваются изъ стороны въ сторону. Секта скакуновъ въ Петергофскомъ уѣздѣ существуетъ преимущественно, если не сказать—исключительно, среди чухонъ-лютеранъ. Православная же среда относится къ ней весьма несочувственно, а молодежь—даже насмѣшливо. Такъ, послѣдняя, напр., заходитъ иногда на собранія сектантовъ съ гармошкой и бубномъ и под-

дѣлывается подъ ихъ цѣліе, причѣмъ все это сопровождается потокомъ браанныхъ словъ со стороны сектантовъ и шутками постороннихъ посѣтителей. Книжъ сектанты на собраціяхъ въ прежніе годы не читали, но съ 1897 г. у нихъ откуда-то появилась толстая книга, съ которой и возятся теперь. На основапіи якобы сей книги они въ концѣ прошлаго года утверждали, что 1 января 1898 г. не будетъ дневнаго свѣта; день будетъ темень, какъ ночь. Когда же въ означенный день возсіялъ дневной свѣтъ, то находчивые сектанты успокоили себя тѣмъ, что ожидаемая ими темнота непремѣнно гдѣ-нибудь да была. На основаніи той же толстой книги сектанты утверждаютъ, что на второй день Пасхи въ этомъ году будетъ свѣтопреставленіе. Притимательною силой къ сектанству служатъ братства, дѣятельность которыхъ выражается, главнымъ образомъ, въ матеріальной помощи.

— Журналъ «Страшикъ», обращая вниманіе на нареканіи противъ духовенства, пишетъ слѣдующее: „Несмотря на многія заслуги православнаго духовенства предъ Россією, не въ рѣдкость встрѣтить порицаніе и чуть-ли не примую травлю православнаго духовенства со стороны глашатаевъ полнѣйшаго безразличія въ дѣлахъ вѣры и церкви и вмѣстѣ отрицателей и разрушителей историческихъ устоевъ жизни русскаго народа. Примѣръ этихъ глашатаевъ дѣйствуетъ заразительно и на все наше общество, особенно на тѣхъ членовъ изъ среды его, которые, не отличаясь собственной разсудительностію и во всемъ подчиняясь чуждому мнѣнію, въ жизни и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ слѣдуютъ только тому, что имъ скажетъ послѣдняя книга, особеппо книга подпольнаго издѣлія и съ явно антихристіанскимъ и антигосударственнымъ отгѣпками. Глашатаи безразличія въ дѣлѣ вѣры въ своихъ порицаніяхъ и нападкахъ на православное духовенство исходятъ изъ своего затаеннаго стремленія во что бы то ни стало подорвать и ослабить значеніе и авторитетъ его въ глазахъ православнаго русскаго населенія и прибѣгаютъ къ разнаго рода уловкамъ и затуманенію своихъ затаенныхъ цѣлей. Они червѣко надѣваются на свою волчью натуру овечью шкуру и, подъ видомъ радѣтелей о подъемѣ прѣстѣжа духовенства, изыскиваютъ всевозможныя поводы, чтобы такъ или иначе лягнуть своимъ ослпнымъ копытомъ во многомъ неповинное - духовенство. Простодушные и легковѣрные русскіе люди, не умѣющіе самостоятельно мыслить и разсуждать, не въ состояніи разобраться въ злоухищреніяхъ этихъ

волковъ въ овечьихъ шкурахъ и начинаютъ со своей стороны предъавлять православному духовенству разнаго рода требованія. Къ толкамъ же тѣхъ и другихъ невольно прислушиваются даже благомыслящіе православные люди и тоже, со своей стороны, выступаютъ съ нѣкоторыми претензіями по отношенію къ духовенству. Кажется, всѣ эти требованія къ духовенству, исходящія отъ разныхъ претендентовъ по отношенію къ духовенству, могутъ быть сведены къ немногимъ существеннымъ. Къ православному духовенству предъавляются запросы и требованія иногда чрезвычайно высокіе и, можно сказать, идеально-чистые, но не рѣдко и крайне низменныя, мелочныя и ничтожныя. Судя по однимъ изъ этихъ требованій православное духовенство какъ будто не принадлежитъ даже къ человѣческому роду и живетъ и дѣйствуетъ не на землѣ, а на небѣ, и является, или, по крайней мѣрѣ, должно быть подобно небожителямъ. По другимъ же запросамъ, оно обязано всецѣло погрузиться въ житейскій омутъ, внимать и дѣятельно входить во всѣ нужды и требованія православнаго народа и въ буквальный смыслъ слова быть всѣмъ вся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ между различными классами и сословіями нашего общества трудно даже указать какой-либо другой классъ, по адресу котораго слышалось бы столько пасмѣшекъ и расточалось бы такъ много укоризнъ и порицаній, какъ именно на наше православное духовенство. Въ своихъ запросахъ и требованіяхъ по отношенію къ православному духовенству наше благомыслящее общество,—сознательно или безсознательно,—исходитъ изъ апостольскаго завѣта пастырямъ церкви Христовой, выраженнаго словами: «образъ буди вѣрнымъ». Основываясь на этомъ завѣтѣ, оно желаетъ видѣть въ нашемъ духовенствѣ образцы, достойныя подражанія во всемъ, и прямо и косвенно требуетъ, чтобы всею своею жизнію и дѣятельностію духовенство являло собою такіе образцы. Разумѣется, такое воззрѣніе на духовенство, высказываемое особенно людьми вполнѣ почтенными и благомыслящими, заслуживаетъ полнаго сочувствія и признательности. Но несчаствіе большинства членовъ нашего общества заключается въ томъ, что оно не признаетъ и не хочетъ знать всего объема тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на пастыряхъ православной церкви и въ исполненіи которыхъ общество должно подражать своимъ пастырямъ. Вслѣдствіе этого, отмѣченное выше воззрѣніе на наше православное духовенство въ дѣйствительной жизни весьма часто неправильно истолковывается,

очень ограниченно понимается, и къ православному духовенству зачастую предъявляются требованія мелочныя, незначительныя, иногда и совсѣмъ странныя, вызывающія одни только взаимныя недоразумѣнія“. Указавъ затѣмъ на то, что кругъ обязанностей православнаго пастыря сводится къ тремъ главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ: священнослужительству, учительству и руководительству паствы, журналъ продолжаетъ: „Къ сожалѣнію, большинство современнаго намъ общества въ своихъ требованіяхъ отъ православнаго духовенства не принимаетъ въ расчетъ главныхъ и существенныхъ обязанностей истиннаго пастыря церкви Христовой, или, по крайней мѣрѣ, не усвоитъ этимъ обязанностямъ того значенія, какое имъ подобаетъ. Если всмотримся въ наличныя требованія отъ православнаго духовенства, то увидимъ, что въ нихъ современное общество, даже наиболѣе благомыслящее и христіански настроенное, чаще всего выказывается за желательность безукоризненнаго исполненія духовенствомъ какой-либо одной изъ указанныхъ обязанностей его. Такое признаніе какъ-бы второстепеннаго значенія за другими обязанностями нерѣдко сопровождается даже и полнымъ непризнаваніемъ этихъ обязанностей пастыря, а побуждаетъ насомыхъ всецѣло сосредоточивать свое вниманіе только на нравственной личности пастыря, какъ рядового человѣка, на его образъ жизни и на поведеніе. Легко понять, что такое направленіе общества въ оцѣнкѣ пастырской дѣятельности неизбежно повлечетъ за собою односторонность сужденій и воззрѣній на православное духовенство,—что сплошь и рядомъ приходится теперь наблюдать въ выражаемыхъ гласно мнѣніяхъ современнаго намъ общества. Съ точки зрѣнія своего личнаго и неправильнаго пониманія пастырскихъ обязанностей, современное наше общество въ дѣятельности православнаго духовенства многое признаетъ неправильнымъ и не имѣющихъ для себя основаній. Неудивительно потому, что когда оно требуетъ отъ духовенства стоянія на подобающей его сану высотѣ в держанія знамени непреклоннымъ и вѣчѣмъ не закрытымъ, то и въ самое понятіе образцоваго человѣка, какъ въ устроеніи личной жизни, такъ и въ отношеніяхъ къ паствѣ и всѣмъ людямъ вообще, приносятъ элементы, не сродные и чуждые самому понятію. Отсюда и происходятъ, что нерѣдко безукоризненный и образцовый православный священникъ по понятію духовной власти и православнаго духовенства объявляется со стороны современнаго

общества человѣкомъ нерѣдко предосудительнаго и даже зазорнаго образа жизни; наоборотъ, хвалимый и превозносимый современнымъ обществомъ православный священникъ нерѣдко оказывается заслуживающимъ назиданій и даже порицаній со стороны духовной власти⁴. Въ заключеніе журналъ указываетъ на то, что „сказаннымъ не имѣется въ виду обѣлять православное духовенство во что бы то ни стало и отвергать присутствіе въ его средѣ, какъ и во всякой другой человѣческой средѣ, лицъ недостойныхъ и порочныхъ, позорящихъ цѣлое сословіе. Здѣсь указываются только основы различныхъ оцѣнокъ православнаго духовенства со стороны общества, какъ источники, изъ которыхъ возникаютъ различныя несправедливыя нареканія на наше духовенство и которыми объясняется происхожденіе довольно частой и разнообразной лжи на православное духовенство“.

— Съ цѣлю взаимной помощи, духовенствомъ въ вятской епархіи учреждена взаимовспомогательная касса, которая въ минувшемъ году имѣла, по сообщенію «Вятск. Губ. Вѣд.», слѣдующіе обороты. Поступило: разрядныхъ взносовъ 17.814 руб., добровольныхъ пожертвованій 637 руб. 9 коп., ⁰/₁₀₀ на капиталы 8.435 руб. 46 коп., взносовъ духовенства за пользованіе казенною квартирою 3.515 руб. 50 коп., ²⁰/₁₀₀ сбора на причтовые капиталы 249 руб. 14 коп., взносовъ получающихъ награды 1.142 руб., взносовъ лицъ, добровольно переходящихъ съ одного мѣста на другое и производимыхъ въ санъ діакона, іерея и протоіерея 848 руб., ^{2 1}/₂₀₀ сборъ съ церковныхъ суммъ 11.135 руб. 47 коп., другихъ поступленій 427 руб. 5 коп., а всего 44.203 руб. 71 коп. Расходъ въ означенное время простирался до 3.102 руб. 74 коп. Остатокъ суммъ къ началу текущаго года выразился 237.149 руб. 49 коп.

— Вблизи Вилюйска есть колонія и выселокъ прокаженныхъ. Эту колонію недавно посетилъ, какъ сообщаютъ «Якут. Еп. Вѣд.», епископъ якутскій Никодимъ. Больные, бывъ предувѣдомлены о посѣщеніи ихъ владыкой, ждали его около одной въ своихъ четырехъ юртъ. Трудно представить себѣ ту радость и благоговѣніе, какія выражались на лицахъ этихъ несчастныхъ. Въ лицѣ преосвященнаго Никодима прокаженные увидѣли не строгое начальство, а друга и истиннаго отца, пришедшаго съ цѣлью утѣшить ихъ, помочь и облегчить тяжелое ихъ положеніе. А положеніе это, дѣйствительно, тяжелое, хотя бы только потому, что невозможно же думать, чтобы люди эти не замѣчали окружающей ихъ грязи, тяжелаго зловоннаго за-

шаха, отвратительной одежды, у многихъ прикрывающей покрытое гнойными ранами тѣло, и т. д. Радость и благоговѣніе несчастныхъ еще болѣе усвѣлились, когда они увидѣли, что владыка не боится ихъ, какъ боится ихъ всѣ другіе, не бѣжитъ отъ нихъ, какъ бѣгутъ другіе. Видъ всего, что представляетъ группа прокаженныхъ въ своихъ помѣщеніяхъ, заставляетъ новаго посѣтителя ихъ держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи, причемъ, надо признаться, съ его стороны пужбы не малыми усиліи для того, чтобы сдерживать невольно явившуюся тошноту, а между тѣмъ владыка, благословляя ихъ, давалъ имъ цѣловать руку, самъ надѣвалъ на каждого благословляемаго крестикъ, говорилъ слова участія, входилъ въ подробный осмотръ ихъ юрты и т. п. Прокаженные взирали съ любовью на „самоотверженнаго отца несчастныхъ“, какъ они называли владыку, подходили подъ благословеніе, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Въ заключеніе, преосвященный Никодимъ и прокаженные сняты были въ общей фотографической группѣ; въ центрѣ ея, вблизи преосвященнаго и при входѣ въ восточную юрту, помѣщены были больные, съ трудомъ передвигающіеся, или и вовсе лишенные возможности двигаться безъ посторонней помощи, а прочіе разставлены были по обѣ стороны отъ этихъ. Простывшись съ прокаженными, владыка посѣтилъ домъ завѣдующаго выселкомъ врача г. Гиммеръ и около 5 часовъ вечера выбылъ изъ выселка. Когда онъ помѣстился на поданной линейкѣ, прокаженные обступили экинажъ, заявляя о своихъ нуждахъ. Памятною осталась ихъ просьба—выслать вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ.

— Слѣдующій фактъ свидѣтельствуетъ о жаднѣ къ просвѣщенію, все болѣе проявляющейся въ темной крестьянской средѣ. Не такъ давно въ с. Кузнецовѣ, Ельницкаго уѣзда, была открыта, по словамъ «Орѣб. Еп. Вѣд.» церковно-приходская школа. Большая волна жаждущей знанія деревенской дѣтвора нахлынула въ школу, какъ только распахнулись ея двери. Большое помѣщеніе образцово-устроенной школы едва могло вмѣстить собравшихся учениковъ, которыхъ оказалось до 80 чел. Но вотъ горе, не хватаетъ бунварей и досокъ. Въ школу было выслано такое количество учебныхъ принадлежностей, что ихъ и для половины учениковъ не хватало. Тогда дѣти стали на свои средства прибрѣтать книжки и грифельныя доски. Одинъ мальчакъ, сынъ бѣдныхъ родителей изъ дер. Климятино, явился въ школу въ числѣ послѣднихъ, почему и не былъ однимъ изъ счастливецевъ, получившихъ даромъ

книжку. Какое же ученіе безъ книжки? И вотъ, мальчикъ грустный отправляется домой, спросивъ, предварительно, сколько стоятъ бумажка и доска. Ему сказали, что 30 коп. Затѣмъ, четыре дня мальчикъ не былъ въ школѣ, наконецъ, на пятый день является и приноситъ 30 коп., съ просьбой купить ему книжку и доску. „Что-же, это отецъ далъ тебѣ денегъ“,—спрашиваютъ у мальчика. — „Нѣтъ, не отецъ, онъ бранится и не пускаетъ меня въ школу“. Изъ разспросовъ оказалось, что мальчикъ четыре дня ходилъ по милостыню собралъ кусочки: продавъ ихъ, онъ получилъ 30 б., которыя и принесъ въ школу.

— По сообщенію «Торг. Пром. Газ.», опыты развозной торговли книгами по деревнямъ сдѣланы недавно книжнымъ складомъ саратовскаго губернскаго земства. Земскій книгошопъ снабженъ лошадью и специально приспособленнымъ для торговли санями; послѣдній отчетъ книгошопы за ноябрь и декабрь минувшаго года показываетъ, что продажа книгъ шла значительно успѣшнѣе прежняго (разносной торговли); за два мѣсяца продано было книгъ и пособій на 201 руб. 32 коп., въ то время какъ при прежнемъ способѣ за 5 мѣсяцевъ продано на 251 руб. 72 коп. Книгъ продано было за эти два мѣсяца 1.447 экземпляровъ—на 128 руб. 63 коп., учебниковъ—на 56 руб. 97 коп., учебныхъ пособій, картинъ и письменныхъ принадлежностей—на 15 руб. 72 коп.

— Въ «Пермск. Еп. Вѣд.» одинъ житель деревни разсуждаетъ по вопросу о томъ, въ чемъ нуждается деревня. Прежде всего онъ отмѣчаетъ печальный фактъ, что народныя учившица мало исправляютъ деревенскіе нравы и что даже гдѣ населеніе болѣе грамотно, болѣе развито, тамъ болѣе нравственной распущенности, особенно въ молодомъ поколѣніи. И родители въ громадномъ большинствѣ случаевъ недовольны своими грамотными дѣтьми, досаду иногда и на школу. Наблюдая за семейною жизнью крестьянства, авторъ замѣчаетъ, что крестьяне обыкновенно мало заботятся о сохраненіи своихъ дѣтей въ нравственной чистотѣ. При дѣтяхъ они допускаютъ нескромные разговоры, сквернословіе, недобрительные поступки, поютъ до-пьяна ихъ водкой, пускаютъ ихъ на деревенскія вечерники, гдѣ молодежь допускаетъ вообще много соблазнительнаго, безнравственнаго. Вслѣдствіе всего этого 7—8 лѣтній ребенокъ часто бываетъ знакомъ со всякою нравственною грязью и въ нѣкоторыхъ порокахъ не только не останавливается старшими, но даже поощряется (напр. въ сквернословіи).

Школа, въ которую поступаютъ крестьянскія дѣти, по краткости времени пребыванія въ ней, почти нисколько не ослабляетъ въ дѣтяхъ порочныхъ наклонностей, заимствованныхъ ими отъ старшихъ, такъ какъ, и посѣщая школу, они остаются подъ влияніемъ своей невѣжественной среды. Какъ необходимый выводъ изъ этого печальнаго явленія, слѣдуетъ мысль о необходимости научить крестьянъ воспитывать своихъ дѣтей. Правда, духовные пастыри, въ силу своей обязанности, и учатъ своихъ пасомыхъ; но доброе сѣмя въ загрубѣломъ сердцѣ родителей, воспитанныхъ въ нравственной безпорядочности, очень часто не находитъ доброй почвы. Очевидно, въ помощь родителямъ, пастырю и школь для воспитанія дѣтей народа въ духѣ вѣры и христіанской нравственности, необходимы особыя лица, которыя смотрѣли бы за дѣтьми внѣ школы и семьи, а частію и въ самой семьѣ, когда родители не радятъ о дѣтяхъ—которыя бы заботились о томъ, чтобы дѣти вели себя благопристойно, устранили бы соблазны, не допуская, чтобы дѣти собирались на губительныя вечера или присутствовали при пьяныхъ сборищахъ, не позволяли бы при играхъ сквернословія и этимъ устранили бы массовое зараженіе порокомъ; необходимы лица, кои, подъ руководствомъ пастырей, учащихся и просвѣщенныхъ лицъ, умными совѣтами и наставленіями в главнѣйшемъ образомъ помощью полезныхъ книгъ развѣяли бы въ дѣтяхъ и поддерживали чистоту нравовъ, богобоязненность, благоговѣніе къ персони,—словомъ помогали бы родителямъ воспитать лучшихъ будущихъ гражданъ, истинныхъ чадъ Церкви в хорошихъ будущихъ воспитателей новаго поколѣнія, способныхъ воспринимать доброе сѣмя церковной проповѣди и пастырскихъ наставленій. Осуществленіе такого наблюденія для охраны дѣтскихъ сердецъ отъ нравственной тли всего скорѣе можетъ быть достигнуто, по мнѣнію автора, чрезъ церковно-приходское попечительство. Оно избираетъ одного, двухъ или болѣе, смотря по территоріи прихода, наблюдателей. Въ помощь наблюдателямъ каждое селеніе избираетъ особое лицо изъ своихъ лучшихъ людей—помощниковъ наблюдателей. Наблюдатели, посѣщая селенія, заботятся, чтобы не было соблазновъ для дѣтей со стороны взрослыхъ. Всѣмъ съ дѣтьми и чтеніемъ имъ полезныхъ книгъ, одобренныхъ священникомъ, и выдачею книгъ на руки грамотнымъ дѣтямъ они развѣиваютъ въ нихъ чувства истинно-христіанскія. Помощники наблюдателя въ своемъ участіи тщательно наблюдаютъ за поведеніемъ дѣтей, не позволяя имъ

произносить нескромныя слова, присутствовать на публичныхъ собранияхъ и т. п. собраніяхъ, а также, чтобъ взрослые въ публичныхъ мѣстахъ не произносили ругательства, не соблазняли дѣтей непримчивыми дѣйствіями и т. п., раздаетъ наблюдаемымъ полученныя отъ священника или наблюдателя книги для чтенія, исполняетъ и другія порученія ихъ: напр., приглашаетъ населеніе на чрезвычайныя богослуженія, слѣдить за появленіемъ сектантовъ и проч. Такимъ образомъ, идея дѣйствованія на приходъ чрезъ самихъ прихожанъ прилагается не только къ миссіонерскимъ задачамъ, но и къ дѣламъ нравственно-воспитательнымъ. Разумѣется, успѣхъ здѣсь будетъ зависетьъ отъ того, сколько сочувствія этому дѣлу выскажетъ мѣстное общество и въ особенности мѣстныя власти, безъ посредства которыхъ нельзя обойтись въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но оно не неосуществимо. „Въ нашемъ приходѣ“, говорятъ авторъ,—„описанный порядокъ надзора за нравственностью народной, благодаря стараніямъ предсѣдателя попечительства—священника, уже вводится. Каждое селеніе, безъ затрудненія, нашло и избрало достойныхъ лицъ въ наблюдателя и помощника наблюдателя. Эти лица за пятимѣсячный срокъ успѣли уже доказать свою полезную дѣятельность. Такъ, чрезъ нихъ въ Великій постъ и въ Страстной недѣлѣ и передъ праздниками разсылались въ народъ соответственныя назидательныя книжки и разныя наставленія; въ самые праздники уже мало было того безобразнаго разгула, каковой былъ въ прошлыхъ годахъ; на народныхъ гуляньяхъ почти не бываетъ безобразій и сквернословія, какъ прежде; молодымъ людямъ не дозволяется расхаживать по улицѣ днемъ и ночью, драки рѣдѣютъ, и пожилой народъ этимъ очень доволенъ. Вообще деревенскіе наблюдатели, избранные селеніемъ (тѣ же мужички, но лучшіе изъ ихъ), въ дѣлѣ улучшенія народной нравственности въ высшей степени полезны“.

— Въ «Астрах. Еп. Вѣд.» помещена слѣдующая, заслуживающая вниманія статья, подъ заглавіемъ: „противъ развитія въ простомъ народѣ склонности къ свѣтскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ“. „Современный міръ, пишетъ авторъ, призываетъ своихъ поклонниковъ къ смѣху, веселію и псевозможнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ и развлеченіемъ, особенно въ воскресные и праздничные дни. Этотъ призывъ особенно громко и смѣло раздается въ наше время. Ни о чемъ въ современномъ мірѣ такъ не думаютъ, ни о чемъ такъ

много не говорятъ и не пишутъ, какъ о веселомъ времяпровожденіи. Юноша еще на школьной скамьѣ мечтаетъ, какъ онъ будетъ приобрѣтати много денегъ и весело проводить время. Люди пожилые не уступаютъ молодымъ. Театръ для многихъ сдѣлался потребностью, которой они удовлетворяютъ чуть не ежедневно. Грязныя картинны изъ жизни, часто представляемыя во всей ихъ наготѣ на подмосткахъ театра, нисколько и никого не отталкиваютъ отъ театра; напротивъ привлекаютъ къ нему, умножаютъ число посетителей и любителей. До того проникла всѣхъ потребность разныхъ общественныхъ развлеченій, что многіе спѣшатъ какъ можно скорѣе и раньше ознакомиться съ ними дѣтей, — позвать ихъ въ театръ и другіе увеселительныя мѣста, заставляютъ ихъ смотрѣть и слушать то, что ихъ чистое ухо и невинное дѣтское око и слышать и видѣть не должны; устраиваютъ дѣтскіе балы, гдѣ ихъ учатъ вести себя, какъ взрослые, а нѣкоторая часть свѣтской печати рассуждаетъ даже объ устройствѣ особыхъ „дѣтскихъ клубовъ, якобы весьма полезныхъ учрежденій“. Есть не мало и такихъ любителей свѣтскихъ развлеченій, которые не почитаютъ грѣхомъ предаваться имъ даже въ дни предпраздничныя и дни великаго поста. Запретили великимъ постомъ зрѣлища по крайней мѣрѣ въ казенныхъ театрахъ и сколько сѣтованій, сколько ропота! Какъ не прискорбно подобное явленіе, но съ нимъ еще, скрѣпя сердце, можно было бы мириться, такъ какъ оно составляло привилегію людей богатыхъ. Простой нашъ народъ до настоящаго времени былъ чуждъ подобныхъ развлеченій и удовольствій, въ которыхъ онъ по врожденной своей скромности и сохранившемуся еще въ немъ чувству цѣломудренности, никогда не питалъ склонности и расположенія, считая всѣ подобныя развлеченія грѣховными, а лицъ, подвизающихся въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, падшими въ нравственномъ отношеніи. Къ прискорбію, въ настоящее время страсть къ разнаго рода увеселеніямъ и развлеченіямъ стала входить въ моду и среди нашего простаго народа, которую такъ называемая интеллигентная наша среда хочетъ чуть не насильственно навязать простому народу подъ громкимъ названіемъ „разумныхъ развлеченій“. И вотъ одни подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ, другіе отъ праздности и бездѣятельности начали устраивать народные театры, открывать общественныя бессловныя клубы „съ буфетомъ и зеленымъ полемъ“, устраивать въ садахъ народныя гулянья съ разными благаными представленіями, выходящими за

предѣлы не только чувства скромности и стыдливости, но даже простого общественнаго приличія, и много другихъ, столь же не певныхъ развлеченій, выдуманныхъ празной и развращенной фантазіей. Учредители в устроитпани этихъ „разумныхъ развлеченій“ обыкновенно говорятъ, что такіа развлеченія для народа необходимы, какъ средства отвлекающія народъ отъ порока пьянства, что простой народъ нашъ потому будто бы предается этому пороку, что не имѣетъ разумныхъ развлеченій. Правда, съ этимъ губельнымъ народнымъ порокомъ, отъ котораго не свободны и другіе классы нашего общества, дѣйствительно нужно бороться; но великое заблужденіе думать, что этотъ порокъ можно ослабить столь легкими и ненадежными средствами, какъ дешевыя и подчасъ даже самаго грязнаго свойства сценическія картины, развращающія воображеніе, притупляющія совѣсть и вкусъ къ чистымъ впечатлѣніямъ. И опытъ показываетъ, что пьянство не только не уменьшается, но значительно усиливается тамъ, гдѣ народу предоставлены разнаго рода развлеченія и удовольствія. Сдѣлавшись вслѣдствіе этихъ развлеченій изъ скучнаго веселымъ, народъ всетаки нисколько не сталъ трезвеннымъ. И впередъ сего ожидать также нельзя; напротивъ, можно съ увеличеніемъ въ народѣ жажды развлеченій и удовольствій ожидать только большаго охлажденія къ вѣрѣ, пренебреженія уставамъ церкви Христовой и т. под. Но говорятъ, что удовольствія и развлеченія нисколько не мѣшаютъ исполненію нашихъ религіозно-правственныхъ обязанностей и легко совмѣстимы между собою. Для человѣка формалиста и бездушнаго, ограничивающаго весь кругъ своихъ религіозно-правственныхъ обязанностей внѣшнимъ выполненіемъ требованій религіи и правдивности, можетъ быть, дѣйствительно такое совмѣщеніе и возможно; но для истиннаго, всецѣло преданнаго служенію Богу человѣка это рѣшительно не совмѣстимо. „Не можете служить Богу и мамонѣ“, сказалъ (Мѣ, 6, 24) Божественный Сердцевѣдецъ. „Гдѣ сокровище ваше, тутъ будетъ и сердце ваше“ (—22). Сердце человѣка—христіанска должно безраздѣльно принадлежать Богу, а любовь къ земнымъ удовольствіямъ отторгаетъ сердце христіанина отъ Христа. Господь Іисусъ Христосъ велитъ отвергнуться себя и взять свой крестъ для слѣдованія за Нимъ, а пристрастившійся къ земнымъ благамъ мечтаетъ не о крестѣ, не о несчастіяхъ и несчастныхъ, а о своемъ удовольствіи. Какъ поповы Христовы, христіане должны бороться со страстями своими и похотями,

а заботящіеся объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ не могутъ допустить мысли, чтобы въ чемъ либо себѣ отказать. Чтобы укоренить въ душѣ своей понятіи христіанскія, нужно болѣе всего послѣдователямъ Христа читать Слово Божіе, а намъ... некогда... и нѣтъ охоты. Устраняйте духовно-нравственныя бесѣды и чтенія, они не пойдутъ на нихъ, потому что это не соответствуетъ ихъ вкусу; они ничего не имѣютъ общаго съ ихъ душевнымъ настроеніемъ; имъ нужны чтенія для забавы и развлечения, лстящія испорченному вкусу, бьющія на эффектъ, но не дающія ничего ни уму, ни сердцу. Жажда чувственныхъ удовольствій гаситъ въ нихъ весь ихъ духовный огонь, т. е. все стремленіе къ нравственному совершенству. Но, можетъ быть, любитель удовольствій свѣтскихъ счастливъ отъ полноты тѣхъ удовольствій, которыя онъ вкушаетъ? Нѣтъ; его веселіе—ложно; онъ веселъ, пока находится въ чадѣ удовольствій, пока не пресытился имъ; но съ пресыщеніемъ у него на душѣ пусто и мрачно; еще большая тоска грызетъ его ненасытное сердце. Есть удовольствія чистыя, свѣтыя; ихъ надо любить и къ нимъ стремиться. Храмъ Божій, молитва, доброе чтеніе, добрыя бесѣды, побѣда надъ собою, служеніе и посильная помощь ближнему. Сколько въ этихъ удовольствіяхъ отрады и утѣшенія сердцу христіанина! Семейный очагъ, родственныя круги, общество добрыхъ единомысленныхъ по Христу знакомыхъ... Вотъ истинное наслажденіе и удовольствіе⁴¹!

— Весьма тягостно и въ нравственномъ отношеніи соединено бываетъ со многими опасностями положеніе нищенствующихъ дѣтей, особенно въ большихъ городахъ. Многія изъ этихъ дѣтей, присылаемыя родителями издалека для обученія ремесламъ, остаются часто безъ всякой нравственной и матеріальной поддержки и, имѣя пріютъ въ разныхъ подозрительныхъ трущобахъ, совершенно гибнутъ. Такое положеніе ихъ обратило, по словамъ «Церк. Вѣсти.», вниманіе добрыхъ людей въ Петербургѣ и тамъ возникло общество попеченій о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, организующее убѣжища для такихъ дѣтей, опредѣляющее ихъ на житье въ крестьянскія семьи и ремесленныя школы. При московско-нарвскомъ отдѣлѣ общества существуетъ новый типъ пріютовъ—сельская дѣтская колонія находящаяся въ 10-ти верстахъ отъ ст. Плюса Сиб.-Варш. ж. дор. Здѣсь дѣти, укрѣпляясь здоровьемъ на свѣжемъ воздухѣ, пріучаются къ разнымъ сельскимъ занятіямъ—огородничеству, пчеловодству, земледѣлію, а также прижѣ, тканью, пштью, сапожному и столярному ремеслу и пр.

— Среди дѣлъ христіанской любви особенно тѣхъ, которыми имѣется въ виду помочь больнымъ, одно изъ видныхъ мѣстъ, по мнѣнію «Церк. Вѣст.», займетъ предполагаемое служеніе монахинь уходу за больными. Въ минувшемъ январѣ браиловскій сельскій врачъ обратился къ епархіальному преосвященному съ просьбою о разрѣшеніи открыть при браиловскомъ женскомъ монастырѣ курсы правильнаго ухода за тяжело больными и тяжело ранеными, а также полагія первоначальной помощи въ угрожающихъ жизни случаяхъ. Теоретическія занятія слушательницъ предполагалось устроить въ монастырѣ, практическія—въ браиловской сельской лѣчебницѣ и въ больницѣ браиловскаго сахарнаго завода. Этотъ планъ былъ одобренъ преосвященнымъ, и игуменіи браиловскаго монастыря дано разрѣшеніе посылать на открываемые курсы способныхъ и благонадежныхъ монахинь и послушницъ. Задуманное дѣло можетъ принести дѣйствительную пользу: сначала монахини будутъ помогать врачу въ сельской лѣчебницѣ и въ заводской больницѣ, а затѣмъ можетъ быть и самъ монастырь откроетъ у себя лѣчебницу для помощи окрестному населенію. Примѣръ такого соединенія служенія Богу и ближнимъ усматривается въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, устроенномъ великой княгиней Александрой Петровной. Это—обитель-лѣчебница, гдѣ сестры исполняютъ обязанности сидѣлокъ и фельдшерницъ. Подобныхъ преданныхъ своему дѣлу и христіански-настроенныхъ сидѣлокъ, которыя могутъ помочь больнымъ не только уходомъ за ними, но и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, у насъ вообще мало, даже и въ городахъ.

— Въ массѣ лютеранскаго народа въ Прибалтійскомъ краѣ давно замѣчается, какъ сообщаютъ «Вѣст. Вѣд.», вообще упадокъ религіозности и враждебное отношеніе къ представителямъ церкви. Дѣло въ томъ, что народъ ни понимаетъ нѣмецкихъ пасторовъ. Нѣтъ связи между народомъ и церковнослужителями. Съ другой стороны, въ Прибалтійскомъ краѣ развивается сектантство, потому что духовная жажда народа не удовлетворена, и онъ ищетъ удовлетворенія на сторонѣ: у баптистовъ, анабаптистовъ, пиверсіанцевъ, нововѣрцевъ, прыгуновъ, бочковѣровъ и т. п. Надо замѣтить, что многія изъ этихъ сектъ проповѣдуютъ фанатизмъ и ненависть не только къ церкви, но и къ школѣ. Между прочимъ, совершенно отпали отъ церкви нововѣрцы. Есть еще причина, почему народъ враждуетъ съ пасторами. Многіе помѣщики имѣютъ привилегію сами выбирать пасторовъ на вакантныя мѣста. А такъ

какъ всё помѣщики пѣмцы, то естественно, что они выбираютъ пѣмцевъ, или отмѣченныхъ эстовъ и латышей. Пѣмецкіе же пасторы не могутъ снисходительно относиться къ народному языку и къ народнымъ обычаямъ, и отсюда всё эти боевые недоразумѣнія между пасторами и пастырями.

— Во Франціи подъ вліяніемъ упорной борьбы церкви съ правительствомъ, грубо посягавшимъ на права и достоинство религіи, среди духовенства изсякъ прежній духъ свободнаго галликанизма, придававшаго французской церкви полунезависимый національный характеръ, и развился крайній ультрамонтанизмъ — съ рабскимъ подчиненіемъ Риму. По такое состояніе совершенно неестественно для духовенства, всегда отличавшагося извѣстною свободою духа, и потому можно было ожидать наступленія реакціи, и она по видимому уже начинается о себѣ давать знать. По словамъ «Церк. Вѣст.», въ печати время отъ времени встрѣчаются извѣстія о происходящемъ среди французскаго духовенства движеніи къ освобожденію отъ римскаго ига и это движеніе съ каждымъ годомъ разростается. Было уже нѣсколько случаевъ, когда довольно видные священники прямо объявляли о своемъ выходѣ изъ римской церкви, которая-де перестала давать удовлетвореніе живымъ запросамъ духа, представляя собою лишь внѣшнюю организацію. Однимъ изъ такихъ священниковъ былъ довольно извѣстный Шарбонель, ратующій теперь за сознаніе всемірнаго религіознаго конгресса въ Парижѣ въ 1900 году. Въ виду нѣкоторыхъ крайностей, допускаемыхъ Шарбонелемъ, можно бы думать, что сдѣланный имъ шагъ обуславливался его чисто личными взглядами и туманными порывами; но теперь оказывается, что онъ имѣетъ немало послѣдователей и именно среди французскихъ священниковъ, которые прямо заявляютъ себя солидарными съ нимъ и стремятся выдти изъ римскаго рабства къ свободѣ евангелія. Такие случаи были во всѣхъ концахъ Франціи — въ Нормандіи, Пикардіи, Гасконѣ, Пиренеяхъ, Марсели. Восемь священниковъ поступили въ реформатскіе университеты для лучшаго ознакомленія съ Св. Писаніемъ. Одинъ марсельскій священникъ, г. Буррье, бывший первымъ викаріемъ одной изъ самыхъ большихъ римско-католическихъ церквей въ этомъ городѣ, сдѣлался теперь проповѣдникомъ реформатской церкви и сталъ издавать особую газету подъ названіемъ: „Французскій христіанинъ“, — именно въ духѣ новаго реформатскаго движенія. Одна нѣмецкая протестантская газета (Ev.-Kirchl-Anzeiger), сообщая объ этомъ

движеніи, говоритъ: „Какое было бы пріобрѣтеніе, если бы теперь, какъ въ XVI вѣкѣ, наибольшее число изъ 60000 священниковъ и монаховъ Франціи обратились къ истиннѣ Евангелію!“ Подъ „Евангеліемъ“ газета разумѣетъ протестантизмъ. По мнѣнію «Церк. Вѣст.», для христіанства это новсе не было бы пріобрѣтеніемъ, а скорѣе потерей, потому что въ основѣ протестантизма лежитъ рационализмъ и невѣріе. Притомъ протестантизмъ никогда не можетъ разсчитывать на усвѣхъ среди французскаго духовенства, которому онъ чуждъ по самому существу. Напротивъ для французскаго духовенства есть другой гораздо болѣе простой и естественный исходъ къ свободѣ евангелія изъ-подъ ига папства, именно старокатолицизмъ, который, предоставляя свободу отъ римскаго рабства, въ то же время можетъ охранять и отъ протестантскаго суетумудрія, давая твердую опору въ началахъ пераздѣленной вселенской церкви перваго тысячелѣтія христіанской исторіи.

— По словамъ того же журнала, въ Англіи мысль о воссоединеніи съ православнымъ востокомъ продолжаетъ занимать многихъ представителей церкви, и по напряженности ея можно судить о томъ, что нѣкоторые прелаты не прочь, такъ сказать, опередить даже величавое, хотя конечно и медленное, движеніе исторіи. Такъ, извѣстный сочувственникъ православному востоку, епископъ салисберійскій Вордсвортъ, во время своего недавняго пребыванія въ Константинополь, обратился къ блаженному патріарху Константину съ предложеніемъ, чтобы онъ призывалъ съ православно-греческой точки зрѣнія каноническимъ совершенное англиканскими священникамъ на востокъ таинство крещенія и преподаваемое имъ св. причащеніе. Этимъ самымъ дѣятельность англиканскихъ священниковъ, пребывающихъ на востокѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ греческаго православнаго духовенства, распространилась бы и на православно-греческое населеніе, что—де повлекло бы за собою извѣстное сближеніе между грекоправославной и англиканской церквами. Вселенской патріархъ отвѣтилъ, что предложеніемъ этимъ затрогиваются слишкомъ глубокія догматическія истины греко-православной церкви, чтобы его можно было принять безъ тщательнаго разсмотрѣнія и ислѣдованія, и выразилъ англиканскому прелату желаніе, чтобы онъ это предложеніе представилъ въ письменномъ изложеніи. Вордсвортъ заявилъ, что по своему возвращеніи въ Англію онъ доложитъ объ этомъ желаніи патріарха архіепископу кэнтерберійскому, отъ имени котораго онъ будто бы сдѣлалъ и самое предложеніе. По пути въ Константинополь

прелатъ вѣлъ подобныя же переговоры и съ патриархами іерусалимскимъ и александрійскимъ.

— 15-го февраля, въ недѣлю сыропустную, происходили выборы новаго митрополита Сербскаго на мѣсто блаженно-почившаго о Господѣ доблестнаго архиепископа Сербскаго, митрополита Михаила. Выборъ палъ на епископа Нишскаго, преосвященнаго Иннокентія. Новоизбранный митрополитъ, въ мірѣ Іаковъ Павловичъ, родился 1 августа 1840 года, въ г. Шабці. Отецъ его былъ извѣстный и заслуженный протоіерей Іоаннъ Павловичъ. Основную школу и гимназію онъ проходилъ въ родномъ городѣ и потомъ поступилъ въ Бѣлградскую семинарію. Послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ ней, въ 1856 г. онъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Кіевъ, гдѣ и изучалъ богословскія науки сначала въ семинаріи три года, а потомъ и въ духовной академіи, по окончаніи курса которой, въ 1863 году, онъ возвратился въ свое отечество, и 1-го октября того же года назначенъ былъ преподавателемъ въ Крагуевацкую гимназію, а чрезъ годъ получилъ званіе профессора. Въ январѣ 1870 года былъ перевѣщенъ профессоромъ въ Бѣлградскую семинарію, гдѣ и преподавалъ богословскія науки до 1879 года, и исполнилъ за этотъ періодъ времени должность ректора семинаріи въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ, по новому закону, начальникомъ церковнаго отдѣленія при министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и проходилъ эту должность до 1886 года, когда она была упразднена. Переведенный затѣмъ снова въ духовную семинарію, онъ до 1893 года непрерывно почти состоялъ въ должности ректора и профессора. Оудовѣвъ, онъ принялъ въ 1891 году, въ монастырѣ Раковицѣ, монашескій чинъ съ именемъ Иннокентія, и вскорѣ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 2-го августа 1894 года былъ хиротонисанъ въ епископа Нишской епархіи. Новоизбранный владыка-митрополитъ, за время своего учительства въ семинаріи, немало усердно и ревностно потрудился и на литературномъ, спеціально богословско-педагогическомъ поприщѣ и, благодаря отличному знанію русскаго языка и знакомству съ русскою богословскою и педагогическою литературою, онъ не мало приготовилъ учебниковъ по этимъ предметамъ, такъ какъ въ нихъ былъ большой недостатокъ. Такъ, онъ переработалъ и издалъ учебники догматическаго и пастырскаго богословія, литургіи и хрестоматіи для школьнаго употребленія, а также издалъ исторію педагогики и методикъ въ примененіи къ школьному курсу. Преосвященный извѣстенъ и какъ церковный ораторъ.

Онъ напечаталъ болѣе 250 своихъ оригинальныхъ церковныхъ поученій, въ которыхъ простымъ, яснымъ, общедоступнымъ языкомъ онъ изъясняетъ истины христіанской вѣры, жизни и нравственности, не пропуская, однако, и современныхъ вопросовъ, которые онъ всегда обсуждалъ съ точки зрѣнія строго-церковнаго православнаго вѣроученія. Владыка участвовалъ своими популярными трудами и въ разныхъ духовныхъ журналахъ, слѣдя за современною литературою. Проходя разные должности и обязанности, преосвященный, до своего постриженія въ монашество, состоялъ въ званіи придворнаго протоіерея и духовника Ихъ Величествъ. За свое долговременное и ревностное служеніе церкви и отечеству преосвященный получилъ разные награды и отпущія не только отъ своихъ государей, но и отъ иностранныхъ, Россіи, Черногоріи, Румыніи. Желая служить своему отечеству и народу не только словомъ, но и дѣломъ, преосвященный Иннокентій былъ ревностнымъ и дѣйтельнымъ членомъ и участникомъ въ разныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ и просвѣдильныхъ обществахъ. Его имя въ числѣ первыхъ основателей общества святаго Саввы, имѣющаго високою цѣль служить сербскому элементу и виѣ предѣловъ отечества—книгою, матеріальною помощію, добрымъ совѣтомъ и разумною защитою его народныхъ правъ, его вѣры, обычаевъ—исторіи. Авторитетное участіе принималъ онъ и въ учрежденіи «священническаго и монашескаго удруженія» (братства), которое на своихъ ежегодныхъ собраніяхъ занимается обсужденіемъ и выработкою многоразличныхъ средствъ для своего подъема, развитія, укрѣпленія и плесообразной дѣятельности. «Церк. Вѣд.».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ БРОШЮРЫ:

Д. В. ДРЭПЕРЪ
„СОНЪ И СМЕРТЬ“

СПБ., 1898 года, Ц. 20 к. Складъ изданій при типографіи А. Л. Трунова СПб., Калашниковскій пр., д. № 11—13. Продается и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПОЛЬ ЖАНЕ

„Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ“

(Переводъ съ французскаго). СПБ., 1898 г. Ц. 40 к. Складъ изданій при типографіи А. Л. Трунова. СПб., Калашниковскій пр., д. № 11—13. Продается и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

НОВАЯ КНИГА:
МѢСЯЦЕСЛОВЪ И ТРІОДІОНЪ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

ЖИТІЯ всѣхъ святыхъ, **ПРАЗДНИКИ**, **ПОСТЫ** и прочіе дни церковнаго года, съ присоединеніемъ **ТРОПАРЕЙ**, **КОНДАКОВЪ** и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ пѣснопѣній и **МОЛИТВОСЛОВІЙ**

(ВЪ ПЯТИ ВЫПУСКАХЪ).

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Мѣсяцесловъ. Житія всѣхъ святыхъ, чтимыхъ всею Греко-Россійскою Церковію, а также мѣстно чтимыхъ въ Россіи, Южно-Славянскихъ и Греческихъ. Дванадцатые и всѣ прочіе праздники, ихъ исторія, цѣль и значеніе. Предпразднотва, поспразднотва и отдѣлы праздниковъ. Особенности церковныхъ службъ и знаменательные церковные обряды въ нарочитые дни года. Посты, исторія ихъ установленія, цѣль и значеніе. Тропари и кондаки на каждый день года. Величанія и другія церковныя пѣснопѣнія и молитвословія. Празднотва въ честь всѣхъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери. Указанія чтеній изъ Евангелія, Апостола и паремій на каждый день года.

2) **ТРІОДІОНЪ.** Приготовленіе къ Великому Посту. Педѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ. Седмица вседневная. Педѣля о Блудномъ сынѣ. Седмица Мисопустная. Педѣля Мисопустная. Седмица Сырная. Педѣля Сыропустная. Овятая Четырехдесятница. Первая седмица. Первая педѣля. Вторая седмица. Третья седмица. Третья педѣля. Четвертая седмица. Четвертая педѣля. Пятая седмица. Пятая педѣля. Шестая седмица *Входъ Господень въ Иерусалимъ.* Страстная седмица. Великій понедѣльникъ. Великій вторникъ. Великая среда. Великій четвертокъ. Великій пяттокъ. Великая суббота. *Пасха.* *Святное Христово Воскресеніе.* Пасхальная седмица. Педѣля по Пасхѣ. Педѣля о Фомѣ. Педѣля св. жены Мученицы. Педѣля о Разслабленномъ. Преполовеніе. Педѣля о Самарянинахъ. Педѣля о Слѣдомъ. Отдѣлы Пасхи. *Вознесеніе Господне.* Педѣля Св. Отцовъ. *Пятидесятница.* *День Святыхъ Духа.* Педѣля Всѣхъ Святыхъ.

3) **ДОПОЛНЕНІЕ.** 1) Тропарь и кондакъ общіе святымъ. 2) Изъ утреннихъ молитвъ. 3) Порядокъ ридоваго чтенія каноновъ въ теченіе года. 4) Указатель гласовъ и чтеній изъ Апостола и Евангелія на педѣляхъ по Пятидесятницѣ. 5) Апостолы и Евангелія при совершеніи нѣкоторыхъ чинослѣдованій по Требнику. 6) Указатель праздниковъ, силовныхъ педѣль, постовъ и дней поминовенія. 7) Указатель иконъ святыхъ. 8) Чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы. 9) Краткій словарь малоповятныхъ церковно-славянскихъ словъ.

Всѣ пять выпусковъ заключаютъ въ себѣ болѣе 600 страницъ большаго формата и убористой печати. Цѣна за всѣ выпуски 2 руб.—Адресъ для письменныхъ требованій: Харьковъ, Духовная Семіарія, Сергѣю Васильевичу Булгакову. Въ Харьковѣ книга продается въ Губернской Типографіи (въ Петровскомъ пер., д. № 17).

Изъ отзыва журнала «Народное Образование», издаваемого Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ, 1898 г., I кн.

„По богатству календарныхъ свѣдѣній, сравнительно дешевая книга г. Булгакова является у насъ едва-ли не единственною“.

„Вообще, со стороны своего содержанія Мѣсяцесловъ г. Булгакова заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго общества, какъ полезная и назидательная книга“.

„Надобно признать, что книга г. Булгакова, какъ полезная и назидательная по своему содержанію, можетъ быть занесена въ каталогъ книгъ для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ и для библиотекъ народныхъ“.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1898 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ
„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ
 Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія
 Александровича, Братствомъ св. Василія, Епископа Рязнскаго.
 (VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ своею цѣлью служить интересамъ св. Церк-
 кви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, русскими сектант-
 ствомъ рационалистическаго и эстетическаго направленія и магометанствомъ. Из-
 дается по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ и состоящей изъ 4-хъ
 отдѣловъ. Отд. I: Узаконенія и распоряженія гражданскои и церковной власти. Оф-
 фціальные отчеты. — Отд. II: Научно-литературныя статьи. Бесѣды и поученія.
 Незваные кампаніи дробности. Библиографія. Списки книгъ. — Отд. III: Извѣ-
 стія по Рязнскаго епархіи. — Отд. IV: Обзоръ текущихъ событій въ вѣнхъ епар-
 хіяхъ. Третій всероссійскій миссіонерскій Сѣздъ (изъ г. Казани), признавая жур-
 налъ этотъ полезнымъ пособіемъ при борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ, ре-
 комендовалъ его для пріобрѣтенія во всѣ церковно-приходскія и благотворительскія
 противораскольническія и противосектантскія библіотеки. Выходитъ разъ въ два
 мѣсяца, книжками не менѣе пяти печатныхъ листовъ въ каждой. Цена за годовое
 изданіе 2 рубля, съ пересылкой. Адресъ: гор. Рязань, въ редакцію „Миссіонер-
 скаго Сборника“.

Открыта подписка на 1898 годъ (четвертый годъ изданія)
 на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

издаваемый „Обществомъ распространенія религіозно-прав-
 ственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ въ
 С.-Петербургѣ.

Въ журналѣ „Спб. Духовный Вѣстникъ“ печатаются житія святыхъ въ видѣ
 краткихъ бесѣдъ, слова, бесѣды и поученія на предстоящіе праздники или церков-
 ныя событія. Будутъ продолжены печатаніемъ письма епископа Оеифана-затвор-
 ника къ Н. В. Климку и его же письма къ В. В. Шидловской и дневныя про-
 тоіерки І. Н. Сергіева (Хронистагетскаго). Руководящія статьи посвящаются важ-
 нымъ вопросамъ и событіямъ изъ столичной и общей церковной жизни. Будутъ
 печататься свѣдѣнія о состояніи раскола и сектантства въ столицѣ, епархіи и
 Россіи, о прошлой церковной жизни по памятникамъ старины и письмамъ исто-
 рическихъ дѣятелей, о состояніи церковной и общественной жизни и просвѣщенія
 въ другихъ епархіяхъ и за-границей. Служа органомъ „Общества распространенія
 религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ и С.-Пе-
 тербургской епархіи, „Спб. Духовный Вѣстникъ“ имѣетъ задачей дать полную
 картину жизни, просвѣщенія и благотворительности въ столицѣ и епархіи, совер-
 шающихся подъ покровомъ Православной Церкви — и обзоръ религіозно-просвѣ-
 тительной дѣятельности „Общества“. Подписка иная изъ годъ съ доставкой в
 пересылкѣ — 6 р., 1/2 года — 3 р., за границу — 11 р. Въ розничной продажѣ 10 к.
 за №. Журналъ выходитъ по пятницамъ, въ разѣрѣ не менѣе 1 1/2 печатнаго листа
 каждый №. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 6.
 Редакція, для личныхъ объявленій съ редакторомъ, открыта по четвергамъ отъ 2
 до 3 час. дня. Подписка принимается въ конторѣ, которая открыта ежедневно
 съ 10 час. утра до 4 час. пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.
 Въ конторѣ продаются и отдѣльные №№ журналы. Имѣются экземпляры журнала
 за 1895, 1896 и 1897 г.г. по 5 рублей.

Редакторъ, Синодальный Философъ Орнатій.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

„Православный Благовѣстникъ“ въ 1898 г.

(Шестой годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1898 году.

«Православный Благовѣстникъ», какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по прежнему будетъ имѣть своею цѣлю—съ одной стороны вышеніе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. И нѣтъ сомнѣній въ томъ, что свѣдѣнія объ истинно-апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ) не могутъ не представлять живаго интереса для всѣхъ тѣхъ, кому дѣйствительно дороги успѣхи православной церкви и русской гражданственности. Сообщеніе этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала «Православный Благовѣстникъ».

Программа журнала слѣдующая: I Отдѣлъ оффиціальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества II Рукоподписія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ, Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, въ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники—въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, вѣншія сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, приписываемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ. IV Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна пздалія четыре рубля 50 коп., безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою, за границу—шесть рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Стрѣтенка, домъ Спасской церкви.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за 1893, 1894, 1895 и 1896 годы могутъ быть высланы по *четыре рубля*.

Редакторъ Н. Комаровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„СЪВЕРЪ“

XI-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ
выходящій подъ редакціей А. А. Коринѣскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься произведенія М. П. Альбова, А. В. Амфитеатрова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Вальмонта, К. С. Баранцевича, А. П. Будищева, И. А. Бунина, П. В. Бякова, В. Л. Величко, гр. А. А. Голенищев-Кутузова, П. П. Добротворскаго, А. Е. Зарина, А. В. Круглова, П. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Лихачова, М. А. Лохвицкой, А. А. Лугового, С. В. Максимова, Д. П. Мясина-Сибиряка, Л. М. Медвѣдова, Н. М. Мянскаго, К. Л. Михаловскаго, В. М. Михеева, проф. П. А. Орлова, П. О. Порфирова, П. Н. Потанички, М. П. Шалева, гр. Е. А. Салиаса, В. И. Свѣтлова, К. К. Случевского, П. А. Соловьева-Несмѣлова, О. К. Соллогуба, проф. П. В. Сорокина, Вл. А. Тихопова, Л. Н. Трефолева, С. С. Трубалова, кн. Э. Э. Ухтожскаго, К. М. Фоданова, О. В. Черняговца, Ант. П. Чехова, О. П. Чюмпной, П. А. Щеглова и др. извѣстныхъ писателей. Въ 1898 году подписчики журнала „СЪВЕРЪ“ получатъ: 52 №№ иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ 12 №№ съ двѣтъми рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. 52 №№ еженедѣльной газеты „СЪВЕРЪ“ (въ форматѣ газетнаго листа убористой печати). 12 томовъ „БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“, каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 страницъ плотнаго перифта, изъ которыхъ будетъ дано собраніе повѣстныхъ романовъ Генрика Сенкевича: 1) „Бѣлы догматы“, 2) „Семья Польшацкихъ“, 3) „Quo Vadis?“ („Камо грядеши?“), 4) „Крестоносцы“. Этими романами знаменитый писатель создалъ себѣ по всемірной литературѣ громкое имя. Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ. 12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваний, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительными текстами, на отдѣльныхъ большихъ листахъ. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала „ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДОСТВО“, въ которомъ даются совѣты и указанія, необходимыя для хозяйства и домашнего обихода. Кроме всего этого, годовые подписчики „СЪВЕРА“, получатъ бесплатно роскошный художественный альбомъ: 48 иллюстрацій къ полному собранію очерковъ Ив. Серг. Тургенева. Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 годъ преміи журнала „СЪВЕРЪ“, вышеставшаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, П. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится вѣдъ великаго сомнѣнія.

Подписка цѣна со всѣми приложеніями: 6 руб. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 7 руб. съ доставк. и перес. во всѣ города Россіи; за-границу на годъ 11 руб. На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 р. 50 к. на 3 мѣс. 1 р. 75 к. на 1 мѣс. 60 коп. Подписка адресуется въ Главную контору журнала „СЪВЕРЪ“ (Сиб., Екатеринбургск., 4) на имя издателя Ф. Н. Мертца.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Годъ второй открыта подписка на большую ежедневную газету

„МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ“

1898 года,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую, экономическую и коммерческую, без предварительной цензуры.

(Всѣхъ номеровъ выходитъ 360 въ годъ).

„Міровые Отголоски“ вступаютъ во второй годъ своего существованія, и въ то время главѣ издателя и редактора, десятки лѣтъ столица на посту публичной мысли. Задача „Міровыхъ Отголосковъ“ высоко держать знамя закона и не только самимъ не позволять себѣ отступленийъ отъ закона, но и другихъ не терпѣть правонарушений, причиняющихъ серьезный ущербъ духовнымъ и имущественнымъ интересамъ общества. Проступно тамъ молчать, гдѣ долгъ вопить и бичевать! Программа „Міровыхъ Отголосковъ“ полною и разнообразною рамкою самымъ большимъ столичнымъ газетамъ; въ составъ ея входятъ 1. Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ. 2. Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей, равно отъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ. 3. Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. Корреспонденціи изъ главныхъ центровъ государственной и общественной жизни всего свѣта. 4. Обзорніе дѣйствій русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія. 5. Духовная литература. 6. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7. Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей. 8. Обзорніе событій государственной и общественной жизни. Хроника и разные извѣстія. Спортъ. Некрологи. 9. Областные обзорнія и корреспонденціи изъ главныхъ городовъ Россіи. Земское, городское и сельское хозяйство. Отчеты о засѣданіяхъ разныхъ обществъ. 10. Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русскаго и иностраннаго. Критическія статьи о являющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ. 11. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новостя театра, музыки, ремесла и пр. 12. Излишняя словесность—повѣсти, романы, рассказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія. 13. Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе. 14. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. 15. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскаго и иностраннаго акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. 16. Биржевыя извѣстія, внутреннія и заграничныя. Фондовыя биржи. Товарные рынки. Ярмарка. Урожай. 17. Рисунки историческіе и бытовые, соответствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. Моды. Каррикатуры. 18. Справочный отдѣлъ и 19. Казенныя и частныя объявленія. Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и въ особомъ полулѣтѣ, выходящемъ еженедѣльно, по воскресеніямъ.

П О Д П И С К А Я Ц Ъ Н А :

	На годъ 11 мѣс.		10 мѣс.		9 мѣс.		8 мѣс.		7 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Безъ доставки	14	—	13	—	12	—	10	50	9	80
Съ доставкою по гор. почтѣ	16	—	15	—	13	50	12	—	11	—
Съ пересылкою иногороднымъ	17	—	15	50	14	50	13	50	12	50
За границу	26	—	24	50	23	—	21	—	18	50
	на 6 мѣс.		5 мѣс.		4 мѣс.		3 мѣс.		2 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Безъ доставки	8	—	6	80	5	50	4	—	2	80
Съ доставкою по гор. почтѣ	9	—	7	50	5	80	4	50	3	30
Съ пересылкою иногороднымъ	10	—	8	50	7	—	5	50	4	—
За границу	14	—	12	—	10	—	8	—	6	—

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи «Міровыхъ Отголосковъ» Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), д. № 80.

Редакторъ-издатель К. В. Трубиновъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1894 года: за всѣ прошедшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Прованедомія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія появленія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться лѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнипскаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Фларета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. П. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго сохвѣта“. Профас. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свѣд. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимира Готте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и восточная Церковь“. Свѣд. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичествомъ“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Извѣстность и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свѣд. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Изытъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? З. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Пестомилля.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія тахмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ званіи въ церковномъ богослуженіи“. А. Сгруппикова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковского.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣллева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодoprиношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Находъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ иракославнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Докладъ А. Бѣллева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свѣд. Т. Буткевича.—„О славянскомъ богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Лворскаго и Феофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савиленца.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. О.—„Ультраконтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свѣд. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свѣд. І. Филевова.—„Историческій очеркъ одиночрія“. П. Ожирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириллова.—„Православны ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи въ Уплевронетета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ливинаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудню; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ страницъ и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 50 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.